

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2023. № 5(173)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 5.2.2 – Математические, статистические и инструментальные методы в экономике; 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика; 5.2.5 – Мировая экономика; 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5 – Политическая социология; 5.4.7 – Социология управления; 5.5.1 – История и теория политики; 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии; 5.5.3 – Государственное управление и отраслевые политики; 5.5.4 – Международные отношения.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНХиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory".

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023
- © Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2023
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — советник ректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (Санкт-Петербург);

Заместитель главного редактора: Азаров А. А. — кандидат технических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хлутков А. Д. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук (Санкт-Петербург), *председатель Редакционного совета*;

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Чжу Сюйфэн — профессор, PhD, заместитель декана факультета государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа (Китайская Народная Республика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Некипелов А. Д. — доктор экономических наук, профессор, академик РАН (Москва);

Новикова И. Н. — доктор исторических наук, профессор (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Плотников В. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Растворцева С. Н. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Диего Эрнандес — PhD, доктор в области политической социологии (Монтевидео, Уругвай)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Research Supervisor of the North-West Institute of Management of the RANEPА, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg);

Deputy Chief Editor: Azarov A. A. — PhD in Technical Sciences, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPА

EDITORIAL COUNCIL

Khlutkov A. D. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics) (St. Petersburg), *Chairman of the Editorial Council*;

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPА and regional academies of public administration (Moscow);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St.Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain);

Zhu Xufeng — Professor, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Administration and Management, Tsinghua University (People's Republic of China)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Nekipelov A. D. — Doctor of Science (Economics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow);

Novikova I. N. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Plotnikov V. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Rastvortseva S. N. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);

Diego Hernández — PhD, Doctor in Political Sociology (Montevideo, Uruguay)

ОТ РЕДАКЦИИ

- 8 ШАМАХОВ В. А.**
Планирование развития Санкт-Петербурга. Взгляд историка
- 9 ХЛУТКОВ А. Д.**
Планирование развития Санкт-Петербурга. Взгляд экономиста

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 10 МЕЖЕВИЧ Н. М., ХЛУТКОВ А. Д., ШАМАХОВ В. А.**
Стратегические цели и текущие задачи развития Санкт-Петербурга в контексте экономической истории
- 18 ЗАХАРОВА Н. В., ЛАБУДИН А. В.**
Новый этап инновационного развития Израиля: прогресс или потеря лидерства?
- 28 ПОДОЛЬСКАЯ Е. А., МИСЬКО О. Н.**
Развитие туристического кластера Санкт-Петербурга в рамках создания новых факторов притягательности гостиничной сети за счет апарт-отелей среднего класса
- 40 КОЛЕСНИК Е. А.**
Стратегии занятости беженцев и вынужденных мигрантов: региональный аспект
- 63 НИГАЙ Е. А., НАУМЧЕНКО А. А.**
От SPOD к BAN1: цифровая трансформация бизнес-модели организации сферы недвижимости

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 76 ВСЕЕВ А. Ю.**
Влияние властных элит Северного Кавказа на процессы национального дискурса
- 83 ГРИШАНИН Н. В., МИНЕВИЧ Я. В., МЕРКУШЕВА А. С.**
Корпоративная культура в формировании ценностного и информационного пространства города и компании

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 95 ГРИДНЕВ В. П.**
Деятельность органов военного управления по мобилизации военных строителей на создание непреодолимой обороны на Курской дуге
- 101 ГУРКИНА Н. К.**
Из истории государственного руководства высшей школой в России (проблемы статуса, квалификации, материального положения преподавателей)

113 ЛУШИН А. И.

Антисоветские выступления периода хрущевской оттепели как один из результатов непросчитанных управленческих решений властей

A LINEA**120 ФУ СИНЬСИНЬ**

Сотрудничество Китая и России в области охраны окружающей среды в Арктике: современное состояние и перспективы

129 САВЕЛЬЧЕВ Л. А.

О восприятии России как образовательного направления студентами немецкого университета

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**146 ЧЕТВЕРИКОВ А. О.**

Международное право и политическая журналистика в борьбе с радикализацией информационного пространства. Рецензия на монографию «Глобальный индекс экстремизма»

FROM THE EDITORIAL OFFICE

- 8** **VLADIMIR A. SHAMAKHOV**
St. Petersburg Development Planning. The Historian's View
- 9** **ANDREY D. KHLUTKOV**
St. Petersburg Development Planning. The Economist's View

POWER AND ECONOMY

- 10** **NIKOLAY M. MEZHEVICH, ANDREY D. KHLUTKOV,
VLADIMIR A. SHAMAKHOV**
Strategic Goals and Current Objectives of Saint Petersburg Development
in the Context of Economic History
- 18** **NATALYA V. ZAKHAROVA, ALEXANDER V. LABUDIN**
New Stage of the Innovative Performance of Israel: Progress or the Loss
of Leadership?
- 28** **EKATERINA A. PODOLSKAYA, OLEG N. MISKO**
Development of the St. Petersburg Tourism Cluster in the Framework
of Creating New Attractiveness Factors for the Hotel Chain Through Mid-
Range Apartments
- 40** **ELENA A. KOLESNIK**
Employment Strategies for Refugees and Forced Migrants: A Regional Aspect
- 63** **EVGENIYA A. NIGAY, ANDREY A. NAUMCHENKO**
From SPOD to BANI: Digital Transformation of the Real Estate Organization
Business Model

SOCIETY AND REFORMS

- 76** **ALEXANDER Yu. EVSEEV**
Factors of Influence of the Power Elites of the North Caucasus
on the Processes of National Discourse
- 83** **NIKITA V. GRISHANIN, YAKOV V. MINEVICH,
ALEXANDRA S. MERKUSHEVA**
Corporate Culture in the Formation of the Value and Information Space
of the City and the Company

HISTORY AND CULTURE

- 95** **VALERY P. GRIDNEV**
The Activities of Military Management Bodies to Mobilize Military Builders
to Create an Insurmountable Defense on the Kursk Arc
- 101** **NINA K. GURKINA**
From the History of the State Leadership of the Higher School in Russia
(Problems of Status, Qualifications, Financial Situation of Teachers)

- 113 ALEXANDER I. LUSHIN**
Anti-Soviet Speeches of the Khrushchev “Thaw” Period as One
of The Results of Ill-conceived Managerial Decisions

A LINEA

- 120 FU XINXIN**
Cooperation Between China and Russia in the Field of Environmental
Protection in the Arctic: Current State and Prospects
- 129 LEONID A. SAVELCHEV**
On the Perceptions of Russia as an Educational Destination
by the Students at German University

SCIENTIFIC LIFE

- 146 ARTEM O. CHETVERIKOV**
International Law and Political Journalism in the Fight Against
the Information Space Radicalization. Review of the Monograph
«Global Extremism Index»

Планирование развития Санкт-Петербурга

Взгляд историка

St. Petersburg Development Planning. The Historian's View

С точки зрения стратегического планирования размещение или перенос столицы государства является как экономическим, так и политическим действием, результатом достаточного сложных решений, ориентированных на столетия. Разговоры о любви или нелюбви Петра Великого к Москве базируются на вторичных, а то и третичных источниках. А вот то, что Петр Великий рассматривал расположение столицы как направленный вектор геополитических интересов Российского государства — это очевидный факт.

Был ли этот вектор изначально направленным на устье Невы? Нет. Петр I в течение всей жизни прокладывал путь не только на северо-запад, но и на юго-запад. Российская столица могла оказаться на Черном море, а не на Балтийском. Однако это не сложилось по целому ряду причин. Эксцентричная столица в устье Невы потребовала сложной системы защиты, которая сформировалась спустя век после смерти Петра и была связана с Прибалтикой, Великим княжеством Финляндским, а начиналась вообще на Аландских островах. Разрушение этой системы рубежей гарантированной безопасности привело к абсолютно закономерному переносу столицы в Москву и к возвращению к той геополитической, геоэкономической норме, которая существовала в допетровскую эпоху. Ленинград стал в буквальном смысле пограничным городом. К сожалению, таковым он является и сейчас.

Стратегическое развитие и стратегия управления таким городом не могут базироваться на модели 1991–2022 гг. Изменившиеся внешние условия диктуют и новую управленческую парадигму. Попробуем выявить некоторые ее признаки, опираясь на историческую традицию. Как и 300 лет назад, необходим особый акцент на оборону, — защищать шестимиллионную агломерацию нужно не только с военной, но и с экономической точки зрения. Соответствующим образом перестраивать структуру промышленности, готовить стратегические запасы, развивать и дублировать инфраструктуру. Второй, не менее важный, момент — это управление в условиях внешней неопределенности. Бывшие партнеры, пусть даже сложные партнеры, такие как Эстония или Финляндия, становятся демонстративными врагами. В этих условиях стратегия развития второго города страны требует пересмотра и адаптации, чему и посвящена первая статья данного номера.

В. А. Шамахов
научный руководитель
Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук, кандидат исторических наук,
главный редактор

Планирование развития Санкт-Петербурга

Взгляд экономиста

St. Petersburg Development Planning. The Economist's View

Новые экономические и политические условия социально-экономического развития крупных и крупнейших агломераций традиционно определяются внутренними, то есть национальными факторами развития, а не внешними условиями. Это справедливо для Китая, России, для Соединенных Штатов Америки. Однако эта логика работает не всегда: в чрезвычайных условиях может возникнуть ситуация, при которой не внутренние, а именно внешние факторы регионального развития становятся определяющими.

К таким чрезвычайным условиям относятся, разумеется, те фундаментальные изменения геоэкономических условий, которые мы наблюдаем сегодня в контексте Санкт-Петербурга. Наш город 30 лет наращивал свое участие в экспортно-импортных операциях, а комитет по внешним связям, в отличие от международного отдела Ленинградского обкома Коммунистической партии Советского Союза, приобрел де-факто статус мощного экономического ведомства. Порты Санкт-Петербурга и Ленинградской области обрели масштаб, не известный ранее в истории нашего государства. Однако не постепенно, а достаточно резко прежние экономические механизмы регионального развития оказались дискредитированы. Наши оппоненты рассматривают Балтийское море как внутреннее озеро НАТО и Европейского союза, и это создает серьезные угрозы для экономики. Представители и бизнеса, и государства не готовы инвестировать в проекты, судьба которых находится на волоске политической конъюнктуры.

Что же нужно делать в текущих условиях? Разумеется, искать новые, а может быть, вспоминать старые модели развития для перезапуска регионального экономического механизма. Необходимо определить, какие отрасли экономики города будут под ударом кризиса, какие устойчивы к новым условиям, а какие, наоборот, получают новые, дополнительные стимулы к развитию. Этим вопросам посвящена первая статья текущего номера.

*А. Д. Хлутков
директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
председатель редакционного совета*

Стратегические цели и текущие задачи развития Санкт-Петербурга в контексте экономической истории

Межевич Н. М.^{1, 2, *}, Хлутков А. Д.¹, Шамахов В. А.¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Псковский государственный университет, Псков, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье показано, что в общем и целом приграничные и приморские районы, тесно интегрированные в мировую экономику, больше выигрывают от положительной внешнеэкономической внешнеполитической конъюнктуры и, соответственно, больше проигрывают в случае ухудшения. Санкт-Петербург исторически был связан как с Западом, так и с Востоком, в известной степени адаптируясь под меняющиеся условия. Авторы ставят вопрос об адаптации существующих документов стратегического планирования, исходя из новых вызовов, оказавшихся более масштабными, чем ранее предполагалось.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, региональное развитие, стратегическое планирование, экономическая история, геоэкономическое положение, приморское положение

Для цитирования: Межевич Н. М., Хлутков А. Д., Шамахов В. А. Стратегические цели и текущие задачи развития Санкт-Петербурга в контексте экономической истории // Управленческое консультирование. 2023. № 5. С. 10–17.

Strategic Goals and Current Objectives of Saint Petersburg Development in the Context of Economic History

Nikolay M. Mezhevich^{1, 2, *}, Andrey D. Khlutkov¹, Vladimir A. Shamakhov¹

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation

²Pskov State University, Pskov, Russian Federation; *mez13@mail.ru

ABSTRACT

The article shows that in general, the border and coastal regions, closely integrated into the global economy, benefit more from the positive foreign economic situation and, accordingly, lose more in case of deterioration. St. Petersburg has historically been associated with both the West and the East, adapting to changing conditions to a certain extent. The authors raise the question of adapting existing strategic planning documents based on new challenges that turned out to be larger than previously expected.

Keywords: Saint Petersburg, regional development, strategic planning, economic history, geo-economic position, seaside position

For citing: Mezhevich N.M., Khlutkov A.D., Shamakhov V.A. Governance Efficiency as a Condition for Economic Mobilization: Some Historical Lessons // Administrative consulting. 2023. N 5. P. 10–17.

Роль внешних связей в развитии Северо-Запада изучается научным сообществом сравнительно давно. Выводы оказались достаточно противоречивыми. С одной стороны, очевидно, что «...300 лет истории Санкт-Петербурга — это 300 лет исторического вхождения России в мировое сообщество и функционирования в нем» [12, с. 168], с другой стороны, конкретно-исторические формы этого вхождения были

различны. Сегодня трудно предположить, что «Превращение С.-Петербурга в европейскую метрополию, которое позволит не только подключить российский Северо-Запад к формирующемуся высокотехнологичному „балтийскому кольцу“, но и ускорить модернизацию страны в целом. Именно Северо-Запад России — от Калининграда до Новгорода и Пскова и от С.-Петербурга до Карелии и Мурманска — является физическим „интерфейсом“ российско-европейского взаимодействия» [10, с. 6]. В 2022 г. вопрос о «интерфейсе» снят с повестки дня как минимум на среднесрочную перспективу, но достаточно долго именно с форсированным развитием внешнеэкономических связей связывали стратегию развития города.

В 2003 г. появилось научное издание «Основные направления стратегии социально-экономического развития СЗФО на период до 2015 года», в котором содержались указания на геоэкономический и геополитический контекст стратегического развития региона. В 2006 г. также под эгидой Аппарата Полномочного представителя Президента РФ в СЗФО вышла коллективная монография «Европейское сотрудничество — фактор стратегического развития Северо-Запада России» [2]. В работе было показано, что при всем экономическом и политическом значении Ленинградской области ее отдаленные территории иностранных инвесторов интересовали мало, ключевые инвестиции XXI в. приходили в Санкт-Петербург и создавались в ближних пригородах Санкт-Петербурга, подчиненных области. Сохраняется влияние на развитие Санкт-Петербургского приморского региона внешнего фактора, и, разумеется, это влияние пытались измерить. В качестве примера укажем на труд российских экономико-географов [4, с. 67]. Так появились оценки влияния внешнеэкономических связей на региональное развитие. Результатом воздействия этого фактора являются возникающие эффекты (например, приморская рента, эффект агломерации, синергетический эффект и др.) [7].

Факторы, влияющие на региональное развитие, для целей стратегического планирования можно разделить на две группы: статические и динамические. Статические характеристики региона изменить крайне сложно, либо вообще невозможно. К ним относятся географическое расположение, запасы минеральных ресурсов, климат, уровень развития граничащих с регионом территорий и т. д. Динамические характеристики региона изменять можно и нужно. Это уровень экономического развития, образовательный уровень населения, квалифицированность кадров, информационная инфраструктура, уровень преступности и др.

Разделение факторов регионального развития на статичные и динамичные (или на статические и динамические) позволяет нам сделать дальнейшие выводы.

Проблемы стратегического планирования в течение последних 20–25 лет объективно связаны с тем, что в основе базовых теоретических представлений методологии стратегического планирования лежит представление о неизменности внешних условий. Иными словами, предполагалось, что значимое социально-экономическое влияние со стороны ближайших и дальних европейских соседей и партнеров будет оставаться существенным. Однако данная модель оказалась под вопросом уже во втором десятилетии, а сейчас она часть истории, но не текущей политики.

Если проанализировать структуру экономического потенциала Ленинграда 70-х гг. прошлого века и второго десятилетия XXI в., то, конечно, мы найдем достаточные различия. Вместе с тем многие изменения, кажущиеся нам существенными, на самом деле происходили внутри крупных отраслей, комплексов. К примеру, доля транспортного комплекса не уменьшилась, но даже несколько увеличилась. Разумеется, не за счет снижения доли судостроения, а за счет увеличения доли автомобилестроения. Фармацевтическим кластером занимались со времен В. И. Матвиенко, но он

присутствовал и в советский период. Просто роль этого сектора существенно возросла и будет возрастать в контексте импортозамещения.

Санкт-Петербург — в прошлом Ленинград — являлся и является центром наукоемкого машиностроения. Это позволяет внутри машиностроительного комплекса сделать акцент на новые отрасли производства, для которых уже есть определенные технологии базовых производств и т. д. Восстанавливается роль энергетического машиностроения, в том числе тяжелого энергетического машиностроения, появляются отдельные значимые предприятия, связанные с самолетом- и вертолетостроением. Новые возможности появляются у пищевой и легкой промышленности, которая испытала тяжелейшее воздействие внешних рынков, однако в текущих условиях ряд производств, расположенных в Восточной и тем более в Западной Европе, вынуждены окончательно уйти с потребительского рынка многомиллионной агломерации. Ведущий центр Северо-Запада — г. Санкт-Петербург остается признанным мировым центром науки и обрабатывающей промышленности, выпускающим разнообразную продукцию.

Экономическая история нашего города начинается задолго до его основания. «С давних пор (Новгород и Псков в древности, а ныне Петербург, Рига и Ревель) прибалтийские части России служили и ныне служат торговыми путями для сношений с Западною Европою» [6, с. 23].

Географическая локализация Санкт-Петербурга, разумеется, не изменилась с петровских времен. Город находится ровно на том же месте, на котором находился домик Петра Первого и Петропавловская крепость. Размеры самого города тысячекратно увеличились, но его центр находится там же, где был изначально. Однако человек изменил множество географических факторов, которые, в свою очередь, изменили характер экономических, а затем и политических процессов. С точки зрения природно-климатических характеристик Санкт-Петербург был Колымой петровского времени. Болотистая и абсолютно не плодородная земля в месте впадения реки, а на самом деле протоки, в мелководный залив. Наводнения, немедленно помешавшие строителям и тяжело отразившиеся на здоровье Петра Великого, равно как и десятков тысяч строителей и жителей города.

Центральная часть города сформировалась на искусственных грунтах, что хорошо видно по дворцу Меншикова. Современная набережная проходит посередине между первым и вторым этажом здания, и это при том, что само здание построено на насыпном грунте. Уже безотносительно к действиям человека произошло некоторое изменение климата, условия проживания стали существенно лучше, но они по-прежнему далеки от сравнительно средних, к примеру, московских. Разумеется, соглашаясь с Пушкиным «ногою твердой стать при море» и «в Европу прорубить окно», укажем и на то, что твердой ногой встать оказалось достаточно сложно, а море оказалось здесь мелководным даже для петровских фрегатов. Петербургский порт изначально оказался в проигрышном положении по сравнению с Ревелем и Ригой.

Еще одной «важнейшей особенностью Петербурга является то, что этот город не возник за счет естественной „кристаллизации“ избыточного сельского населения. Его основание было связано с решением четко поставленных геополитических и геоэкономических задач, и, прежде всего, для налаживания экономических и культурных связей с Западной Европой. При этом ставилась задача искусственно ограничить конкуренцию. Указом от 12 января 1759 г., принятым во время царствования Елизаветы Петровны и подтвержденным Екатериной II 23 октября 1762 г., воспрещалось „в ближних к Санкт-Петербургу местах учреждать вновь фабрики и заводы“» [5, с. 83].

Основанный гением Петра город постепенно начал сам формировать свое окружение. В 1895 г. Городская дума Санкт-Петербурга создала Комиссию о северных железных и водных путях. Обсуждались два вопроса: выход к Баренцеву и Белому морям. «Сооружение железной дороги к незамерзающим гаваням Кольского полуострова и соединение их с Санкт-Петербургом стало особенно актуальным. Император Александр III обратил внимание на представленный в 1889 г. доклад Олонецкого вице-губернатора Конкевича, предполагавший устройство военно-морской базы в одной из незамерзающих гаваней Мурманского побережья Баренцева моря и возведения к ней железной дороги» [1]. Городская дума увидела, что при соединении с урало-сибирскими дорогами будущий порт Николаев-на-Мурмане может стать еще одним конкурентом Санкт-Петербурга¹. Другой вопрос, уже из сегодняшнего дня и из 1 августа 1914 г., — в какой степени Балтийское море может обеспечить эффективные внешние связи?

Как отмечал профессор В.В. Покшишевский, «До революции город находился в экономически крайне слабо развитом крае, служившем лишь „транзитной средой“ для питания нашего города теми видами сырья, которые он не получал из-за границы; в советское же время Ленинград оказался расположенным в быстро развивающемся, в частности, промышленно развивающемся, крае» [8, с. 117]. Да, российская и советская власть много сделали для реконструкции географического положения. Построены Волго-Балтийский водный путь, Беломорско-Балтийский канал, работающий в настоящее время, вспомним и существовавшую Мариинскую водную систему, которую активно эксплуатировали, как и знаменитые ладожские каналы.

Экономико-географическое положение (ЭГП) объекта не может быть одинаковым на различных этапах развития как самого объекта, так и его окружения. Несложно заметить, что ЭГП Санкт-Петербурга и Ленинградской области сильно и волнообразно изменялось за период с 1913 по 1991 г. и продолжает меняться. К 1913 г. порт Санкт-Петербурга и прилегающая инфраструктура пришли в упадок. При этом динамично развивались порты Риги и Ревеля.

В 1922 г. в Петрограде была издана докладная записка Петроградского Совета Всероссийскому центральному исполнительному комитету. Предисловие к докладу написал Г. Зиновьев, общее авторство Г. Циперовича. Основное направление работы — определение перспектив города. Именно поэтому докладная записка озаглавлена «Будущее Петрограда» [11]. Всем своим содержанием работа подчеркивает кризисное состояние города. Автор ставит вопрос: «Может ли он (Петроград) в полной мере использовать и развить богатейшее наследство, еще до сих пор находящееся в его распоряжении...?» Отвечая на этот вопрос, Г. Циперович пишет: «В Петрограде уже давно народилась теория возрождения Петрограда на основе местных хозяйственных ресурсов». По мнению автора, с которым нельзя не согласиться, эта теория «не возродила и не возродит Петрограда». Однако в последние 68 лет именно концепция опоры на собственные силы реализовывалась в нашем городе. Между тем в 1922 г. прозвучал призыв к движению по пути «город-порт, город-транзит, город промышленности и высокой технической культуры...». Тогда же была представлена иерархия задач и последовательность действий:

1. «Местными силами и средствами восстановить город нельзя.
2. Необходимо вернуться к „забытой роли торгового посредника между Западом и Советской Россией“.

¹ Госкорпорация «Росатом» прорабатывает с нефтяными компаниями вопрос перенаправления морских перевозок нефти с портов Балтийского моря на перевозки по Северному морскому пути (СМП). Об этом глава «Росатома» Алексей Лихачев сказал на совещании Президенту России Владимиру Путину.

3. Промышленность подчинена торговым задачам, а не наоборот.
4. Все, что он (Петроград) получает как транзитный город, от заграничного рынка и от всей Советской России... остается в его кошельке...» [11, с. 167].

Перед нами предыдущая волна географического детерминизма, связанная с переоценкой роли внешних факторов. Закономерно и то, что период этого оптимизма был очень коротким, конец 20-х гг. и сталинская индустриализация показали, что из Ленинграда следует идти на Восток и Север, а вовсе не на Запад.

Примерно с 1924 г. Ленинградский порт реконструируется, задействуются возможности Кронштадта. В 30-е гг. возникает проект Усть-Лужского порта, впрочем, реализован он будет только через 80 лет. Лишь изменение границ СССР приведет к свертыванию проектов в РСФСР и мощным вложениям в инфраструктуру Советской Эстонии, Латвии.

Особая роль транспортного комплекса была подчеркнута в Генеральном плане города и являлась основой разработанной в 1987–1988 гг. Комплексной схемы развития всех видов транспорта Ленинграда и Ленинградской области на период до 2005 г.

В 1992 г. опять выяснилось, что транзитно-транспортная инфраструктура Санкт-Петербургского порта недофинансирована и ЭГП города опять нуждается в реконструкции. С 1997 г. началось проектирование и строительство адекватной потребностям российской торговли инфраструктуры. Город и область возвратили утраченный еще в петровские времена статус «окна в Европу» [3, с. 108]. Первая межотраслевая программа транспортно-технологического обеспечения транзита грузов через прибрежные территории Финского залива была разработана Администрациями Ленинградской области и Санкт-Петербурга в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 06.06.97 г. № 554 «Об обеспечении транзита грузов через прибрежные территории Финского залива».

То, что в дальнейшем, уже в наше время, было названо «Стратегический план Санкт-Петербурга», сегодня адекватным назвать нельзя: «Формирование Санкт-Петербурга как интегрированного в российскую и мировую экономику многофункционального города, обеспечивающего высокое качество среды, жизнедеятельности и производства», больше похоже на идеологическую диверсию, чем на руководство к экономическим действиям.

Все эти примеры необходимы для понимания того, каким масштабным был вклад человека в «исправление» географии нашего города. Казалось бы, статичные факторы развития города. Сравним для примера Петербург со Стамбулом/Константинополем. История возникновения населенного пункта на этом месте отправляет нас к начальным этапам человеческой истории. Развитие крупного города, опирающегося на пролив между Черным и Средиземным морями, представлялось абсолютно логичным любому правителю, поднимавшему здесь свой флаг. Масштаб преодоления природных условий здесь был существенно меньше.

Новое содержание пространственному аспекту развития Северо-Запада России придали процессы глобализации и регионализации. Геополитическое положение макрорегиона Северо-Запада, наличие экономических центров, расположенных в относительной и непосредственной территориальной близости к границам Европейского союза, в условиях повышения открытости региональных экономик и интенсификации международных экономических связей предопределили неотъемлемое влияние трансграничных межрегиональных взаимодействий на пространственное и экономическое развитие региона.

Внешние связи субъектов Федерации с 1991 г. оказались делом совершенно новым, а содержание их постоянно расширялось. Опыта во взаимодействии с ино-

странными государствами или регионами не было. Исключение составляли лишь Москва и Санкт-Петербург (Ленинград). У России в целом и у Санкт-Петербурга, Ленинградской области в последние 30 лет сложились хорошие отношения с Финляндией, как и со всей Европой. Балтика вернула статус «окна в Европу». Однако и сегодня в условиях предельно жестких санкционных режимов в среднесрочной перспективе снижение грузопотоков маловероятно.

На новом этапе развития у Санкт-Петербурга фактически нет иного пути, как начать новую «индустриальную волну», сконцентрировать массивированные государственные и привлеченные источники инвестирования, создавая качественно более совершенную инфраструктуру, производственную, научную и образовательную базу. При выборе стратегии развития следует опираться на ключевой урок плана ГОЭЛРО — развертывание индустрии там, где для этого есть наилучшие предпосылки, т. е. в староосвоенных районах. В современных условиях в качестве их уже не целесообразно рассматривать российские столицы. В качестве приоритетных регионов могла бы выступать Ленинградская область.

Эффект советской модели создал запас прочности для нашего региона. «Несмотря на трудности и проблемы девяностых годов макрорегион Северо-Запад сохранил в основном производственный, научно-технический, кадровый потенциал для динамичного и устойчивого социально-экономического развития, при условии проведения эффективной региональной политики» [9, с. 8].

В данной статье мы ставим вопрос об адаптации существующих документов стратегического планирования в нашем городе, исходя из новых вызовов, оказавшихся более масштабными, чем ранее предполагалось.

Литература

1. Голубев А. А. Исторические вехи принятия решения о строительстве Мурманской железной дороги // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 4. № 1. С. 137–147.
2. *Европейское сотрудничество — фактор стратегического развития Северо-Запада России* / Жук В. А., Ложко В. В., Межевич Н. М. [и др.]. СПб. : СПбГУ, 2006.
3. Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Разумовский В. М. Некоторые вопросы оценки роли транспортного фактора в экономической истории Северо-Запада России конца XIX — начала XX в. // Экономическая история. 2020. Т. 16. № 2. С. 101–111. DOI 10.15507/2409-630X.049.016.202002.101-111.
4. Лачининский С. С., Семенова И. В. Санкт-Петербургский приморский регион: геоэкономическая трансформация территории. СПб. : Наука, 2015.
5. Межевич Н. М. Пространственное развитие Санкт-Петербургской агломерации: некоторые исторические параллели современных экономических практик // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Теория и практика управления. 2015. № 15 (20). С. 82–86. EDN VYUDDD.
6. Менделеев Д. И. Обзор фабрично-заводской промышленности и торговли России // Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1896.
7. Минакир П. А. Внешнеторговый фактор экономики форс-мажора: пространственный маневр // Пространственная экономика. 2023. Т. 19. № 1. С. 7–19. DOI 10.14530/se.2023.1.007-019.
8. Покшишевский В. В. Некоторые вопросы экономико-географического положения Ленинграда // Вопросы географии. 1956. № 38. С. 105–130.
9. Совершаева Л. П. Государственное регулирование национальной экономики с использованием механизма управления федеральными округами : автореф. дис. ... канд. экон. н.: 08.00.05. СПб., 2004.

10. *Тренин Д.* Россия в широкой Европе // Брифинг Московского центра Карнеги. 2002. Т. 4, вып. 10.
11. *Циперович Г.* Будущее Петрограда. Петроград, 1922.
12. *Ягья В. С.* Санкт-Петербург и дальнее зарубежье // Рассвет над Петербургом : Санкт-Петербург в мировом сообществе. СПб., 2005.

Об авторах:

Межевич Николай Маратович, заведующий лабораторией стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности» Псковского государственного университета (Псков, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

Хлутков Андрей Драгомирович, директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; khlutkov-ad@ranepa.ru

Шамахов Владимир Александрович, научный руководитель Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

References

1. Golubev A. A. Historical milestones of making a decision on the construction of the Murmansk railway // Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin [Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina]. 2010. Vol. 4. N 1. P. 137–147. (in Rus).
2. Kuznetsov S. V., Mezhevich N. M., Razumovsky V. M. Some issues of assessing the role of the transport factor in the economic history of the North-West of Russia of the late XIX — early XX centuries // Economic history [Ekonomicheskaya istoriya]. 2020. Vol. 16. N 2. P. 101–111. DOI 10.15507/2409-630X.049.016.202002.101-111. (in Rus).
3. Lachininsky S. S., Semenova I. V. St. Petersburg seaside region: geoeconomic transformation of the territory. St. Petersburg: Science, 2015. (in Rus).
4. European cooperation is a factor in the strategic development of the North-West of Russia / Zhuk V. A., Lozhko V. V., Mezhevich N. M. [and others]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2006. (in Rus).
5. Mezhevich N. M. Spatial development of the St. Petersburg agglomeration: some historical parallels of modern economic practices // Bulletin of the Komi Republican Academy of Public Administration and Management. Management theory and practice [Vestnik Komi respublikanskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby i upravleniya. Teoriya i praktika upravleniya]. 2015. N 1 | 1 (20). P. 82–86. EDN VYUDDD. (in Rus).
6. Mendeleev D. I. Review of the factory industry and trade in Russia // Factory industry and trade in Russia. St. Petersburg, 1896. (in Rus).
7. Minakir P. A. Foreign trade factor of force majeure economy: spatial maneuver // Spatial economics [Prostranstvennaya ekonomika]. 2023. Vol. 19. N 1. P. 7–19. DOI 10.14530/se.2023.1.007-019. (in Rus).
8. Pokshishevsky V. V. Some issues of the economic and geographical position of Leningrad // Questions of geography [Voprosy geografii]. 1956. N 38. P. 105–130. (in Rus).
9. Sovershaeva L. P. State regulation of the national economy using a mechanism for managing federal districts: dissertation abstract. St. Petersburg, 2004. (in Rus).
10. Trenin D. Russia in Broad Europe // Briefing Carnegie Moscow Center [Brifing Moskovskogo tsentra Karnegi]. 2002. Vol. 4, issue 10. (in Rus).
11. Tsiperovich G. Future of Petrograd. Petrograd, 1922. (in Rus).
12. Yagya V. S. St. Petersburg and far abroad // Dawn over St. Petersburg: St. Petersburg in the world community. St. Petersburg, 2005. (in Rus).

About the authors:

Nikolay M. Mezhevich, Head of the Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of the North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation),

Chief Researcher of the Research Laboratory “Center for the Integrated Study of Regional Security Problems” of Pskov State University (Pskov, Russian Federation), Doctor of Economic Sciences, Professor; mez13@mail.ru

Andrey D. Khlutkov, Director of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; khlutkov-ad@ranepa.ru

Vladimir A. Shamakhov, Research Supervisor of the North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Новый этап инновационного развития Израиля: прогресс или потеря лидерства?

Захарова Н. В.^{1, *}, Лабудин А. В.²

¹Российский государственный экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация; *zakharova.nv@rea.ru

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Цель данного исследования — проанализировать и сформулировать основные особенности экономики Израиля и те изменения, которые произошли в последние несколько лет. Как известно, Израиль уже давно превратился в одну из наиболее инновационных стран мира. Для достижения поставленной цели уточняется, какой был путь Израиля к «экономике стартапов», что объясняет это «экономическое чудо». Авторы привлекают большое количество статистического и фактического материала, на основе чего формулируют основные особенности, проблемы и перспективы социально-экономического развития этого государства. В статье применяются **методы** анализа и синтеза, обобщения, наблюдения, измерения, аналогии, моделирования. В **результате** исследования доказано, что «экономическое чудо» Израиля было закономерным и базировалось на ряде экономических, социальных и политических причин. Вместе с тем Израиль кроме сильных сторон в экономике в целом и в инновациях в частности, имеет также и слабые стороны, и нерешенные проблемы, которые отмечаются в статье. В **выводах** исследования авторы доказывают, что нынешняя трансформация инновационной системы и технологической экосистемы не свидетельствует о потере лидерства этой страной, а скорее говорит о выработке новых подходов в экономическом развитии как стратегии, так и тактики.

Ключевые слова: Израиль, инновационная система, «нация стартапов», военно-промышленный комплекс, технологическая экосистема, венчурный капитал

Для цитирования: Захарова Н. В., Лабудин А. В. Новый этап инновационного развития Израиля: прогресс или потеря лидерства? // Управленческое консультирование. 2023. № 5. С. 18–27.

New Stage of the Innovative Performance of Israel: Progress or the Loss of Leadership?

Natalya V. Zakharova^{1, *}, Alexander V. Labudin²

¹Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation; *zakharova.nv@rea.ru

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The purpose of this study is to analyze and formulate the main features of the Israel economy and the changes that have occurred in the last few years. As everybody knows, Israel once has turned into one of the most innovative countries in the world. To achieve this goal, the article clarifies what Israel's path to the "startup economy" was, what explains this "economic miracle". The authors attract a large amount of statistical and factual material, on the basis of which they formulate the main features, problems and prospects of the socio-economic development of this state. The article uses **methods** of analysis and synthesis, generalization, observation, measurement, analogy, modeling. **As a result** of the study, it is proved that the "economic miracle" of Israel was natural and was based on a number of economic, social and political reasons. At the same time, Israel, in addition to its strengths in the economy in general and in innovation in particular, also has weaknesses and unresolved problems. **As the conclusions** of the study, it can be noted that the current transformation of the in-

novation system and the technological ecosystem does not indicate the loss of leadership by this country, but rather indicates the development of new approaches to economic development, both strategies and tactics.

Keywords: Israel, innovation system, 'startup nation', military-industrial complex, technological ecosystem, venture capital

For citing: Zakharova N.V., Labudin A.V. New Stage of the innovative performance of Israel: progress or the loss of leadership? // Administrative consulting. 2023. N 5. P. 18–27.

Введение

Израиль практически с момента возникновения в 1948 г. привлекает внимание как экономистов, так и политологов. Долгие годы он был и порою является и сейчас «нервным узлом» мировой политики. Известно, что в конце 40-х гг. XX в. он рассматривался как потенциальная «страна народной демократии». В дальнейшем Израиль стал одним из самых близких союзников Соединенных Штатов Америки, нашего основного вероятного противника, и в силу этого отношения нашей страны — Советского Союза — и Израиля оказались «на нулевой отметке» на долгие годы. В 1967–1991 гг. отсутствовали даже формальные дипломатические отношения, хотя неофициальные контакты продолжались. В настоящее время это — весьма развитая страна Ближнего Востока с инновационной экономикой, сильным предпринимательским сектором и многочисленными «стартапами». В государстве функционирует эффективная система стимулирования инновационной и предпринимательской деятельности, включающая университеты, бизнес-инкубаторы, промышленные предприятия, венчурную индустрию. Анализ особенностей предпринимательской среды Израиля, который превратился из бедной аграрной страны со скудными природными запасами и враждебно настроенными соседними странами в высокоразвитое государство, представляет особый научный и практический интерес.

Особенно большие успехи в формировании инновационной экономики были достигнуты после 2010 г. Вместе с тем в последние несколько лет (частично это было связано с пандемией) рост высокотехнологичных стартапов несколько замедлился. Среди теоретиков и практиков нет единого мнения по поводу природы и долговременности этих тенденций.

Теоретические основы

Еще в 1920–1930-е гг. XX в. (до создания государства) на территорию современного Израиля, тогда Палестины, массово иммигрировали высокообразованные лица еврейского происхождения, в результате чего в Палестине было создано большое количество образовательных научно-исследовательских институтов.

Важным элементом формирования предпринимательской среды Израиля стал его военно-промышленный комплекс (ВПК). Вся свою историю, находясь в состоянии военного положения среди враждебно настроенных стран, в Израиле формировалась модель поведения «меньшинство против большинства», которая в какой-то степени перенеслась даже в предпринимательство в том смысле, что необходимо доказать конкурентоспособность компании/стартапа, несмотря на его малые размеры [3, с. 169–182]. По мнению некоторых экспертов, эта ситуация (политическая нестабильность и риск) привила еврейскому населению, проживающему в различных странах, некоторые основы предпринимательского духа¹.

¹ Нужно отметить, что развитие инновационной экономики в Израиле можно подразделить на несколько этапов. Так, интересной представляется периодизация, предложенная

В результате разработок в ВПК, полученные технологии начали перетекать в гражданские отрасли и формировать прикладную базу. Развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) положило начало созданию первых филиалов международных компаний на территории страны, что впоследствии привлекло и многие ТНК. В 1985–2000 гг. происходит мировая революция в ИКТ, и именно эта сфера стала играть особую роль в экономике Израиля. Преимуществом Израиля в тот период была массовая миграция «лиц еврейской национальности» из СССР, имеющих высшее образование и высокую квалификацию в сфере математики, физики, химии. Этот процесс, кстати, вызывал периодически возобновлявшиеся дискуссии в советском руководстве ввиду возможности «оголения» целого ряда участков в отраслях, непосредственно связанных с научными исследованиями и опытно-конструкторскими разработками¹. Для того чтобы быстро и эффективно интегрировать качественную рабочую силу в экономику Израиля была разработана программа технологических инкубаторов, которая обеспечивала иммигрантов необходимой информационной, финансовой, технологической, юридической помощью. Данная программа также помогла обеспечить трансфер технологий из научно-технической в коммерческую сферу. В 1993 г. был внедрен успешный проект венчурного финансирования — «Yozma», который положил начало стремительному развитию венчурной индустрии и также привлек иностранных инвесторов. Обычный путь для успешной израильской компании в 1990-х гг. состоял в том, чтобы пройти два, либо три раунда привлечения инвестиций на ранней стадии, а затем выйти на биржу NASDAQ (что происходит и в настоящее время). Во время технологического бума конца 1990-х гг. там было зарегистрировано больше израильских компаний, чем из любой другой страны, кроме США².

С нового тысячелетия продолжилась деятельность технологических инкубаторов уже в сфере создания стартапов. Все они были приватизированы и стали привлекать больше финансовых средств. Израиль продолжил развивать научно-техническое сотрудничество с другими странами, в стране продолжили открываться центры НИОКР (R&D — Research & Development) крупных ТНК. Несмотря на финансово-экономический кризис 2008–2010 гг., экономика Израиля быстро восстановилась.

К настоящему времени в Израиле сложилась уникальная предпринимательская среда, которая превратила всю страну в своего рода бизнес-инкубатор, который обеспечивает благоприятную среду и для инновационного развития в стране. Предпринимательская среда Израиля состоит из университетов, которые готовят специалистов, проводят фундаментальные исследования и осуществляют трансфер знаний, венчурных фондов, центров НИОКР, акселераторов и бизнес-инкубаторов, которые сотрудничают с университетами, а также поддерживают и финансируют проекты, находящиеся на начальных этапах развития. Преимуществом Израиля является чрезвычайно высокий показатель сотрудничества между университетами и отраслями промышленности.

В Израиле находятся девять крупных учебных заведений: Израильский технологический институт (Технион), Еврейский университет в Иерусалиме, Институт им. Вайцмана, Тель-Авивский университет, Хайфский университет, Университет

Д. А. Марьясисом, — см.: Марьясис Д. А. Формирование и развитие национальной модели экономики инноваций (на примере Израиля) : автореф. ... д-ра экон. наук. М., 2018. С. 23–24.

¹ Об этом, в частности, подробно писали А. В. Лабудин, В. В. Круглов, А. А. Куприн, А. А. Самодуров в цикле статей «Национальная политика Ю. В. Андропова: история и современность» // Управленческое консультирование. 2014. № 10, 11, 12.

² Start-up Nation Central. Annual Report 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://lp.startupnationcentral.org/annualreport/> (дата обращения: 10.01.2023).

Бар-Илан, Университет Бен-Гурион, Ариэльский университет, Открытый университет¹. Также в Израиле находятся 360 венчурных фондов, 330 центров исследований и разработок, 392 акселератора и бизнес-инкубатора².

Особо важную функцию в создании необходимого предпринимательского микроклимата играет израильское государство [1]. Отличительной особенностью государственной политики Израиля в сфере образования, в частности, является формирование у общества толерантного отношения к неудачам, которые неизбежно сопровождают любые эксперименты [4].

Государственное регулирование предпринимательской деятельности осуществляется Управлением по делам малого и среднего предпринимательства (ISMEA), а поддержка инновационной деятельности оказывается Израильским управлением инноваций (Israeli Innovation Authority). Управление проводит поддержку проектов по различным программам, фонд НИОКР при этом служит основным инструментом финансирования инновационных компаний.

Предпринимательской и инновационной деятельности также способствуют промышленные предприятия и крупные компании (в том числе ТНК, такие как «Intel», «IBM», «Apple», «Microsoft», «Google»), которые реализуют накопленные опыт и знания, создают готовую продукцию, покупают стартапы и инвестируют в проекты, самостоятельно проводят научные исследования в созданных на территории Израиля центрах НИОКР [2]. С 2010 по 2018 г. количество центров НИОКР ТНК в Израиле увеличилось с 155 до 378. В настоящее время Израиль занимает первое место по показателю финансирования НИОКР из-за границы — 2,5% ВВП³.

Государственная политика имеет очень важное значение особенно для развития инновационных малых и средних предприятий и в зависимости от целей и обстоятельств может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние.

Политика в области МСП в Израиле разрабатывается главным образом Министерством экономики и промышленности и осуществляется израильским Управлением по инновациям и Агентством малого и среднего бизнеса (SMBA). В то время как Управление по инновациям фокусируется на ведущих технологических стартапах, SMBA обслуживает все малые и средние предприятия в основных секторах экономики Израиля⁴.

В рамках Управления по инновациям разработаны различные программы, которые помогают предпринимателям в развитии своего бизнеса, например:

1) программа стимулирования компаний на ранней стадии. Предназначена для начинающих компаний (с доходом за отчетный год до 10 млн долл. и чистой прибылью до 1 млн долл.), которые стремятся развивать и продвигать инновационный технологический проект. Программа предлагает дополнительные средства поощрения для арабов и представителей ультраортодоксального иудейского движения. Компании получают грант в размере 30–50% от утвержденного бюджета, если их деятельность сосредоточена в регионе развития А, то добавляется 10% к утвержденному гранту, если регион прилегает к Сектору Газа, то добавляется 25% [5];

¹ Invest in Israel. R&D Centres / Ministry of Economy and Industry State of Israel [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iati.co.il/files/files/R&D%20in%20Israel%202017.PDF> (дата обращения: 10.12.2022).

² IVC Research Centre [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ivc-online.com/> (дата обращения: 10.01.2023).

³ Global Innovation Index 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2020/ (дата обращения: 09.12.2020).

⁴ Financing SMEs and Entrepreneurs 2020: An OECD Scoreboard. Israel [Электронный ресурс]. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/finance-and-investment/financing-smes-and-entrepreneurs-2020_4a247de9-en/page2 (дата обращения: 09.12.2020).

- 2) инкубаторская программа стимулирования. Предназначена для предпринимателей, заинтересованных в создании стартап-компании на основе инновационной технологической концепции. Компании получают от инкубатора 15% инвестиций в затраты на НИОКР в обмен на 20–50% акций компании, а государство дает грант в размере остальных 85% безвозмездно [5];
 - 3) программа стимулирования «Идеяция» (Тнуфа). Предназначена для молодых предпринимателей в разработке и обосновании экономической целесообразности проектов на ранней стадии. Компании получают грант в размере 200 000 шекелей в течение двух лет;
 - 4) программы стимулирования «ультраортодоксов» и национальных меньшинств. Данная программа использует инструменты стимулирования инвесторов для вложения в компании, принадлежащие меньшинствам. Компании получают грант в размере 75% утвержденного бюджета в первый год и 70% во второй год;
 - 5) пилотная визовая программа для иностранных предпринимателей¹. Программа «инновационные визы» позволяет иностранным предпринимателям оставаться в Израиле до 24 месяцев, в течение этого времени они имеют право на получение поддержки от Управления по инновациям в рамках программы Тнуфа.
- Также существует большое количество программ по развитию человеческого капитала, поощрению технологического предпринимательства и НИОКР, развитию обрабатывающей промышленности.

Результаты

В итоге на сегодняшний день Израиль стал одной из наиболее инновационных стран мира.

Во-первых, именно тут сложилась высочайшая концентрация стартапов и технологических компаний, предлагающих инновационные продукты или услуги. Данные StartupBlink, исследовательского центра, который изучает инновационные экосистемы в мире, показывают, что в настоящее время в Израиле насчитывается 1748 стартапов, в среднем один на 5 тыс. жителей². Остальные страны значительно отстают от этого показателя. Например, согласно опросу StartupBlink, в Бразилии насчитывается 1199 стартапов, что составляет в среднем один стартап на 180 000 жителей.

Во-вторых, Израиль на протяжении ряда лет уверенно держит первое место по расходам на НИОКР, измеряемым как доля от ВВП (Research & Development) — 4,95% ВВП (на втором месте — Республика Корея)³.

В-третьих, в Израиле есть 25 «единорогов» — стартапов с рыночной стоимостью более 1 млрд долл., — тогда как в Бразилии их 19 (при совершенно другом объеме ВВП).

В-четвертых, в рейтинге StartupBlink израильская инновационная экосистема занимает третье место в мире после Соединенных Штатов и Великобритании [5]. Рейтинг учитывает ряд количественных показателей (таких как число стартапов, акселераторов), качество (наличие научно-исследовательских центров, многонациональных филиалов и объем частных инвестиций в стартапы), а также бизнес-среду (инфраструктура, скорость интернета и некоторые другие показатели).

¹ Global Entrepreneurship Monitor 2021–2022. Global report [Электронный ресурс]. Opportunity amid Disruption. URL: <https://www.gemconsortium.org/file/open?fileId=50900> (дата обращения: 10.12.2022).

² Why Israel has one of the best innovation ecosystems in the world-2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.insper.edu.br/en/insper-news/why-israel-has-one-of-the-best-innovation-ecosystems-in-the-world/> (дата обращения: 10.01.2023).

³ Global Entrepreneurship Monitor 2021–2022. Global report.

В-пятых, вследствие особо прочной связи между академическими кругами и бизнесом коммерциализация изобретений приобретает чрезвычайно быстрый характер. По мнению экспертов, «в Израиле существует конвейерная лента для преобразования технологии, разработанной в университетских исследовательских институтах, в конечный продукт» [5]. Примером того, как все работает на самом деле, является Израильский технологический институт «Технион», в котором ведется книга под названием «Книга хороших идей», где перечислены патенты на технологии, разработанные его исследователями, которые доступны для лицензирования.

В-шестых, в Израиле чрезвычайно развит рынок венчурного капитала. Так, в Израиле насчитывается около 70 активных венчурных фондов, из которых 14 являются международными. В 2021 г. израильские стартапы собрали более 25 млрд долл. США. В результате Израиль намного превосходит любую другую страну по объему венчурного капитала на душу населения (28 000 долл. на жителя).

В-седьмых, в Израиле существует весьма высокоэффективная государственная помощь инновационным проектам. «Управление по инновациям Израиля» располагает годовым бюджетом в объеме примерно 1 млрд долл. США, для инвестирования в 1600 инновационных проектов стартапов и других компаний. Кроме того, Управление инноваций Израиля предлагает ряд программ по стимулированию инноваций. Главным из них является фонд, который покрывает до 40% стоимости утвержденной программы исследований и разработок [5].

Обсуждение

В Израиле действительно сложилась очень благоприятная среда для предпринимательской деятельности, если рассматривать экономику страны по среднестатистическим показателям. Однако существуют проблемы, в результате которых экономика Израиля становится дуалистичной. В стране, с одной стороны, существует сектор высоких технологий, где блестящие умы создают инновации, пользуются государственной поддержкой и влияют на место Израиля в международных рейтингах, а с другой стороны — традиционные сектора, до которых эти инновации не доходят, из-за чего страдают эффективность и производительность, влияющие на общее экономическое развитие страны.

Так, по данным ОЭСР:

- 1) ВВП на душу населения в Израиле значительно ниже (на 28%), чем у половины стран ОЭСР с самыми лучшими показателями;
- 2) производительность труда также ниже, чем у наиболее успешных стран ОЭСР. Присутствует явная неоднородность производительности по отраслям. В высокотехнологичных отраслях, таких как ИКТ, производство компьютеров и электроники, показатель выше, чем в среднем по странам ОЭСР. Большая часть дефицита производительности приходится на более традиционные отрасли, включая оптовую торговлю, строительство, транспортные услуги;
- 3) уровень занятости населения не рос, а стагнировал даже в допандемийные годы;
- 4) социальное неравенство в Израиле довольно высокое. Так, Индекс Джини — на уровне 34,8, в то время как медианный показатель для развитых экономик 30,3. Самые бедные 20% домохозяйств владеют всего 6,3% общего дохода;
- 5) охрана окружающей среды и «зеленая экономика» в целом в Израиле пока еще находятся не в самом лучшем состоянии. Более ¼ населения (по данным ОЭСР) страдают от атмосферного загрязнения¹;

¹ Israel Economic Policy Reforms 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/economic-policy-reforms-2021_b56c3c15-en (дата обращения: 10.01.2023).

- б) двойственность экономики также выражается в процессе «централизации» предпринимательской деятельности. Данную тенденцию можно отследить по количеству стартапов в различных регионах Израиля. Более 75% всех высокотехнологичных компаний в Израиле расположены в Тель-Авиве и центральных регионах. Среди стран ОЭСР неравномерность развития регионов в Израиле самая высокая¹;
- в) одной из проблем инновационного МСБ (малого и среднего бизнеса) в Израиле является популярная модель развития стартапов, нацеленная на их создание, привлечение средств, вывод на биржу (NASDAQ) и скорейшую продажу за рубеж. С 2004 по 2018 г. в Израиле в среднем ежегодно создавалось по 20 центров НИОКР крупных ТНК. Это событие изменило мышление многих создателей стартапов и инвесторов, которые стали рассматривать приобретение крупной корпорации как естественную стратегию «выхода» для своей компании, что продолжается и по сей день. В стране есть крупные компании, такие как «Teva», «CheckPoint», «RAD Group», «Amdocs», но все они были созданы еще в 70–90-х гг. прошлого века. Зато по количеству зарегистрированных компаний на NASDAQ Израиль занимает третье место². Однако такая система может сигнализировать об упущенных возможностях создания в стране крупных корпораций международного уровня и потере конкурентоспособности, так как иностранные ТНК выводят интеллектуальную собственность из страны.

Тенденции после 2020 г.

Тенденции инновационного развития Израиля начиная с 2020 г. довольно противоречивы и воспринимаются экспертами неоднозначно. На первый взгляд все отлично. Израильские высокие технологии продолжали бить инвестиционные рекорды даже во время кризиса COVID. Так, инвестиции в израильские стартапы в 2020 г. составили 11,5 млрд долл. США — в четыре раза больше, чем всего десятилетием ранее³.

Эксперты, скептически оценивающие современные тенденции изменения инновационной системы Израиля, отмечают следующее.

Меньше новых стартапов и стагнация в посевных («seed» — самых начальных) инвестициях. Подошла ли к концу эра израильской «Нации стартапов»? В течение пяти лет количество новых стартапов, создаваемых в Израиле, сократилось примерно с 1400 в 2014 г. до 850 в 2019 г., и, по оценкам, в течение 2020 г. в Израиле было создано всего 520 новых стартапов⁴.

В дополнение к сокращению числа новых стартапов, количество раундов (этапов) финансирования в стартапах начальной стадии также стагнировали с 2015 г. Напротив, за тот же период количество инвестиций в более поздние стадии развития предприятия заметно возросли.

Отмечается и падение числа инвесторов, принимающих участие в раннее инвестирование в проекты.

Вместе с тем специалисты отмечают и положительную динамику.

Увеличение финансирования проектов на поздних стадиях, причем некоторые стартапы привлекали беспрецедентные суммы в несколько сотен миллионов долларов.

¹ OECD Economic Surveys: Israel 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-surveys-israel-2020_d6a7d907-en (дата обращения: 10.01.2023).

² Global Innovation Index 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2020/ (дата обращения: 09.12.2020).

³ Is this the end of the Israeli “Start-up Nation” era? [Электронный ресурс]. URL: www.innovationisrael.org.il/en/reportchapter/end-israeli-start-nation-era (дата обращения: 10.12.2022).

⁴ Global Innovation Index 2020.

Кибернетика и финансовые технологии были секторами израильских стартапов, которые привлекли наибольшее количество инвестиций в 2020 г., — капитал в размере 2,9 и 1,7 млрд долл. соответственно.

Сектор цифрового здравоохранения — как прямой результат кризиса Covid — привлек огромное количество венчурных инвестиций и занял второе место по объему (после киберсектора).

Статистика подтверждает значительную роль, которую израильская высокотехнологичная промышленность продолжала играть в экспорте страны [5] — 43% всего израильского экспорта. Кризис COVID-19 не оказал негативного влияния на экспорт услуг, таких как программное обеспечение, в то время как экспорт промышленного сектора в 2020 г. сократился на 1 млрд долл.

На наш взгляд, изменения, происходящие в высокотехнологичной сфере Израиля, имеют скорее положительный, нежели отрицательный характер. Навряд ли уменьшение вложений на первичных стадиях может служить отрицательным сигналом, это объясняется прежде всего ростом глобальной неопределенности (пандемия). К тому же в секторе высоких технологий Израиля ощутимо возрос уровень заработной платы, что создало стимулы для сотрудников продолжать работать на руководящих должностях, а не рисковать в мире предпринимательства. Увеличение инвестиций в более зрелые стартапы на продвинутой стадии также является положительным сигналом, так мы начинаем наблюдать рост израильских единорогов. Эти стартапы являются продуктом существующих компаний, которые сейчас достигли зрелости. Интересно отметить, что если ранее израильские стартапы продавались при наиме нескольких десятков сотрудников или после привлечения 20–50 млн долл. и, как правило, становились центрами разработки для многонациональной корпорации, то сегодняшние стартапы продолжают расти как частные компании с помощью значительного капитала, привлеченного от инвесторов¹.

Общий капитал, привлеченный в Израиле при финансировании на более поздних стадиях, значительно вырос — примерно с 1 млрд долл. в 2015 г. до 4,3 млрд в 2020 г. — в четыре раза всего за пять лет. Большая часть роста была сосредоточена на мега-сделках: количество проектов, в которых израильские технологические компании привлекли более 30 млн долл., выросло с менее чем 20 в 2015 г. до примерно 100 в 2020 г. За тот же период количество сделок, в результате которых израильские технологические компании привлекли на частном рынке более 100 млн долл., выросло с 3 в год до 20, причем самый высокий рост частоты таких сделок произошел за последние два года.

Заключение

Подводя итог данной работы, можно сказать, что основной особенностью современной инновационной экономики в Израиле является ее двойственность и сочетание в себе бедности, неграмотности и низкого уровня развития с достатком, высокой квалификацией и продвинутыми технологиями в различных отраслях. Если перефразировать знаменитую фразу героини Нонны Мордюковой из кинофильма «Бриллиантовая рука», Иерусалим (или Тель-Авив) — город контрастов. Во многом это обуславливается раздельным развитием (де-факто апартеидом) еврейского и арабского населения Израиля и сохраняющимися явно анахроническими религиозными и этническими барьерами и ограничениями. Представляется явно нелепым, тем более в современном информационном и инновационном обществе, высчитывать «степень еврейства» в происхождении человека и выяснять его рели-

¹ Is this the end of the Israeli “Start-up Nation” era?

гиозную ориентацию. Это задерживает иммиграцию в Израиль высококвалифицированных специалистов, не отвечающих по своим этническим и (или) конфессиональным характеристикам строгим и явно чрезмерным требованиям израильского иммиграционного законодательства.

В Израиле сложилась очень благоприятная предпринимательская среда, состоящая из различных институтов, взаимодействующих между собой. Однако все эти преимущества и выгоды направлены в основном на те предприятия, которые могут аккумулировать инновационную активность в стране, а не на организации, занятые в традиционных отраслях, такие как розничная торговля, бытовые услуги, отели и пр.

В то же время необходимо признать, что «израильское экономическое чудо» — вполне объективный факт, который невозможно отрицать. Несмотря на многочисленные недостатки (инновационная неравномерность по отдельным отраслям, высокий уровень социального неравенства, наличие огромных неосвоенных территорий), страна, находящаяся в экстремальных внешних условиях, чрезвычайно бедная природными ресурсами, смогла совершить феноменальный рывок. Изменения последних нескольких лет также подтверждают, что Израиль смог справиться с вызовами пандемии, его инновационная система выстояла, но претерпела определенные трансформации. Насколько долговременны эти тенденции — покажет ближайшее будущее.

Литература

1. *Захарова Н. В., Лабудин А. В.* Малое и среднее предпринимательство в европейских странах: основные тенденции развития // Управленческое консультирование. 2017. № 12 (108). С. 64–77.
2. *Захарова Н. В., Лабудин А. В.* Особенности венчурного инвестирования в Великобритании // Управленческое консультирование. 2019. № 12. С. 59–69. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-12-59-69.
3. *Марьясис Д. А.* Инновации и культура. Опыт Израила // Свободная Мысль. 2017. № 3 (1663). С. 169–182.
4. *Марьясис Д. А.* Опыт построения экономики инноваций. Пример Израила. Москва : Институт востоковедения РАН, 2015. 268 с. EDN TYNCCH.
5. *Uhlman G.* The Innovations of Israeli: Why Israel is a World Center in Innovation. Independently published (January 28, 2022). 127 p.

Об авторах:

Захарова Наталья Васильевна, профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук; zakharova.nv@rea.ru

Лабудин Александр Васильевич, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; Labudin59@mail.ru

References

1. Zakharova N.V. Labudin A.V. Small & Medium Entrepreneurship in European countries: main trends of the development // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 12 (108). P. 64–77 (in Rus).
2. Zakharova N.V. Labudin A.V. The peculiarities of the venture investing in Great Britain // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. N 12. P. 59–69. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-12-59-69 (in Rus).
3. Maryasis D.A. Innovations & the culture. The experience of Israel // Free Thought [Svobodnaya Myus'']. 2017. N 3 (1663). P. 169–182 (in Rus).

4. Maryasis D.A The experience of the realization of the economy of innovations. The example of Israel. Moscow: Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, 2015. 268 p. EDN TYNCCH (in Rus).
5. Uhlman G. The Innovations of Israeli: Why Israel is a World Center in Innovation. Independently published (January 28, 2022). 127 p.

About the authors:

Natalya V. Zakharova, Professor of the Chair of World Economy of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); zakharova.nv@rea.ru

Alexander V. Labudin, Professor of the Chair of Management of the North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; Labudin59@mail.ru

Развитие туристического кластера Санкт-Петербурга в рамках создания новых факторов притягательности гостиничной сети за счет апарт-отелей среднего класса

Подольская Е. А., Мисько О. Н.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *misko-on@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель исследования — обозначить характерные черты процесса, в рамках которого туристическая отрасль Санкт-Петербурга становится более популярной по причине распространения апарт-отелей среднего класса. В статье рассмотрены проблемы туристической отрасли, связанные с последствиями пандемии, а также с политическим и экономическим давлением других стран. Предложены возможные варианты решения за счет льготного кредитования на строительство гостиниц и апарт-отелей. В результате выявлены причины, по которым апарт-отели пользуются повышенным спросом в РФ. Полагаем, что проведенный анализ указывает на целесообразность инвестирования в строительство апарт-отелей и выведение аренды в официальный вид деятельности. В дальнейшем это приведет к увеличению качества обслуживания туристов, повышению уровня удовлетворенности и росту доходов отрасли. Также необходимо внедрение программ льготного кредитования, что в долгосрочной перспективе приведет к стимулированию туристической отрасли, а также смежных ей отраслей, в том числе строительной. Последняя, в свою очередь, представляет собой драйвер экономических процессов, имеющих место на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: апарт-отели, туризм, Санкт-Петербург, кредитование апарт-отелей, инвестиции, аренда, внутренний туризм, развитие территорий

Для цитирования: Подольская Е. А., Мисько О. Н. Развитие туристического кластера Санкт-Петербурга в рамках создания новых факторов притягательности гостиничной сети за счет апарт-отелей среднего класса // Управленческое консультирование. 2023. № 5. С. 28–39.

Development of the St. Petersburg Tourism Cluster in the Framework of Creating New Attractiveness Factors for the Hotel Chain Through Mid-Range Apartments

Ekaterina A. Podolskaya, Oleg N. Misko*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *misko-on@ranepa.ru

ABSTRACT

The purpose of this study is to identify the characteristic features of the process in which the tourism industry of St. Petersburg is becoming more popular due to the spread of middle-class apartments. The article considers the problems of the tourism industry associated with the consequences of the pandemic, as well as with the political and economic pressure of other countries. Possible solutions are proposed due to concessional lending for the construction of hotels and apart-hotels. As a result, the reasons why apartments are in high demand in the Russian Federation were revealed. We believe that the analysis carried out indicates the expediency of investing in the construction of apartments and bringing the lease into an official type of activity. In the future, this will lead to an increase in the quality of service to tourists, an increase in the level of satisfaction and an increase in the income of the industry. It is also necessary to introduce concessional lending programs, which in the long term will lead to the

stimulation of the tourism industry, as well as related industries, including construction. The latter, in turn, is a driver of economic processes taking place in the Russian Federation.

Keywords: Apartments, tourism, St. Petersburg, apartment lending, investment, rental, domestic tourism, development of territories

For citing: Podolskaya E. A., Misko O. N. Development of the St. Petersburg Tourism Cluster in the Framework of Creating New Attractiveness Factors for the Hotel Chain Through Mid-Range Apartments // Administrative consulting. 2023. N 5. P. 28–39.

Введение

Туристическая отрасль переживает сегодня сложные времена. Не успела она оправиться от локдаунов в период пандемии, как появились новые препятствия в виде международных санкций. Из отчета Всемирной туристической организации (UNWTO) следует, что по итогам 2021 г. количество поездок в мире сократилось на 72% относительно 2019 г., а доходы отрасли не превысили 54% от допандемийного уровня¹. В 2022 г. добавились проблемы, связанные с экономическим и политическим давлением стран «Западного блока» на Россию, что также привело к росту препятствий для туристических поездок. Например, 25 февраля Польское и Чешское правительства ограничили, а позже запретили осуществлять авиаперелеты самолетам РФ через их воздушное пространство. Далее подобные ограничительные меры предприняли Соединенные Штаты Америки, Канада, страны Евросоюза в целом. Россия, в свою очередь, в качестве ответной меры запретила перелеты над своей территорией воздушным судам 36 государств².

С. В. Калашникова в своем исследовании утверждает, что указанные условия, а также рост цен на авиационные билеты, невозможность пользоваться банковскими картами за рубежом — причины, в силу которых российские туристы стали обращать большее внимание на внутренний туризм [7]. Кроме того, необходимо отметить, что часть российских самолетов была задержана за рубежом, в результате чего потеряно порядка семидесяти восьми из тысячи трехсот шестидесяти семи воздушных судов³. Среди причин, в силу которых туристическая отрасль РФ начала испытывать проблемы, необходимо обозначить также тот факт, что агрегаторы, владельцами которых являются иностранные лица, покинули российский рынок. Во время их пребывания в стране порядка 90% туристов осуществляли бронирование отелей и гостиниц с помощью сети Интернет. В настоящее время экономическое пространство в указанном секторе освободилось, ожидается, что его заполнят отечественные разработки⁴.

Е. В. Самаев в своей работе показывает, что результатом санкционного давления со стороны Евросоюза становится возросший интерес граждан России к вну-

¹ Мировой туризм по итогам 2021 года не продемонстрировал значимого роста // Ассоциация туроператоров. 20.01.2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/58410.html> (дата обращения: 20.11.2022).

² Отдых 2022. Что происходит с туризмом в России, и какие регионы можно выбрать для путешествий по стране? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gosrf.ru/otdyh-2022-chto-proishodit-s-turizmom-v-rossii-i-kakie-regiony-mozhno-vybrat-dlya-puteshestvij-po-strane/> (дата обращения: 30.11.2022).

³ Как будет «выживать» российский туризм в условиях санкций? [Электронный ресурс]. URL: <https://ruinform.com/page/kak-budet-vyzhivat-rossijskij-turizm-v-uslovijah-sankcij/> (дата обращения: 30.11.2022).

⁴ Количество зарубежных поездок россиян по итогам первого полугодия 2022 года выросло на 25% // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/08/02/prolozhili-kurs.html> (дата обращения: 30.11.2022).

треннему туризму [11]. Согласно статистическим данным, наиболее популярными направлениями для внутреннего туризма являются Крым, Сочи, Карелия, Санкт-Петербург. В рамках настоящего исследования интерес представляет последний. А. А. Баканова в рамках своего исследования утверждает, что развитие туристического кластера в любом регионе сопряжено с рядом проблем, среди которых автор полагает необходимым отметить проблемы, связанные с проживанием туристов [2]. Российский турист, посетивший Санкт-Петербург, может заселиться в гостиницу или снять квартиру. Съёмные квартиры особым спросом среди туристов не пользуются, в то время как гостиницы продолжают оставаться популярными. При этом С. Н. Кузнецова утверждает, что в настоящее время наиболее востребованным местом проживания для туристов являются апартаменты в связи с их финансовой доступностью и близким расположением к станциям метрополитена [8].

Таким образом, полагаем, что развитие апартаментов, как одного из видов гостиниц, представляет собой решение, позволяющее повысить привлекательность гостиничной сети. В долгосрочной перспективе это позволит сделать туристический кластер Санкт-Петербурга более доступным для граждан РФ.

Материалы и методы

В рамках реализации целей и задач, сформулированных в Указе Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», появился национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», который относится к реализации национальной цели «Возможности для самореализации и развития талантов», обозначенной в указе. В структуру нацпроекта входят такие федеральные проекты, как развитие туристической инфраструктуры, повышение доступности туристических продуктов и совершенствование управления туризмом. Один из показателей, который отражен в рамках национального проекта, это — обеспечение граждан современной туристической инфраструктурой. Соответственно, количество номеров в классифицированных средствах размещения должно вырасти с 730,1 тыс. в 2021 г. до 783,9 тыс. в 2024 г.¹

Реализации данного проекта может помешать отзыв франшиз и уход с рынка крупных международных гостиничных сетей. А это значит, что необходимо поддерживать и развивать отечественные гостиничные сети, а также стимулировать строительство апартаментов и комплексов апартаментов. Согласно Постановлению Правительства РФ от 18 ноября 2020 г. № 1860 «Об утверждении положения о классификации гостиниц», апартаменты и комплексы апартаментов являются одними из видов гостиниц. Апартаменты — это вид гостиниц, номерной фонд которых состоит из номеров категории «студия» и «апартаменты». Комплекс апартаментов — это вид гостиниц, расположенных в одном или нескольких зданиях (корпусах, строениях), объединенных одной территорией, или в части здания, с номерным фондом, состоящим из номеров различных категорий, но обязательно с наличием кухонного оборудования, ванной или душевой комнатой и санузлом².

Пандемия стала серьезным испытанием для туристической отрасли не только в России, но и в мире, и сократила практически до минимума въездной и выездной туризм [4]. В целом в 2022 г. отрасль чувствовала себя уже гораздо лучше, чем

¹ «Паспорт национального проекта», «Туризм и индустрия гостеприимства» (утв. Ростуризом) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400657/ (дата обращения: 30.11.2022).

² Постановление Правительства РФ от 18 ноября 2020 г. № 1860 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/74957806/> (дата обращения: 30.11.2022).

в 2021-м, и это связано с перестройкой туроператоров на работу на внутреннем рынке и адаптацией к условиям неопределенности¹.

Исходя из результатов опроса россиян, каждый пятый из них был вынужден в 2022 г. изменить свои планы на летний отпуск. Основной причиной для отмены отпуска или перемены места отдыха явился недостаток денежных средств. Также причинами изменения планов послужили экономическая нестабильность, потеря работы и рост цен. На вопрос «Какое место в России вы выбрали бы для своего путешествия, несмотря на стоимость?» в этом году 29% опрошенных россиян назвали Байкал, 21% — Крым, 19% озвучили желание отправиться на Алтай и 15% респондентов выбрали своим местом отдыха Санкт-Петербург и Ленинградскую область (табл.).

Таблица

Наиболее востребованные места отдыха на территории России

Table. The most popular holiday destinations in Russia

Регион	Все опрошенные, %	Регион	Все опрошенные, %
Байкал	29	Владивосток	4
Крым	21	Москва / Подмосковье	4
Алтай / Горно-Алтайск	19	Золотое кольцо	3
Санкт-Петербург / Ленинградская область	15	Урал	3
Красная Поляна / Сочи / Адлер	14	Казань / Татарстан	3
Камчатка / Долина гейзеров	14	Абхазия	2
Карелия	11	Сибирь	2
Дальний Восток	8	Геленджик	2
Краснодар / Краснодарский край	8	Анапа	2
Калининград / область	6	Приморский край	2
Алтайский край	6	Сахалин	2
Кавказ / Северный Кавказ / горы Кавказа	5	Другое	6
Дагестан	5	Затрудняюсь ответить	9

Источник: составлено авторами на основании: [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otpusk-mechty-2022> (дата обращения: 06.12.2022).

Результаты и обсуждение

Санкт-Петербург — культурная столица России и второй по численности населения город страны. Основан в 1703 г. Петром I. В разные периоды, а именно с 1714 по 1728 и с 1732 по 1918 г. Санкт-Петербург был столицей России. Санкт-Петербург —

¹ Итоги развития туристической отрасли в 2022 и прогнозы на 2023 год [Электронный ресурс]. URL: <https://strategy.ru/news/106> (дата обращения: 30.11.2022).

крупнейший научный, экономический, транспортный, туристический и культурный центр. Важно отметить заинтересованность администрации Санкт-Петербурга в развитии туристического кластера культурной столицы России, что, по нашему мнению, приведет к повышению конкурентоспособности региона в целом.

Как правило, новые кластеры образуются на фундаменте уже существующих, и должны формироваться через конкурентные преимущества, на основе международного и российского опыта. Туристический кластер Санкт-Петербурга направлен на формирование, обеспечение и поддержку туристических продуктов, а также на создание устойчивой туристической инфраструктуры, продвижение внутреннего туристического продукта и расширение спектра туристических услуг [6].

Закон «О туристической деятельности в Санкт-Петербурге» направлен на регулирование туристической деятельности посредством развития и поддержки въездного и внутреннего туризма, а также конгрессно-выставочного, культурно-познавательного и водного туризма. В целях развития туристической отрасли потенциал территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области огромен, и на сегодняшний день еще не до конца выбран. Конечно, огромный выбор предложений отдыха за рубежом с предоставлением высокого качества обслуживания по разумной цене в последние десятилетия привлекал внимание россиян. Но жизнь продиктовала нам иные условия, и теперь нам для привлечения сограждан на внутренний рынок, а именно, в Санкт-Петербург — город федерального значения — необходимо сфокусироваться на создании качественного сервиса в сфере обслуживания, опираясь на мировой опыт [12].

Для развития туризма в Санкт-Петербурге основным направлением является развитие гостиничной базы в соответствии с национальным проектом «Туризм и индустрия гостеприимства», но на сегодняшний день в городе не хватает гостиниц среднего класса. По мнению экспертов, самым выигрышным в направлении развития гостиничного комплекса является строительство апарт-отелей. Однако не только гостиничная база влияет на комфорт туристов в Санкт-Петербурге, необходимы строительство дорог и магистралей, модернизация и усовершенствование аэропорта Пулково, строительство скоростного маршрута от аэропорта до центра города. На сегодняшний день этого пока нет [5].

Строительство апарт-отелей для Санкт-Петербурга относительно новое явление, но уже полюбившееся и зарекомендовавшее себя как надежный инструмент инвестиций. Согласно онлайн-голосованию, проведенному порталом ИРН (индикаторы рынка недвижимости), 36,2% опрошенных потенциальных покупателей, когда речь идет о постоянном проживании в Санкт-Петербурге, делают свой выбор именно в пользу апарт-отелей, а не квартир, при условии, что стоимость апарт-отелей будет как минимум на 20% ниже. А 23,1%, согласно опросу¹ на том же портале, на вопрос, куда бы они инвестировали имеющиеся деньги, выбрали недвижимость [3].

Почему туристы выбирают для своего размещения именно апарт-отели? Во-первых, апарт-отели, с точки зрения проживания, выгодно отличаются от гостиничных номеров. Например, наличием собственной кухни. А от обычных квартир тем, что сервис и обслуживание в апарт-отелях вполне соответствуют гостиничному. Но, главное, стоимость завтраков, обедов и ужинов в гостиницах достаточно велика, и не удивительно, что на этом многие желают сэкономить (рис. 1).

В среднем за 10 месяцев 2022 г. относительно аналогичного периода 2021 г. затраты на питание в Санкт-Петербурге увеличились на 10% (рис. 2). Эта статья расходов является достаточно ощутимой в общем объеме затрат рядового туриста. Наличие же собственной кухни в номере уровня апарт-отеля позволяет сэкономить

¹ Онлайн-голосование. Портал индикаторы рынка недвижимости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irn.ru/polls/> (дата обращения: 30.11.2022).

Рис. 1. Средний чек при питании в ресторанах Санкт-Петербурга

Fig. 1. Average check for meals in restaurants in St. Petersburg

Источник: составлено авторами на основании: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31448> (дата обращения: 06.12.2022).

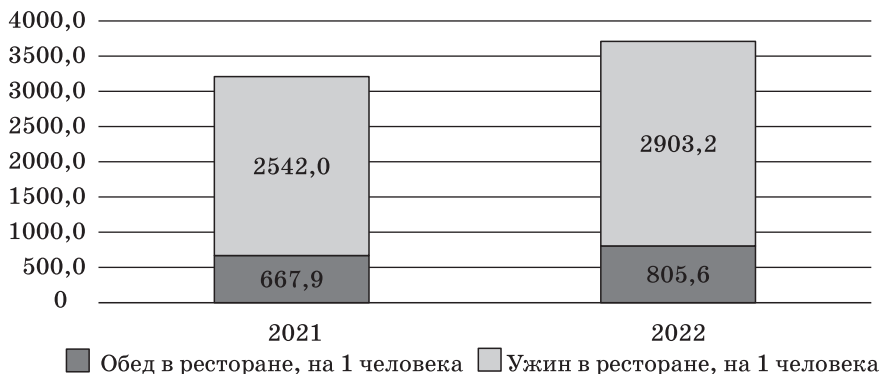

Рис. 2. Динамика роста цен на обеды и ужины в 2022 г. относительно 2021 г.

Fig. 2. Dynamics of price growth for lunches and dinners in 2022 relative to 2021

Источник: составлено авторами на основании: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31448> (дата обращения: 06.12.2022).

как на завтраках, так и на ужинах, что экономит средства туриста и позволяет ему потратить больше на посещение культурно-исторических мест.

Кроме того, в апартаментах, как и в гостиницах, сохраняются все услуги по обслуживанию и оснащению номеров, что выгодно отличает их от посуточно арендованных обычных квартир и комнат.

Если же оценить стоимость посещения музеев и театров в Санкт-Петербурге, станет понятно, что в среднем цены колеблются от 290 до 1750 руб. за посещение. При этом необходимо учитывать, что, отправляясь в Северную столицу, туристы планируют в первую очередь культурную программу, и это основная составляющая затрат на поездку (рис. 3).

По данным, предоставленным главой комитета по развитию туризма, сегодня путешественники приезжают в «город трех революций» в среднем на 6–7 дней,

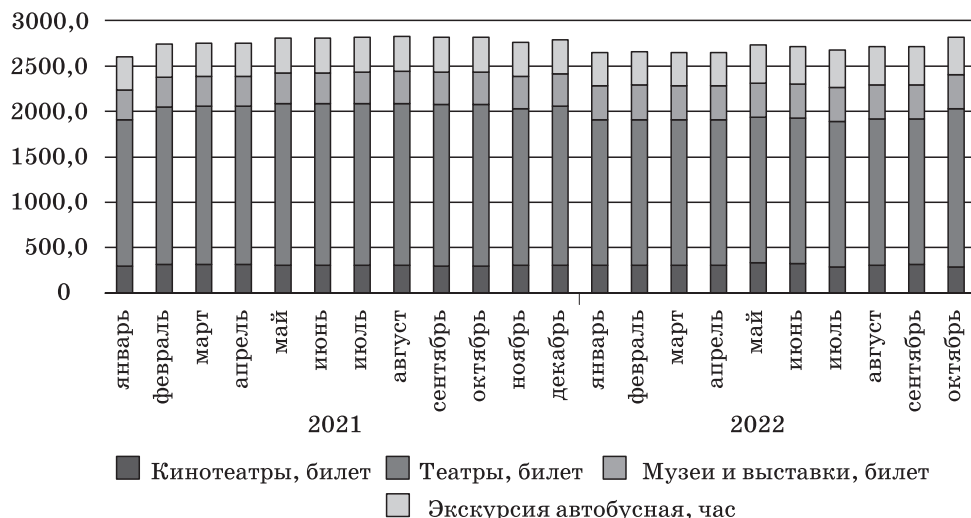

Рис. 3. Оценка стоимости посещения экскурсий, театров, музеев и выставок 2021–2022 гг. в Санкт-Петербурге

Fig. 3. Estimation of the cost of tourists' expenses for visiting excursions, theaters, museums and exhibitions in 2021–2022 in St. Petersburg

Источник: составлено автором на основании: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31448> (дата обращения: 06.12.2022).

и сумма, которую они тратят за указанный период, составляет 39,7 тыс. руб., что на 24% выше показателей предыдущих периодов¹. Поэтому вполне логично, что в связи со сложной экономической и политической ситуацией, а также на фоне растущих цен, туристы в качестве мест размещения выбирают более дешевые варианты.

По данным Росстата, в первом полугодии 2022 г. общий туристический поток в Санкт-Петербурге составил около 3,8 млн чел., из них 2,1 млн останавливались в отелях Северной столицы (рис. 4).

По данным комитета по развитию туризма в Санкт-Петербурге (рис. 5), в первом полугодии 2022 г. преимущественно выбор туристов в отношении места проживания выпадает на недорогие отели без звезд, размещение у родственников и друзей и на аренду квартир у частных лиц, что подтверждает наличие мотива сэкономить на проживании.

Хотелось бы особо отметить, что за 2022 г. Санкт-Петербург, по данным Росстата, посетили около 8,1 млн чел. По данным Росстата (<https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm>), динамика роста туристского потока в 2022 г. выглядит следующим образом:

январь 2022	569 559 чел.
январь — февраль 2022	1 006 033 чел.
январь — март 2022	1 516 359 чел.
январь — апрель 2022	2 308 887 чел.
январь — май 2022	3 080 828 чел.
январь — июнь 2022	4 119 119 чел.

¹ Туристы в Петербурге в 2022 году тратили в среднем почти 40 тысяч рублей за поездку. [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/94743/> (дата обращения: 19.01.2023).

январь — июль 2022	5 098 766 чел.
январь — август 2022	5 888 678 чел.
январь — сентябрь 2022	6 446 914 чел.
январь — октябрь 2022	7 033 844 чел.
январь — ноябрь 2022	7 620 600 чел.
январь — декабрь 2022	8 129 585 чел.

Рис. 4. Рост туристического потока в 1 полугодии 2022 г. относительно 1 полугодия 2021 г. Санкт-Петербург

Fig. 4. Tourist flow growth in the 1st half of 2022, relative to the 1st half of 2021 St Petersburg

Источник: составлено автором на основании: [Электронный ресурс]. URL: <https://spbndevnik.ru/news/2022-09-22/po-dannym-rosstata-za-pervoe-polugodie-2022-goda-peterburg-posetili-pochti-4-millionov-turistov>; https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2022/08/31/29/Турбарометр_СПб_первое_полугодие_2022_Прогноз_2022.pdf (дата обращения: 06.12.2022).

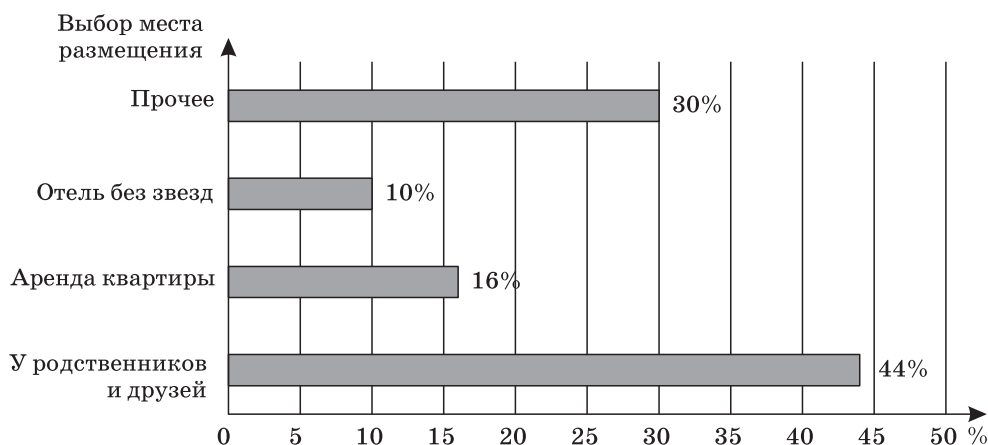

Рис. 5. Выбор туристами мест для размещения на период поездки в Санкт-Петербург

Fig. 5. Tourists' choice of accommodation, for the duration of their trip to St. Petersburg

Источник: составлено автором на основании: [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2022/08/31/29/Турбарометр_СПб_первое_полугодие_2022_Прогноз_2022.pdf (дата обращения: 06.12.2022).

Этот показатель очень важен для сферы туризма города. Ведь если количество туристов превышает численность жителей, проживающих в данном населенном пункте, то это свидетельствует о том, что туризм является системообразующей отраслью для экономики города.

Туристический кластер Санкт-Петербурга направлен на формирование, обеспечение и поддержку туристических продуктов, создание устойчивой туристической инфраструктуры, продвижение внутреннего туристического продукта, а также на расширение спектра туристических услуг. Многие собственники квартир, чтобы уйти от налогов, заключают договор аренды жилых помещений сроком на 11 месяцев, что позволяет не отчитываться в Федеральную налоговую службу (ФНС). До 2023 г. ФНС занималась выборочной проверкой собственников квартир, приглашая их на прием, где наймодателям необходимо предоставить доказательства личного использования жилых помещений, в противном случае ФНС вправе доначислить налог расчетным путем. Ранее инспектора ФНС выявляли незаконную сдачу квартир, анализируя жалобы, поступающие от соседей, участковых или самих арендаторов. На сегодняшний день это уже анализ базы миграционных центров, а также объявления по аренде, размещенные на площадках, и сравнение адресов сдаваемых квартир, с данными в базе ФНС¹.

Согласно опросу, проведенному аналитическим центром НАФИ, на вопрос, что является главной причиной, по которой собственники квартир не оплачивают налоги с получаемого дохода, 54% опрошенных заявили, что не хотят делиться доходом с государством (рис. 6).

Согласно гл. 35 Гражданского кодекса РФ, договор, заключаемый с юридическим лицом, называется договором аренды, а с физическим лицом речь идет о договоре найма жилого помещения². Эти нюансы, а также сложности в регистрации ИП, или в качестве самозанятого, предоставлении отчетности в ФНС пугают собственников жилья³. В связи с этим целесообразно было бы весь частный сектор аренды квартир и комнат вывести в официальный вид деятельности, и частично перенаправить на инвестирование строительства апарт-отелей. Это будет возможно только в случае повышения финансовой грамотности населения, прозрачности

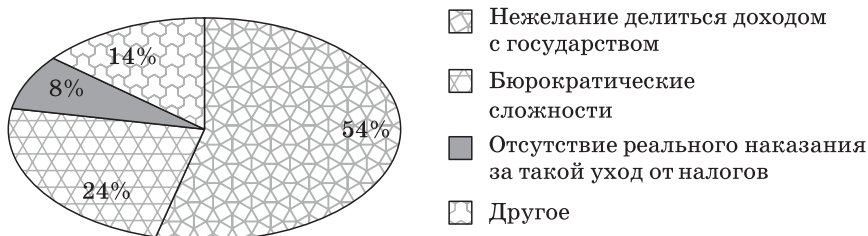

Рис. 6. Основные причины отказа от уплаты налога
Fig. 6. The main reasons for refusal to pay tax

Источники: [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-https://nafi.ru/analytics/rossiyane-opravdyvayut-serykh-arendodateley/> (дата обращения: 06.12.2022).

¹ Как налоговики будут бороться с нелегальной арендой квартир в 2023 году [Электронный ресурс]. URL: <https://life.ru/p/1566875> (дата обращения: 23.03.2023).

² ГК РФ ст. 671. Договор найма жилого помещения [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ef1299ea90e67debabd7652899400ed0b36080fe/ (дата обращения: 30.11.2022).

³ Как платить налоги, если сдаешь квартиру в аренду [Электронный ресурс]. URL: <https://vifin.ru/a/kak-platit-nalogi-esli-sdaesh-kvartiru-v-arendu> (дата обращения: 30.11.2022).

расчетов доходности апарт-отелей, а также с увеличением туристического потока.

Вне всяких сомнений, разумный и продуманный подход к данной проблеме в конечном итоге приведет нас к увеличению качества обслуживания туристов, росту уровня удовлетворенности гостей города, снижению стоимости их проживания за счет увеличения загрузки номерного фонда и, как результат, к росту доходов туристической отрасли. Более того, строительным компаниям можно было бы предложить участие в комплексном решении проблемы развития рынка апарт-отелей на условиях различных механизмов стимулирующего и поддерживающего характера. Так, застройщики могли бы не распродавать фонд апарт-отелей по частным сделкам, а регистрировать домовладение, в котором бы формировался кластер услуг по размещению в апарт-отелях. Особо привлекательным такой вид деятельности выглядел бы в районах, примыкающих к исторической части города, так как туристы, безусловно, предпочитают размещение именно в доступной по отношению к культурно-историческим местам части Санкт-Петербурга.

Рынок апарт-отелей сложился в России относительно недавно усилиями частных застройщиков. Но они не входят в программы поддержки строительства экономического жилья. Больше того, государство официально не признает апарт-отели жилыми помещениями и не заинтересовано в их дальнейшем строительстве. Санкт-Петербург был первым городом в стране, который не отмахнулся от частников, а внедрил системные методы, в том числе предусмотрел налоговые льготы для них с целью поддержки туристической области [10].

В Приложении № 2 к Приказу Федерального агентства по туризму от 06.07.2021 г. № 74-Пр-21 утверждены критерии включения заемщиков, реализующих инвестиционные проекты, необходимые для устойчивого развития внутреннего и въездного туризма¹. В контексте этого документа говорится о том, что целесообразно продумать и внедрить механизмы, направленные на поддержку физических лиц, занимающихся арендой жилья посуточно, предложить им льготное кредитование на покупку апарт-отелей и индивидуальные программы доходности, а также повышать финансовую грамотность населения в рамках покупки и эксплуатации апарт-отелей. А это значит, обеспечить сопровождение при приобретении и оформлении собственности, налогообложении, а также в программах доходности и обслуживания апарт-отелей. Отметим, что многие апарт-отели гарантируют загрузку номеров на уровне не менее 70% и, как следствие, высокую доходность [9].

Процесс оформления и проведения сделок с апарт-отелями зависит от того, покупается ли будущий апарт-отель в строящемся объекте у застройщика или на вторичном рынке. Поэтому между застройщиком и покупателем заключаются различные виды договоров [1].

Выводы

Каковы же причины, по которым апарт-отели пользуются повышенным спросом в России? Во-первых, как мы уже говорили, апарт-отели с точки зрения проживания ничем не отличаются от квартиры, а наличие собственной кухни и прочих благ цивилизации выгодно отличает их от обычных гостиничных номеров. Кроме того, в апарт-отелях, как и в гостиницах, сохраняются все услуги по обслуживанию и оснащению номеров, и это выгодно отличает гостиничные номера и апарт-отели от обычных квартир на условиях аренды, а также комнат, за которые их хозяева предлагают оплату посуточно. Несмотря на то, что в 2022 г. Санкт-Петербург посетило более 8,1 млн туристов, большая часть из них предпочитает экономить финансовые

¹ Приказ Ростуризма от 06.07.2021 № 274-Пр-21 (ред. от 20.04.2022) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389924/ (дата обращения: 30.11.2022).

средства, останавливаясь у родственников или знакомых. Полагаем, что данные факты указывают на целесообразность инвестирования в строительство апартаментов и выведение аренды в официальный вид деятельности. В дальнейшем это приведет к увеличению качества обслуживания туристов и росту доходов отрасли.

То, что туристическая и строительная отрасли являются системообразующими для Санкт-Петербурга, не вызывают никаких сомнений. Это и налоговые отчисления в бюджет, и новые рабочие места, и развитие всех смежных отраслей. Рассмотренные в данной статье проблемы актуальны не только для Санкт-Петербурга, но для страны в целом. Смягчение визового режима для дружественных стран обеспечит прирост въездного туризма, но необходимо подходить к решению комплексно. Нужны инструменты кредитования и для застройщиков, и для инвесторов, которые будут направлены на развитие отрасли.

Один из вариантов — льготное кредитование для инвесторов, которые приобретают апартаменты у застройщиков при условии дальнейшей сдачи объектов в аренду, через управляющие компании, с высоким уровнем сервиса.

Литература

1. *Асланова Д. М., Шатульская Н. А.* Роль туристической отрасли в российской экономике // Экономика и социум. 2020. № 2 (69). С. 91–99.
2. *Баканова А. А., Залепанчук В. Н.* Роль социально-культурного проектирования в развитии модного туризма в Санкт-Петербурге // Вестник Национальной академии туризма. 2022. № 2 (62). С. 79–81.
3. *Блинчиков Н. В.* Влияние апартаментов на развитие современного города // Инженерные системы и городское хозяйство. Материалы III Региональной научно-практической конференции — магистерские слушания. СПб., 2021. С. 240–246.
4. *Винникова Т. С., Першина Т. А.* Внутренний туризм России в период пандемии 2019–2022 годов // Конференциум АСОУ: сб. научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2022. № 2. С. 208–210.
5. *Дорохова В. А.* Особенности регионального развития сегмента апарт-отелей в Санкт-Петербурге // Вестник индустрии гостеприимства. Международный научный сборник. СПб., 2022. С. 82–88.
6. *Дышекова А. А.* Тенденции в развитии туризма // Актуальные проблемы технологии продуктов питания, туризма и торговли. Материалы IV Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Нальчик, 2022. С. 117–120.
7. *Калашникова С. В., Кумпилова А. Р.* Перспективы развития внутреннего туризма в современных условиях // Географические исследования в контексте социально-экономического развития регионов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 75-летию А. Л. Устаева. Грозный, 2022. С. 404–408.
8. *Кузнецова С. Н., Пирогова О. Е.* Апарт-отели: особенности, преимущества и перспективы // Международный научный журнал. 2020. № 2. С. 24–29.
9. *Погодина И. В., Манохин В. С.* Апарт-отели: правовой статус и состояние рынка в России // Туризм: право и экономика. 2019. № 2. С. 9–11.
10. *Пушкина А. В.* Пробелы законодательства в области защиты жилищных прав граждан // Правовые вопросы недвижимости. 2022. № 1. С. 19–22.
11. *Самаева Е. В., Боктаева А. Е., Самаева А. Д.* Влияние экономических санкций на развитие индустрии туризма в Российской Федерации // Экономика и управление отраслями, комплексами на основе инновационного подхода. Материалы XI Международной научной конференции научной школы. Элиста, 2022. С. 379–381.
12. *Седяева Е. С., Анисимов Т. Ю.* Приграничный туризм в Санкт-Петербурге как фактор развития молодежного туризма // Молодежный туризм в России: ресурсы, тенденции, перспективы. Сборник статей по материалам 4-й международной студенческой научно-практической конференции. СПб., 2019. С. 119–122.

Об авторах:

Подольская Екатерина Александровна, аспирант Северо-Западного института управления

РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); epodolskaya-21@edu.ranepa.ru

Мисько Олег Николаевич, заведующий кафедрой экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); доктор экономических наук; misko-on@ranepa.ru

References

1. Aslanova D. M., Shatul'skaya N. A. The role of the tourism industry in the Russian economy // *Economy and society [Ekonomika i sotsium]*. 2020. N 2 (69). P. 91–99 (in Rus).
2. Bakanova A. A., Zalepanchuk V. N. The role of social and cultural design in the development of fashion tourism in St. Petersburg // *Bulletin of the National Academy of Tourism [Vestnik Natsional'noi akademii turizma]*. 2022. N 2 (62). P. 79–81 (in Rus).
3. Blinchikov N. V. The influence of apartments on the development of the modern city // *Engineering systems and urban economy. Materials of the III Regional Scientific and Practical Conference — master's hearings*. SPb., 2021. P. 240–246 (in Rus).
4. Vinnikova T. S., Pershina T. A. Domestic tourism of Russia during the pandemic of 2019–2022 // *ASOU Conference: a collection of scientific papers and materials of scientific and practical conferences [Konferentsium ASOU: sbornik nauchnykh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferentsii]*. 2022. N 2. P. 208–210 (in Rus).
5. Dorokhova V. A. Features of the regional development of the apart-hotel segment in St. Petersburg // *Bulletin of the hospitality industry. International Scientific Collection*. SPb., 2022. P. 82–88 (in Rus).
6. Dyshekova A. A. Trends in the development of tourism // *Current problems of food technology, tourism and trade. Materials of the IV All-Russian (national) scientific and practical conference*. Nalchik, 2022. P. 117–120 (in Rus).
7. Kalashnikova S. V., Kumpilova A. R. Prospects for the development of domestic tourism in modern conditions // *Geographical research in the context of the socio-economic development of the regions. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation) dedicated to the 75th anniversary of A. L. Ustaev*. Grozny, 2022. P. 404–408 (in Rus).
8. Kuznetsova S. N., Pirogova O. E. Apart hotels: features, advantages and prospects // *International Scientific Journal [Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal]*. 2020. N 2. P. 24–29 (in Rus).
9. Pogodina I. V., Manokhin V. S. Apart hotels: legal status and state of the market in Russia // *Tourism: law and economy [Turizm: pravo i ekonomika]*. 2019. N 2. P. 9–11 (in Rus).
10. Pushkin A. V. Gaps in legislation in the field of protecting the housing rights of citizens // *Legal issues of real estate [Pravovye voprosy nedvizhimosti]*. 2022. N 1. P. 19–22 (in Rus).
11. Samaeva E. V., Boktaeva A. E., Samaeva A. D. Impact of economic sanctions on the development of the tourism industry in the Russian Federation // *Economics and management of industries and complexes based on an innovative approach. Materials of the XI International Scientific Conference of the Scientific School*. Elista, 2022. P. 379–381 (in Rus).
12. Sedyayeva E. S., Anisimov T. Yu. Cross-border tourism in St. Petersburg, as a factor in the development of youth tourism // *Youth tourism in Russia: resources, trends, prospects. A collection of articles based on the materials of the 4th international student scientific and practical conference*. St. Petersburg, 2019. P. 119–122 (in Rus).

About the authors:

Ekaterina A. Podolskaya, Graduate Student of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); epodolskaya-21@edu.ranepa.ru

Oleg N. Misko, Head of the Chair of Economics of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); Doctor of Economics; misko-on@ranepa.ru

Стратегии занятости беженцев и вынужденных мигрантов: региональный аспект

Колесник Е. А.

Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Российская Федерация; eakolesnik-10@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена рассмотрению стратегий занятости беженцев и вынужденных мигрантов из Украины волны 2022 года. Достаточно сложная для мигрантов ситуация вынуждает их изменять и выстраивать свои стратегии занятости соразмерно возможностям трудоустройства в стране (регионе) проживания, конъюнктуре рынка труда, установленным трудовым режимам, особенностям оплаты и стимулирования труда и иным факторам. **Актуальность** обусловлена тем, что рассмотрение приоритетов и стратегий занятости беженцев и вынужденных мигрантов имеет решающее значение как для обеспечения социальной и экономической стабильности, так и для выстраивания политики их интеграции в принимающее сообщество как на государственном, так и на региональном уровнях. Значимость данного исследования представляется значимым и на основании того, что в Тюменской области ощущается нехватка квалифицированных специалистов в различных отраслях, и рынок труда характеризуется как трудodefицитный. **Цель** статьи заключается в проведении эмпирического исследования стратегии занятости беженцев и вынужденных мигрантов. **Объектом** выступают беженцы и вынужденные мигранты из Украины волны 2022 года, прибывшие на территорию Тюменской области.

Рассмотрение проблематики выстроено на применении различных **методов** научного анализа, основные из которых — опросные и статистические методы, методы обобщения, систематизации и группировки; в работе нашли свое отображение и официальные данные международных организаций, занимающихся рассматриваемой проблемой, данные официальной статистики Российской Федерации и Тюменстата, официальные сведения УФМС России, Управления по вопросам миграции УМВД России по Тюменской области и Департамента труда и занятости населения Тюменской области.

Результаты заключаются, во-первых, в изучении общих показателей и направлений вынужденной миграции и беженства из Украины, во-вторых, в исследовании приоритетов и стратегий занятости вынужденных мигрантов и беженцев, прибывших на территорию Тюменской области. Было определено, мигрантами выбирается три модели поведения, зависящие от, во-первых, желания и направленности на встраивание в новый принявший их социум, во-вторых, стремления к возвращению на Родину, в-третьих, направленности на миграцию в другой регион Российской Федерации. Мигранты первой группы ориентированы на стратегию занятости, строящуюся на развитии, стабильности и поощрении (лица от 18 до 35 лет), на инициативе и вознаграждении (лица от 36 до 45 лет), на рациональном выборе и гарантии занятости (лица от 46 до 59 лет). Также на приоритетность в выборе стратегии оказывают влияние пол, уровень образования и опыт взаимодействия с работодателями.

Мигрантами второй группы, стремящимися к возвращению на Родину, выбирается стратегия реэмиграции. Третьей группой избираются диаметрально противоположные стратегии — экспансивного и пассивного поведения на рынке труда. При этом, стратегии занятости этих двух групп имеют и общее — желание «пересидеть» сложные времена, а также поддержать и/или улучшить свое материальное положение.

Ключевые слова: украинский конфликт, беженцы, вынужденная миграция, трудоустройство, стратегии занятости, приоритеты, поддержка, Тюменская область

Для цитирования: Колесник Е. А. Стратегии занятости беженцев и вынужденных мигрантов: региональный аспект // Управленческое консультирование. 2023. № 5. С. 40–62.

Employment Strategies for Refugees and Forced Migrants: A Regional Aspect

Elena A. Kolesnik

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation; eakolesnik-10@mail.ru

ABSTRACT

The movement of people from one place to another can be caused by a variety of factors, including conflicts in the military, political or socio-economic sphere, natural disasters and other situations that force people to seek safety in other countries. As a result, there is a change not only of the country of residence, but also of lifestyle, social status, place and type of employment. The situation, which is quite difficult for migrants, forces them to change and build employment strategies in proportion to the possibilities of labor realization in the country (region) of residence — labor market conditions, established labor regimes, peculiarities of remuneration and labor incentives, etc. The purpose of the article is to conduct an empirical study of the employment strategy of refugees and forced migrants. The object is refugees and forced migrants from Ukraine who arrived on the territory of the Tyumen region. The relevance of the topic is due to the fact that forced migration is a global problem, and the possibility of “embedding” migrants, especially forced ones, has a decisive impact on the economic aspects of the country and the development of its regions. The significance of this study is particularly high and on the basis of the fact that there is a shortage of qualified specialists in various industries in the Tyumen region and the labor market is characterized as labor deficient.

The consideration of the problem is based on the use of various methods of scientific analysis, the main of which are survey and statistical methods, methods of generalization, systematization and grouping; official data of international organizations dealing with the problem under consideration, official statistics of the Russian Federation and Tyumenstat, official data of the Federal Migration Service of Russia and the Migration Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia are reflected in the work in the Tyumen region. The results consist, firstly, in the study of common problems faced by refugees and forced migrants in the labor market of the Tyumen region, secondly, in the study of the features of labor integration of migrants from Ukraine, thirdly, in the consideration of employment strategies for refugees and forced migrants for their successful integration into the regional labor society.

Keywords: Ukrainian conflict, refugees, forced migration, employment, employment strategies, priorities, support, Tyumen region

For citing: Kolesnik E. A. Employment strategies of refugees and forced migrants: a regional aspect // Administrative consulting. 2023. N 5. P. 40–62.

Введение

Происходящие в современном мире процессы глобализации оказывают сильное влияние на различные социально-экономические и общественно-политические процессы; широкое распространение получили и глобальные общечеловеческие проблемы. Особую тревогу вызывают вопросы, связанные с политическими и социально-экономическими конфликтами, которые нередко приводят к военным противостояниям и вынуждают граждан пострадавших государств искать пристанище в других странах. Подобные миграционные процессы называются «вынужденной миграцией, а лица, которые в силу обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, находящиеся вне страны своей гражданской принадлежности в результате подобных событий, называются вынужденными мигрантами» [14, с. 175]. Беженство представляет собой одну из форм вынужденного переселения, которая заключается в перемещении людей из одного государства в другое в связи с преследованием из-за расовых, религиозных, политических

и национальных притеснений. Как правило, беженцами становятся люди, на которых оказываются гонения на родине из-за их убеждений или принадлежности к определенной социальной группе.

Вынужденная миграция на протяжении всей истории войн и конфликтов, катаклизмов и социальных потрясений коснулась многих людей, вынудив их покинуть места своего проживания. Беженство как явление также имеет свою историю, которая насчитывает несколько тысяч лет. Однако именно с начала XX в. оно приобретает массовый характер и становится одним из самых ярких проявлений человеческой цивилизации. До недавнего времени беженство было обусловлено в основном преследованием и политическими репрессиями, сегодня же к ним добавились иные обстоятельства, которые стали причиной массовых перемещений людей.

В последнее время вынужденная миграция и беженство стали приобретать глобальные черты, затрагивая практически все страны мира. Прибывающие люди в страну (регион) вселения привносят свои обычаи, ценности, культуру, что, порой, становится причиной возникновения новых проблем, связанных с культурным конфликтом и иными разногласиями в обществе. В то же время вынужденная миграция и беженство в определенной степени способствуют поддержанию и развитию экономики стран-реципиентов. Мигранты вносят свой вклад как за счет нового притока денег, который оказывает положительное влияние на местную экономику и способствует ее общему росту, так и за счет собственного труда. Принимающая сторона в лице мигрантов получает дополнительную рабочую силу, заполняя «пробелы» на рынке труда. Кроме того, мигранты часто приносят с собой различные навыки, опыт и новое видение, которое способствует инновациям и творчеству в рабочей силе. В то же время характер трудового включения зависит от степени заинтересованности мигрантов в интеграции в общество принимающей стороны.

В связи с вышеперечисленным рассмотрение стратегии занятости беженцев и вынужденных мигрантов не только видится важным, но и представляет несомненный научный интерес.

Обзор литературы

В последние несколько лет вышло достаточно много публикаций, освещающих данную проблематику. В среде зарубежных авторов достаточно широко освещены вопросы вынужденной миграции в работах Г. С. Гудвина-Гилла и П. Невалайнен, А. Лаузера, А. Фузе, П. Дж. Браунляйна, Фионы Б. Адамсон и др. Исследования как затрагивают общетеоретические аспекты, так и освещают специфические проблемы вынужденной миграции и беженства в разных государствах и регионах.

В зарубежных публикациях последнего времени не обойден стороной вопрос вынужденной миграции и беженства в контексте украинско-российской проблемы. Так, в работах С. Куинн и И. Руис подчеркивается необходимость «сострадаельных и вдумчивых ответов от правительств по всему миру — как на национальном, так и на местном уровнях, и особенно в Европе» [37, с. 404]; акцентируется внимание на надобность выработки действенных механизмов поддержки вынужденных мигрантов и беженцев, а также использование в практике работы положительного опыта различных стран.

В исследовании польских ученых К. Пендзивиатра, Я. Бжозовского и Е. Нагорнюк изучены как потребности беженцев, так и направленность их социальной интеграции в зарубежное общество и стратегии экономической адаптации [32]. Отдельно отмечается, что «несмотря на публично рекламируемый временный характер» [32, с. 55], вынужденные мигранты имеют стойкое намерение остаться на территории

вселения. Констатируется, что «чем дальше беженцы уезжали из Украины, тем выше был их социально-экономический статус и уровень образования и тем менее выраженными были их намерения вернуться» [32, с. 31]. Этот тезис подтверждается и исследованиями другой группы авторов — Дж. Коленбергер, Б. Ренгс, Б. Ридерер, И. Сетц, И. Бубер-Энсер и др. [31].

Не вдаваясь в дальнейший анализ зарубежных публикаций, отметим: в целом растущий объем исследований по вынужденной миграции отражает актуальность и сложность этой проблемы.

Среди российских исследователей можно выделить работы Ж. А. Зайончковской, Н. В. Прокушевой, И. В. Ивахнюк, Ю. Ф. Моргун, В. А. Ионцева, Н. В. Соклакова, И. С. Иванова, В. В. Константинова, Е. В. Тюрюкановой, Е. В. Карсанова, М. Л. Тюркина, К. О. Ромодановского и др.

Вопросы, касающиеся вынужденной миграции и беженства, их роли и места в структуре рынка труда изложены в трудах С. В. Соболевой, О. В. Чудаевой, М. Кудяевой, И. Редозубова, В. А. Васяйчевой, Д. Г. Слатова, Е. С. Вакуленко, В. В. Комаровского, В. Т. Веденеевой, К. С. Гущиной и др. ученых. Области изучаемых ими вопросов представлены ниже (обобщено автором согласно [4–5; 8; 15; 17; 21]):

- особенности и проблемы миграции населения из ближнего и дальнего зарубежья, адаптации иностранных мигрантов на российском рынке труда (Соболева С. В., Чудаева О. В.);
- оценка влияния миграции на макроэкономические показатели России как в целом по стране, так и по отдельным регионам (Кудяева М., Редозубов И.);
- проблемы, связанные с трудовой миграцией и адаптацией мигрантов к текущим условиям труда (Васяйчева В. А., Слатов Д. Г.);
- вопросы, связанные с мобильностью рабочей силы в различных ее формах, которые определяют эффективность использования рабочей силы в экономике, стремительность адаптации экономики к разным неожиданным событиям (шокам), реакцию на действия правительства (Вакуленко Е. С.);
- современные тенденции и модели трудовой миграции, национальные практики и подходы к ее управлению, особенности выхода и уникальные проблемы, с которыми сталкиваются вынужденные мигранты последней волны при выходе на рынок труда (Комаровский В. В., Веденеева В. Т.);
- изучение факторов значительной трудовой миграции и вынужденного переселения, а также вопросов, связанных с возможностью включения мигрантов в трудовую деятельность (Гущина К. С.).

Стоит отметить следующее: в России изучением проблем миграции, миграционной политики, вопросов вынужденной миграции и беженства занимаются в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН, в Институте этнологии и антропологии РАН, в Лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народного прогнозирования РАН, в Центре социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН, в Институте социально-политических исследований РАН, в Центре изучения миграционной политики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации и других научно-исследовательских центрах и государственных организациях.

При этом, несмотря на наличие многочисленных научных разработок, развитие совершенно новой миграционной ситуации требует более пристального ее изучения. Кроме того, существуют особые требующие дальнейшего рассмотрения вопросы, связанные с трудоустройством и трудовой интеграцией вынужденных мигрантов. Обозначенные проблемы входят в поле научной дискуссии и приобретают особую актуальность в связи с важностью труда мигрантов в развитии регионов России.

Материалы и методы

Предметом данного исследования является изучение стратегий занятости беженцев и вынужденных мигрантов волны 2022 г. (территория вселения — Тюменская область).

Гипотеза выстраивается на научном предположении, что интеграция вынужденных мигрантов и беженцев на территории вселения в большей степени обуславливается трудовыми приоритетами вообще и стратегией занятости в частности.

Обозначенная в работе проблема исследуется посредством применения разнообразных **методов** научного анализа, включая опросы и статистику, а также методов обобщения результатов исследований.

Особенности трудовой интеграции беженцев и вынужденных мигрантов, а также стратегии их занятости изучались посредством применения опросных методов. Использование стратифицированной выборки позволило выделить пропорциональный размер генеральной совокупности и обеспечить правильность представления различных подгрупп респондентов, что повышает точность и надежность результатов, полученных из выборочных данных.

В опросе приняло участие 286 респондентов из числа беженцев и вынужденных мигрантов волны 2022 г. Уровни погрешности и достоверности составили $\pm 5\%$ и 95% соответственно. Респонденты были распределены по следующим группам: пол (мужчины — 44%, женщины — 56% от общей численности опрошенных), возраст (молодежь (18–35 лет) — 35%, лица среднего возраста (36–45 лет) — 47,2% и лица зрелого возраста (46–59 лет) — 17,8%), уровень образования (начальное — 1,7%, среднее специальное — 23,7%, высшее — 74,6%). Интервьюирование проводилось через онлайн-опрос на базе сервиса *Google Forms*.

Опрос был проведен благодаря содействию Управления по вопросам миграции УМВД России по Тюменской области и Департамента труда и занятости населения Тюменской области.

Помимо этого в работу включены официальные статистические данные международных организаций, занимающиеся рассматриваемой проблемой, а также данные официальной статистики Российской Федерации и Тюменьстата, официальные сведения УФМС России, Управления по вопросам миграции УМВД России по Тюменской области и Департамента труда и занятости населения Тюменской области.

1. «Вынужденная миграция» и «беженство» — подходы к трактовке понятий

В последнее время в научной литературе понятие «вынужденная миграция» широко представлено как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях. Такое повышенное внимание основано на активизации военно-политических конфликтов последнего времени. В то же время стоит отметить, в основу понимания вынужденной миграции не обязательно полагается именно военно-политический конфликт, достаточным числом иных факторов формируется данное явление. Так, Дж. Хейн и Т. Ни-ази к глобальному фактору, создающему условия для вынужденной миграции, относят крайний национализм, приводящий к войнам и вытеснению людей из одной страны в другую [29]. Брид Ни Гранне определяет, что перемещение населения в основном вызвано конфликтами и стихийными бедствиями¹. Согласно Д. Ф. Хейнсу, основным фактором является наличие на территории многих государств и сопредельных их территориям внутригосударственных конфликтов [28]. Эка Сарджана указывает, что юридическое понимание понятия «беженец», закрепленное в Конвенции

¹ Bríd Ní Ghráinne. The Relationship between Internally Displaced Persons and Refugees' in Bríd Ní Ghráinne, Internally Displaced Persons and International Refugee Law, 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/353286479_The_Relationship_between_Internally_Displaced_Persons_and_Refugees'_in_Brid_Ni_Ghrainne_Internally_Displaced_Persons_and_International_Refugee_Law (дата обращения: 11.08.2022).

1951 г., на международной арене значительно ограничивает круг переселенцев, вынужденно покинувших свою страну. Конвенция превращает «их в мигрантов из-за военных действий и гражданских беспорядков» [36, с. 220]. При этом миграция населения вызывается и иными факторами. К ним ею относятся экономические, экологические и социальные проблемы (экономические трудности, политическая борьба, безработица, бедность, засуха, эрозия почвы, опустынивание, обезлесение, наводнения) и иные угрозы устойчивости системы, нарушающие сложившиеся ритмы жизнедеятельности. Т. Славчинский более комплексно смотрит на причины. Он считает, что глобализация является основной причиной, поскольку она меняет способ функционирования человеческого общества с учетом различий в национальных и международных обстоятельствах [38].

По мнению российских ученых, причины вынужденной миграции — это «гражданские войны, бедность и нужда, разруха и изгнание» [13, с. 85], «тяжелая внутривосточная обстановка» [Там же, с. 84], межэтнические и межнациональные конфликты и противостояния [6], критическая экологическая обстановка, бедственное положение или катастрофа [11], состояние страха и угрозы для жизни, геноцид [1, с. 17] и др. А. Ю. Ястребовой к основополагающим причинам вынужденной миграции населения относятся продолжительные военные действия и отсутствие личной безопасности, а также «приобретение... правового статуса беженцев как лиц, имеющих опасения преследования» [25, с. 76]. По мнению Д. А. Звягиной, есть две группы причин, которые имеют экономическую и неэкономическую природу. К первой группе относится «различие в экономическом развитии страны выезда и въезда, перенаселение и высокий уровень безработицы в стране-доноре, а также движение капитала и деятельность транснациональных корпораций» [12, с. 96]. Ко второй — «политические, правовые и нравственные причины» [Там же]. Т. А. Репина, напротив, утверждает, что вынужденная миграция формируется исходя из степени и масштаба угрожающих ситуаций. Она выделяет такие две категории: мгновенная угроза жизни (катастрофа) и «эволюционное развитие событий» [20, с. 250]. Не вдаваясь в дальнейший анализ публикаций, можно сделать вывод, что подходы к пониманию причин, которые побуждают человека к вынужденной миграции, основываются, в основном, на авторском видении и понимании ее сути.

Касательно понятия «беженство», то в российском законодательстве оно рассматривается как один из видов вынужденной миграции. Понятие «беженец» появилось вследствие подписания в Женеве «Конвенции о статусе беженцев» в 1951 г. Россия же, присоединившись к данному Протоколу 2 февраля 1993 г., заложила основы правового регулирования и положения вынужденных мигрантов, находящихся на территории РФ (табл. 1).

Ниже приведены общие характеристики таких понятий, как «вынужденная миграция» и «беженство», выделенные российскими и зарубежными авторами (обобщено автором согласно [1; 3; 7; 9–10; 16; 18; 19; 23; 24; 27; 33–35]).

Беженство — это:

- массовое оставление жителями своих родных городов из-за конфликтов или стихийных бедствий (Ушаков Д. Н.);
- форма переселения, когда люди вынуждены покинуть свой дом из-за военной агрессии, иностранной оккупации, чрезвычайных ситуаций природного и экологического характера, представляющих опасность для здоровья и жизни человека (Костыря Е. А.);
- перемещение лиц, которое основано на рациональном страхе стать жертвой вооруженного конфликта и которые не могут получить защиту от своей страны гражданской принадлежности в связи с таким конфликтом (Щеголева Н. А., Волков А. В.);

Определение понятия «беженец» согласно Женевской конвенции о статусе беженцев 1951 г. и ФЗ РФ от 19 февраля 1993 г. № 4528-I «О беженцах»

Table 1. Definition of the concept of «refugee» according to the 1951 Geneva Convention on the Status of Refugees and the Federal Law of the Russian Federation No. 4528-I of February 19, 1993 «On Refugees»

Понятие «беженец» согласно Конвенции о статусе беженцев 1951 г.	Понятие «беженец» согласно ФЗ от 19 февраля 1993 г. № 4528-I «О беженцах»
<p>Беженец — это лицо, которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений</p>	<p>Беженец — это лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений</p>

Источник: составлено автором по: Конвенция о статусе беженцев (Женева, 28.07.1951 г.) // Сб. Международных документов. 1995. № 2. С. 22–29; Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-I «О беженцах» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10105682/> (дата обращения: 15.09.2022).

- вынужденное оставление постоянного места жительства без применения насилия (Прокушева Н. В.);
- психологическая «доминанта отдаления от опасного места» (Куликова Е. Ю.) и необходимость «спасения собственной жизни» (Демидова О. Р.);
- «экстремальная жизненная ситуация, сопряженная с трагическими событиями, кризисными процессами, критическими психическими нагрузками, интенсивными негативными переживаниями и эмоциональными потрясениями» (Барышева Е. И.);
- процесс, указывающий на принудительное переселение лиц (С. Г. Харрис-Риммер).

Вынужденная миграция — это:

- термин, описывающий и используемый для объяснения перемещения людей (Нел Филлип);
- миграция, вызываемая различными внешними причинами; вынужденная, не суверенная (Куликова Е. Ю.);
- принудительное или добровольное внутреннее или внешнее перемещение людей, вызванное экономическими, политическими, социальными и иными обстоятельствами как через международные границы, так и внутри государства (Ярмистый М. М.);
- процесс, при котором люди вынуждены покинуть место жительства вследствие совершенного в отношении них или членов их семей насилия, или подвергшихся преследованиям (Е. В. Дьякова, А. В. Гришина);

- переселение людей в результате стихийных бедствий (паводков, оползней и землетрясений), экологических изменений (вырубки лесов, опустынивания, деградации земель) и других техногенных катастроф, возникших в связи с деятельностью человека (промышленные аварии, радиоактивность) (Алиев О. Ф. О.);
- это крайняя форма защиты нарушенных в результате каких-либо событий основных прав человека, представляющаяся свидетельством коррупции института правовых ограничений как в субъективном, так и в объективном понимании последних (Макогон Б. В., Маркхайм М. В., Минасян А. А., Новикова А. Е., Ярычев Н. У.);
- кризисные явления, носящие природный и антропогенный характеры, создающие дополнительные риски безопасности как для государств, так и для регионов (Громогласова Е. С.);
- акт переселения лица или группы лиц, которые были вынуждены покинуть свое привычное место проживания из-за вооруженного конфликта, нарушения прав человека или насилия и пересекли международно признанную государственную границу (ОДЖО, С. Стивен).

Из вышеизложенного следует, что «тождество данных двух понятий заключается в следующем: их объединяет одно — вынужденное перемещение людей за пределы своего местожительства вследствие достаточно серьезных обстоятельств» [14, с. 177–178]. Стихийные бедствия, социальные катастрофы, а также опасные антропогенного характера — это тот перечень факторов, формирующих обстоятельства, при которых люди вынуждены покидать свои дома и искать пристанище где-нибудь в другом более безопасном месте. Стоит отметить, что вынужденная миграция и беженство — это глобальная проблема, которая ежегодно затрагивает миллионы людей во всем мире. Более того — она неотъемлемый компонент процессов, происходящих в современном глобализирующемся мире.

Оказывая неоднозначное влияние на принимающее сообщество (напряженность и конфликты, дискриминация и маргинализация и др.), миграция — это значимый и постоянный источник социально-экономических и культурно-демографических изменений [30], ведь «люди, оказавшиеся в рамках совершенно другой культуры, другого образа жизни» [2], другой системы ценностей, вынуждены адаптировать свое поведение, приспосабливаться к новым условиям, к новому социальному окружению. И наоборот, мигранты приносят в принимающее сообщество «иные ценности и идеи, и обогащают его свежими социальными, духовными и культурными навыками» [14, с. 178], формируют новые культурные практики, уникальные как для принимающего сообщества, так и самих мигрантов.

Существует и иная сторона. Вынужденные мигранты и беженцы приносят стране-реципиенту существенную экономическую выгоду вследствие как увеличения количества рабочих мест, так и заполнения невостребованных местным населением мест работы, ростом производительности труда, снижением безработицы и т. д.; мигранты также обеспечивают дополнительные налоговые поступления в бюджеты таких стран. При этом степень извлечения выгоды варьирует в зависимости от политики отдельной страны.

В целом миграция оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на принимающее сообщество. Она, с одной стороны, является неизбежной частью истории человечества и будет продолжать формировать наши общества в будущем, а с другой — представляет собой основу развития современного социума.

2. Миграционные потоки: показатели и направления вынужденной миграции и беженства

Ситуация с вынужденной миграцией и беженством представляет собой глобальный вызов экономическому развитию и социальной сплоченности всего общества, угро-

зу национальной безопасности стран и риску дестабилизации обстановки в мире. Согласно данным УВКБ ООН по делам беженцев, в 2021 г. около 90 млн чел. стали вынужденными мигрантами и были перемещены в результате войн в их странах, насилия, преследований, нарушений прав человека. Верховный комиссар ООН по делам беженцев Филипп Гранди отмечает: «Это рекорд, который не должен был быть достигнут никогда»¹.

Число вынужденных мигрантов к концу 2021 г. составляло 89,3 млн чел. (рис. 1); численность беженцев выросла на 27,1 млн чел., что на 700 тыс. чел. больше, чем по данным конца 2020 г.

На рис. 2 представлены статистические данные ООН о количестве беженцев и лиц, ищущих убежища, из стран, в которых в настоящее время находится наибольшее количество вынужденных мигрантов в мире.

С февраля 2022 г. вследствие специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией на Украине, численность украинских вынужденных мигрантов и беженцев в общей сложности достигла 17 139 782 чел., что безусловно влияет на рост числа мигрантов в мире. За этот период в обратном направлении — назад в Украину — выехало 9 180 679 чел.

Согласно данным УВКБ, в период с 24 февраля 2022 г. по 3 января 2023 г. в Россию из Украины прибыло около 2 852 395 чел.². Наибольшее количество вынужденных мигрантов и беженцев было принято Россией, Польшей и Германией; доля от общей численности составляет около 16,6%, 9,06% и 5,9% соответственно.

Страны, принявшие более 100 тыс. чел., представлены на рис. 3.

Согласно данным Управления федеральной миграционной службы России (далее — УФМС), в период января — марта 2022 г. на миграционный учет было поставлено 181 430 граждан Украины. В отношении 30,1% было принято решение о приобретении гражданства Российской Федерации, в отношении 4,2% — первичное решение о выдаче вида на жительство, в отношении 5,8% — решение о выдаче разрешения на временное проживание.

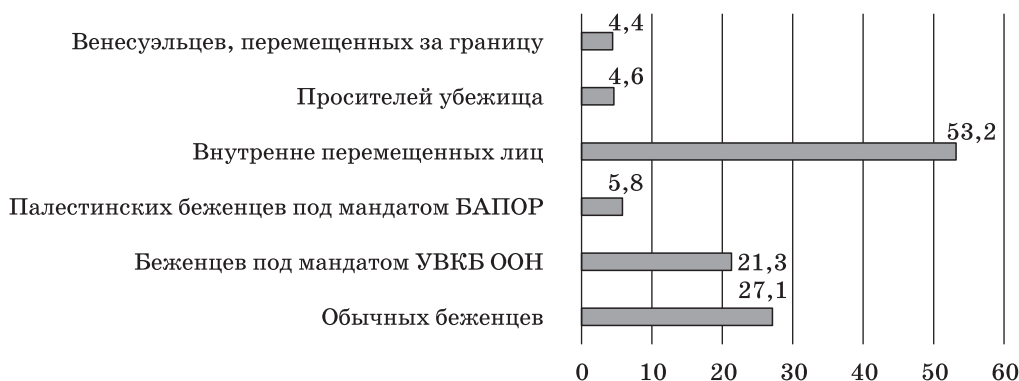

Рис. 1. Количество вынужденных мигрантов в мире, млн чел. (на конец 2021 г.)
 Fig. 1. The number of forced migrants in the world, million people (at the end of 2021)

Источники: [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/news/topic/migrants-and-refugees> (дата обращения: 17.08.2022).

¹ UNHCR: due to the war in Ukraine and other conflicts, the number of internally displaced persons has reached one hundred million for the first time [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/05/1424362> (дата обращения: 11.01.2023).

² Ukraine Refugee Situations [Электронный ресурс]. URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения: 15.01.2023).

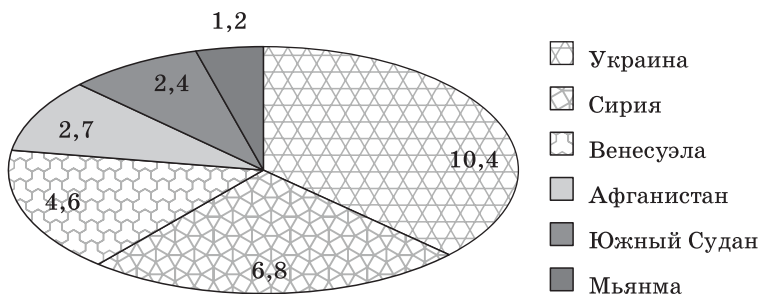

Рис. 2. Страны, на которые в настоящее время приходится наибольшее количество беженцев в мире, млн чел.

Fig. 2. The countries that currently account for the largest number of refugees in the world, million people

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/news/topic/migrants-and-refugees> (дата обращения: 17.08.2022).

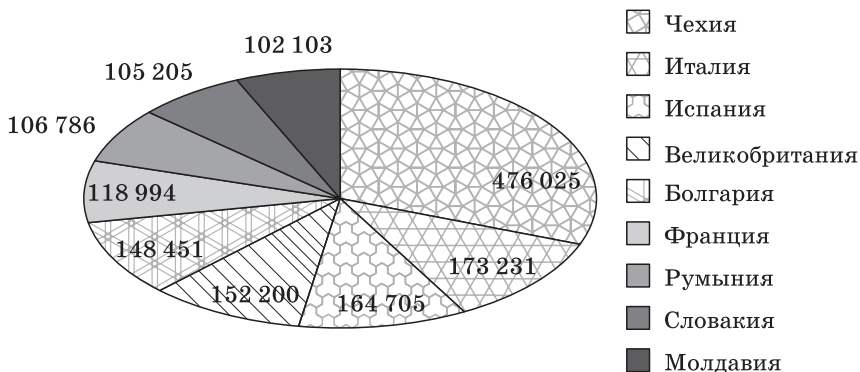

Рис. 3. Страны, принявшие более 100 тыс. вынужденных мигрантов и беженцев из Украины (начало января 2023 г.), чел.

Fig. 3. Countries that have received more than 100 thousand forced migrants and refugees from Ukraine (beginning of January 2023), people

Источник: Ukraine Refugee Situations [Электронный ресурс]. URL: <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine> (дата обращения: 15.01.2023).

Максимум вынужденная миграция из территории Украины достигла в период с апреля по декабрь 2022 г. Число фактов постановки на миграционный учет увеличилось в среднем на 5,9%. Повысилось и число решений по приобретению гражданства, первичного решения о выдаче вида на жительство и разрешений на временное проживание, которые составили 5,45%, 3,45% и 2,85% соответственно.

С начала 2023 г. начинает наблюдаться снижение миграционной активности. В первые три месяца 2023 г. на миграционный учет было поставлено 70 789 чел. Из них в отношении 31,1% принято решение о приобретении гражданства Российской Федерации, первичное решение о выдаче вида на жительство получило 4,4%, менее 1% было получено решение о выдаче разрешения на временное проживание.

Стоит отметить: согласно решению территориальных органов МВД России в 2022 году 98 632 чел. получили удостоверения о временном убежище; на начало 2023 г. временное убежище было оформлено 57 937 чел.

На 1 января 2022 г. статус беженца получили всего 54 чел., что на 1,54% меньше показателей предыдущего года. Это обусловлено тем, что, во-первых, получение данного статуса связано со сложной процедурой его получения, во-вторых, нет ясности того, какие именно преимущества получает обладатель статуса «беженец» в России. Именно поэтому лишь небольшим числом лиц был получен статус беженца в правовом понимании этого термина. Большинство вынужденных мигрантов из Украины оформляют статус «временного убежища», гарантирующего иностранным гражданам право временного пребывания на территории России и то, что они не могут быть возвращены на территорию государства их гражданской принадлежности против воли (ст. 12, п. 4 Закона «О беженцах»)¹. Помимо этого, у них появляется право на легальное трудоустройство и возможность обращения с заявлением о принятии российского гражданства в упрощенном порядке.

В Россию в период с февраля 2022 г. въехало около 6% населения Украины. Правительством РФ было принято решение расселить их в основной массе на всей территории страны. Так, в Воронежской области запланировано разместить около 7,4% от общей численности вынужденных мигрантов, в Краснодарском крае — 5,6%, в Белгородской области — 5%, в Ростовской области — 4,8%. Такое распределение обусловлено как территориальным тяготением вынужденных мигрантов к прежнему месту проживания, так и трудодефицитностью рынка труда данных регионов. Помимо вышеперечисленных регионов, размещение планируется и в других регионах страны. Например, в Красноярском крае запланировано разместить около 4,1% вынужденных мигрантов, в Курской и Мурманской областях — 3,2% и 2,6% соответственно, в Республике Башкортостан и Омской области по 2,5%, в Пензенской области — 2,3% и т. д. Планируется в общей численности разместить около 95 146 чел.

Таким образом, интеграция вынужденных мигрантов и беженцев из Украины в российское сообщество — основная задача, на решение которой направлены инициативы как правительства страны, так и органов власти и местного самоуправления на местах. Действия обращены на предоставление необходимой поддержки и помощи, включая доступ к основным услугам, таким как жилье, здравоохранение, образование и трудоустройство.

Стоит отметить, что правительствами иностранных государств, неправительственными организациями, международными агентствами по оказанию помощи также предоставляется вынужденным мигрантам и беженцам всесторонняя помощь и ресурсы; поддержка включает языковые курсы, программы профессионального обучения, психологическое консультирование, юридическую помощь и др.

3. Вынужденные мигранты и беженцы на рынке труда Тюменской области: стратегии и приоритеты занятости

Тюменская область как один из крупных нефтедобывающих регионов России по праву считается точкой роста и развития экономики страны. Регион имеет выгодное экономико-географическое положение благодаря близости к экономически развитым районам европейской части страны, прежде всего к Уралу, и обеспеченности разнообразными природными ресурсами. В регионе также имеется развитая транспортная инфраструктура, которая позволяет развивать промышленное производство, торговлю, сельское хозяйство. Тюменская область является одним из наиболее динамично развивающихся субъектов Российской Федерации. За последние годы регион значительно укрепил свои позиции в различных отраслях

¹ Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10105682/> (дата обращения: 15.09.2022).

экономики. Важным фактором в его развитии является не только эффективное использование природных ресурсов, развитость нефтедобывающей отрасли, освоение углеводородных месторождений, но и формирование иных перспективных кластеров:

Базовые:

- Кластер нефтедобычи, нефтепереработки и нефтесервиса.
- Нефтегазохимический кластер.

Формирующиеся:

- Агропромышленный и биотехнологический кластер.
- Лесопромышленный кластер.

Потенциальные:

- Кластер добычи и переработки прочих полезных ископаемых.
- Медико-фармацевтический кластер.
- Кластер социальных инноваций.
- Туристско-рекреационный кластер.
- Образовательный кластер.
- Кластер творческих (креативных) индустрий.
- Кластер инновационных и информационных технологий.

Все это составляет инвестиционную привлекательность области и является условием экономического развития региона.

Экономический потенциал Тюменской области подтверждается абсолютной величиной вклада в формирование валового регионального продукта (далее — ВРП) Российской Федерации. ВРП Тюменской области в действующих ценах 2021 г. составил 11 349 439,2 млн руб. Среди субъектов РФ Тюменская область занимает 2-е место по объему ВРП; по показателю наибольшего ВРП на душу населения — 1-е место среди субъектов страны (данные на 2019 г.).

В то же время, несмотря на достаточно высокие стабильно растущие экономические показатели, рынок труда Тюменской области характеризуется как трудodefицитный¹. Дефицит трудовых ресурсов наблюдается по большинству значимых для области видов экономической деятельности, который, согласно прогнозу Департамента труда и занятости населения, будет усугубляться в последующие годы.

Таким образом, современные условия развития экономики региона сопряжены с рядом достаточно существенных факторов, которые не только определяют будущее региональных экономических систем, но и играют жизненно важную роль в определении локальных перспектив, которые находятся в прямой зависимости от человеческого капитала [14, с. 180]. Одним немаловажным условием, определяющим развитие региональных экономик, является миграция, благодаря которой происходит не только пополнение трудовыми ресурсами и перераспределение рабочей силы, но и создаются условия для более эффективной занятости населения.

Несмотря на то, что вынужденная миграция и беженство являются достаточно сложной проблемой, труд мигрантов способствует «трансформации национальных рынков труда» [15, с. 8] и оказывает значительное влияние на экономику принимающей стороны. И это даже несмотря на то, что большинство из них чаще всего, после того, как заканчивается кризис в странах исхода, возвращаются домой.

На территорию Тюменской области на 25.05.2022 прибыли 571 чел. из Донецкой и Луганской Народных Республик (далее — ЛДНР), Запорожской, Херсонской об-

¹ Итоговый отчет по результатам выполнения работ по изучению перспективного развития рынка труда Тюменской области (без автономных округов) [Электронный ресурс]. URL: https://czn.admtymen.ru/cms_data/usercontent/regionaleditor/мониторинг/итоговый%20отчет_2022.pdf (дата обращения: 25.01.2023).

ластей и иных регионов Украины; на начало 2023 г. число вынужденных мигрантов и беженцев уже составило около 1,5 тыс. чел. (340 чел. из которых — дети).

На территории вселения им оказывается содействие в разрешении различного рода вопросов жизнеустройства, обеспечивается медицинская, психологическая, юридическая помощь и индивидуальное сопровождение, в том числе по устройству детей в учреждения образования. Помимо предоставления мер социальной поддержки, департаментом социального развития Тюменской области вынужденным мигрантам из Херсона и части Херсонской области было выдано 70 жилищных сертификатов на приобретение жилья; на начало 2023 г. оплата была произведена по 35 из них.

В Тюменской области созданы консультационные пункты для оказания помощи вынужденным переселенцам в трудоустройстве по месту жительства. В этих пунктах содержится информация о наличии вакансий в местных организациях и на предприятиях, а также о правовых нормах, регулирующих труд мигрантов в России. Рабочие места подбираются согласно полученным профессиям и опыту трудовой деятельности. В то же время при отсутствии вариантов подходящей работы они могут пройти профессиональное обучение. С начала 2023 г. этой возможностью воспользовалось 30 чел.

Следует также сказать, что в области не предусмотрено специальных программ по трудоустройству вынужденных мигрантов. В условиях трудодефицитного рынка труда мигранты вполне свободно могут занимать вакантные места на тюменских предприятиях и в учреждениях. Это касается всех категорий работников — от высококвалифицированных специалистов до простых рабочих. В то же время, двумя компаниями — АО «ЮТэйр-Инжиниринг» и ГМС Нефтемаш — были адресно подготовлены предложения по трудоустройству как для высококвалифицированных специалистов, так и для профильных рабочих. Более того, возможность трудоустройства согласована и с другими работодателями области. В общей сложности более чем 100 предприятий из разных отраслей экономики региона готовы принять около 620 специалистов.

Дополнительно предоставляется информация о возможностях предпринимательской деятельности в регионе, о мерах государственной поддержки предпринимательства, о существующих налоговых льготах, а также о действующих программах льготного кредитования, развития инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего бизнеса, инвестиционных проектах, реализуемых на территории региона и др.

Таким образом, в Тюменской области вынужденным мигрантам оказывается всесторонняя помощь и поддержка, призванная смягчить потерю привычного социума, дома, имущества и близких, а также тех трудностей, с которыми им приходится сталкиваться на новом месте жительства. В то же время, несмотря на сложности, они зачастую демонстрируют поразительную стойкость и находчивость, адаптируясь к новым условиям и внося разнообразный вклад в жизнь своих новых сообществ. Данная особенность была подмечена и группой немецких авторов — А. Лаузером, А. Фузе, П.Дж. Браунляйненом. Раскрывая вопросы утраты «самосознания и личной идентичности» [26] вследствие не только понесенных материальных потерь, но и чувства принадлежности к своей стране, к своему народу, к своей культуре, ими отмечается, что пережитые вынужденными мигрантами эмоции влияют на их устремления и жизнестойкость, расстановку приоритетов и на их образ жизни в будущем.

Образ жизни как ценность и значимая категория определяется субъективной картиной мира, созданной самим человеком; обуславливается способом жизнедеятельности человека в материальной и нематериальной сферах, той стратегией, которой придерживается человек на своем жизненном пути. Личностные особен-

ности и жизненная позиция способствуют формированию стратегии занятости. При этом типы поведения вынужденных мигрантов, их мотивы деятельности, круг интересов и другие особенности являются достаточно разнообразными, они зависят от конкретных условий и среды, в которых человек вынужденно оказывается.

Исследование показало, что в Тюменской области созданы достаточно хорошие условия по содействию в трудоустройстве; большинством респондентов отмечается отсутствие трудностей в поиске работы (рис. 4).

При этом подчеркивается отсутствие возможности прямого общения с потенциальными работодателями (отметили 51,9% опрошенных). По большей части работодателем запрашивается резюме и иные дополнительные документы дистанционно, что не позволяет получить обратную связь и сформировать представление о возможном месте трудоустройства. Данный факт вызывает сомнения и опасения в трудоустройстве именно на данном предприятии у 38,9% респондентов, 14,6% опрошенных отметили, что они готовы только к offline-собеседованию. Стоит отметить, что именно такой подход к трудоустройству обусловлен тем, что, в отличие от местного населения, вынужденные мигранты не имеют четкого представления о работодателях и предоставляемых ими условиях труда; в связи с чем для них важно получать максимум информации о вакансии, предлагаемых условиях труда и ее оплаты, прежде чем делать окончательный выбор. В то же время 25,1% из них не видят особой разницы между online- и offline-взаимодействием с потенциальным работодателем.

Большинство вынужденных мигрантов планируют трудоустроиваться согласно полученной ранее специальности и опыту трудовой деятельности. На момент проведения опроса 48,7% опрошенных были трудоустроены согласно имеющейся профессии, 22,4% — приняты на работу, хотя профессия и предыдущий трудовой опыт выбранной деятельности и не соответствуют, 10,1% — получили работу, не требующую опыта и образования (рис. 5). Стоит отметить, 9,4% респондентов из числа молодежи в возрасте от 18 до 24 лет к трудовой деятельности не приступали, но планируют это сделать после получения соответствующего образования; из них 6,4% — в профессиональной сфере, связанной с IT-технологиями.

Из числа опрошенных трудоустроено 50,6% женщин и 40% мужчин. Примечательно и то, что 38,1% женщин были приняты на работу в соответствии с опытом и образованием в разных отраслях и сферах региональной экономики — от медицины и образования, до сферы производства. Такой показатель трудоустроенности

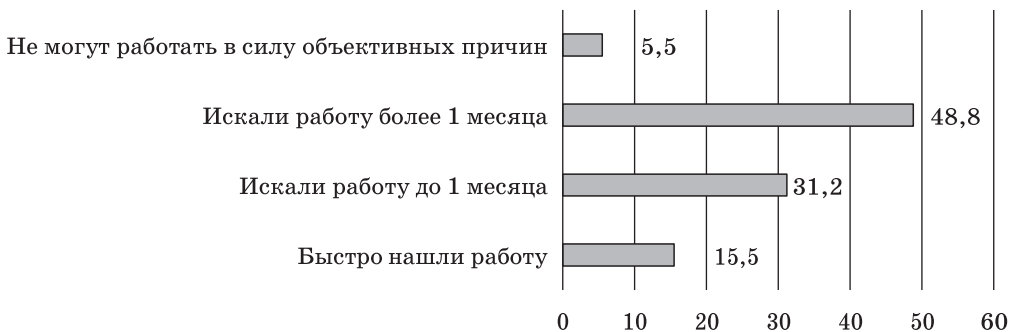

Рис. 4. Время, затраченное на поиск работы вынужденными мигрантами в Тюменской обл., %

Fig. 4. Time spent on job search by forced migrants in the Tyumen region, %

Источник: результаты проведенного автором исследования.

Рис. 5. Данные о трудоустройстве вынужденных мигрантов, согласно наличию опыта и образования, %

Fig. 5. Data on the employment of forced migrants, according to the availability of experience and education, %

Источник: результаты проведенного автором исследования.

женщин основывается на том, что они получают не только универсальные, но и востребованные российским и украинским рынком труда профессии, среди которых специальности: бухгалтер, экономист, учитель, медицинский работник, повар и портной и др. имеют наибольшее распространение. При этом более половины женщин имеют высшее профессиональное образование и гораздо активнее трудоустраиваются по сравнению с мужчинами.

Согласно опросу, 20,2% мужчин указали, что не смогли устроиться на работу согласно опыту и образованию, в результате им пришлось проходить обучение; 9,2% мужчин работают на должностях, не требующих образования или опыта, таких как водитель, официант, торговый представитель, уборщик, курьер, оператор колл-центра или грузчик. Было установлено: находясь в ожидании подходящей работы, вынужденные мигранты часто не в состоянии найти работу, соответствующую их квалификации или связанную с их профессией. Поэтому вынуждены соглашаться на предлагаемые им вакансии, невзирая на то, что их навыки и опыт не подходят для этой деятельности.

Стоит отметить и следующее: выбор основывался не только на фактах соответствия образования и опыта, удовлетворенности уровнем оплаты труда, хотя они и для мужчин, и для женщин являлись основополагающими. На рис. 6 представлено обобщение наиболее приоритетных положений, на которых базировался выбор вида занятости и места работы.

Украинские беженцы в России — это, как правило, люди моложе 60 лет; пенсионеров среди них незначительное число. В большинстве своем лица пенсионного возраста приехали в составе расширенных семей, при этом и мужчины, и женщины планируют трудоустраиваться на территории вселения. Из числа опрошенных 4% уже являются трудоустроенными и работают в основном в сфере обслуживания и охранных предприятиях. Стоит подчеркнуть: практически все они планируют возвращение домой после окончания военных действий.

Из числа опрошенных 57,1% намереваются остаться на территории Российской Федерации, уточнив, что они давно хотели иммигрировать в Россию, «но только сейчас представилась такая возможность» [14, с. 183]. Они назвали такие причины, как лучшие возможности трудоустройства, более высокая заработная плата и более стабильная политическая и экономическая среда. Некоторые также отметили теплое и дружелюбное отношение тюменцев и комфортные условия жизни в регионе. При

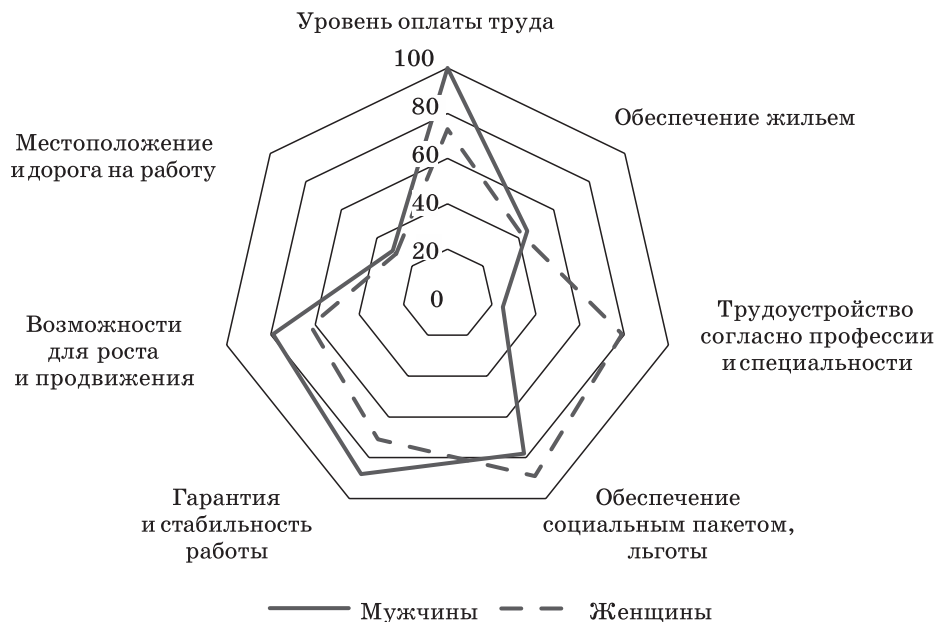

Рис. 6. Исходные положения, на которых основывался выбор вынужденными мигрантами вида занятости и места работы, %

Fig. 6. The initial provisions on which the choice of the type of employment and place of work by forced migrants was based, %

Источник: результаты проведенного автором исследования.

этом 35,7% опрошенных сказали, что не планируют оставаться на постоянное место жительства в стране, 8,1% воздержались от ответа.

На вопрос о дальнейших планах миграции респонденты ответили, что рассчитывают закрепиться на территории Тюменской области (59,7%), у 10,2% в планах переезд в другой регион России (из них в центральные регионы страны — 59,7%, южные регионы — 39,1%, воздержались от ответа — 1,2%). В 5,2% ответов отмечается, что на решение остаться на постоянное место жительства в Тюменской области повлияло получение жилищного сертификата, в 3,8% — получение высшего и среднего специального образования на бюджетной основе. В то же время после стабилизации ситуации 35,7% хотят вернуться домой и продолжить трудовую деятельность на прежнем месте жительства.

Резюмируя вышесказанное, можно подчеркнуть, что образ действий мигрантов, вынужденно покинувших места своего постоянного проживания, логично формирует три модели поведения — желание и направленность на встраивание в новый принявший их регион, стремление к возвращению на Родину, а также переезд в другую часть страны.

В этом контексте достаточно интересная точка зрения была высказана Т. А. Репиной. Ею выделяются три типа поведения вынужденных мигрантов [20], представленные в табл. 2.

Не стремясь подтвердить или опровергнуть теорию Т. А. Репиной, отметим, что вынужденные мигранты из ЛДНР, Запорожской, Херсонской областей и иных регионов Украины, все же склонны выбирать иную модель. В то же время существует и четкая обусловленность — от избранной модели напрямую зависит выбор стратегии занятости.

Типы поведения вынужденных мигрантов (автор Репина Т. А.)
 Table 2. Types of behavior of forced migrants (author Repina T. A.)

Типология	Краткая характеристика	Миграционные свойства
Первый тип	Основывается на намерении встроиться в культуру и жизнедеятельность принимающей стороны. Вынужденные мигранты готовы адаптироваться к новой среде и активно участвовать в общественно-экономической деятельности	Данный тип поведения часто наблюдается среди беженцев, вынужденно покинувших страны, охваченные войной, или по причине политических преследований
Второй тип	Характеризуется обособлением от культуры принимающей стороны, ее системы ценностей, а также институтов и механизмов социализации принимающего общества; ориентирован на сохранение собственной культурной идентичности и традиций, в связи с чем мигранты могут сопротивляться ассимиляции в принимающей культуре и вместо этого предпочитают создавать свои собственные сообщества	Часто наблюдается у мигрантов, прибывших из стран с сильными культурными традициями и ценностями
Третий тип	Характерно изначальное намерение влиться в принимающее сообщество и пользоваться всеми его правами и благами, но в последующем — отказаться от данного решения и не принимать систему ценностей общества, не разделять обязанности его членов и не признавать идеалы, принципы и нормы. Как результат — формирование анклавов мигрантов	«Миграционный поток формируется по типу катастрофического, в этом случае мигранты эвакуируются и скапливаются на сопредельных территориях, обычно это соседние территории этой же страны или соседние страны» [20, с. 250]

Источник: составлено автором по: [20].

Так, исследование показало, что лица, имеющие намерения закрепиться в Тюменской области, выбирают достаточно активную позицию в отношении выстраивания своей стратегии занятости (рис. 7). Они с большей активностью настроены на поиск более подходящей для них вакансии, наиболее расположены на общение с потенциальными работодателями. В то же время, степень активности зависит от возраста, уровня образования и опыта взаимодействия с работодателями; немалую роль играет и пол соискателя.

Лица в возрасте от 18 до 35 лет склоняются к выбору стратегии занятости, выстраиваемой на развитии (48%). В связи с тем, что они зачастую отдают приоритет возможностям роста и продвижения (26% женщин и 23% мужчин), они отдают предпочтение должностям, которые предлагают обучение (29% женщин и 20% мужчин), работу в команде (35% женщин и 29% мужчин), возможность участия в проектах (8% женщин и 24% мужчин) и сетевые возможности (2% женщин и 4% мужчин), а также тем, которые соответствуют их долгосрочным карьерным целям. Также замечено, что люди данной возрастной группы, имеющие семью и детей, как правило, отдают приоритет стратегиям занятости, основанным на стабильности (52%). Приоритет отдается предприятиям, которые предлагают гарантии за-

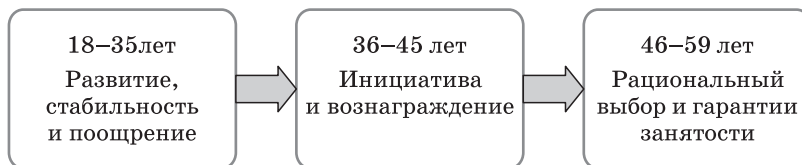

Рис. 7. Стратегии занятости вынужденных мигрантов, имеющих намерение остаться на постоянное место жительства в Тюменской области

Fig. 7. Employment strategies for forced migrants who intend to stay permanently in the Tyumen region

Источник: результаты проведенного автором исследования.

нятости (1-е место — 68% женщин и 59% мужчин), материальную помощь на лечение (3-е место — 25% женщин и 18% мужчин), пенсионные программы (4-е место — 3% женщин и 5% мужчин) и выплаты на компенсацию части процентов по ипотечному кредиту (2-е место — 4% женщин и 18% мужчин).

Лицами в возрасте от 36 до 45 лет — на инициативе и вознаграждении. На таком активном подходе к работе, где они могут взять на себя новые задачи и обязанности, и иметь возможность участвовать в принятии решений (47,7%). Большая часть респондентов все же склоняются к стратегии, которая подразумевает работу в режиме полной занятости. Они отдают предпочтение тем должностям, где их труд будет вознагражден более высокой заработной платой (56,3%).

Стоит отметить, что лица данных групп также стремятся получать дополнительное образование или обучение для повышения своих навыков и квалификации. При этом заинтересованность была высказана как мужчинами, так и женщинами (79,4% мужчин возрастной группы 18–35 лет и 65,1% возрастной группы 36–45 лет и 81,1% и 69,4% женщин соответственно).

Лицами в возрасте от 46 до 59 лет — на рациональном выборе. Вынужденные мигранты данной возрастной группы в формировании стратегии занятости обычно руководствуются практическими соображениями, такими как гарантия занятости (1-е место — 29,4% мужчин и 29,1% женщин), финансовая стабильность (2-е место — 29,4% мужчин и 30,2% женщин) и возможности, предоставляемые предприятиями (3-е место — 23,5% мужчин и 15,9% женщин). Они отдают предпочтение стабильности, а не риску, и чаще полагаются на свой прошлый опыт и навыки. В целом эта возрастная группа предпочитает расчетливый и прагматичный подход в формировании своей стратегии занятости. При этом они понимают, что возраст — это основная помеха в их трудоустройстве, в связи с этим, многие рассматривают возможность переподготовки (4-е место — 17,7% мужчин и 24,8% женщин), чтобы улучшить свои навыки. В целом, эта возрастная группа больше ориентирована на достижение долгосрочной финансовой стабильности и безопасности, чем на погоню за краткосрочной прибылью.

Из вышеперечисленного следует, для тех вынужденных мигрантов, кто планирует обосноваться в Тюменской области, стратегии занятости выстраиваются на проактивном подходе. В целом разные возрастные группы имеют различные приоритеты и подходы к формированию своих стратегий занятости с упором на долгосрочные трудовые цели и финансовую стабильность.

Респонденты же второй и третьей группы, имеющие стремление к возвращению на Родину и к миграции в другую часть страны, стратегию занятости выстраивают на желании «пересидеть» и/или заработать. Стоит отметить, что четких отличий в стратегии занятости ни по возрастным группам, ни по признаку пола, нами выявлено не было. Обобщение стратегий занятости данных двух групп мигрантов представлено в табл. 3.

Стратегии занятости вынужденных мигрантов второй и третьей группы
 Table 3. Employment strategies for forced migrants of the second and third groups

Тип стратегии	Основные проявления	Характеристика выбираемого рабочего места
Вынужденные мигранты второй группы — стремление к возвращению на Родину		
Стратегия пассивности	Отсутствует желание поиска возможностей для трудоустройства в соответствии навыкам и опыту. Характерно долгое ожидание предложений о работе. Они также не рассматривают возможность развития новых навыков или получения дополнительного образования и развития конкурентных преимуществ	Зачастую выбирают низкооплачиваемую работу просто для того, чтобы заработать достаточно денег, чтобы выжить
Стратегия экспансивности	Характерна такая степень активности, несдержанности и стремительности, которая позволяет сразу же переходить к действиям, не давая времени на обдумывание, оценку ситуации и возможных последствий. Данная стратегия всегда направлена на достижение достаточно краткосрочных целей; из-за отсутствия системы ценностей, цели легко изменяются	Направлены на поиск работы в местах, где можно как быстро реализовать себя как специалиста, так и быстро и максимально много заработать
Вынужденные мигранты третьей группы — к миграции на другую территорию страны		
Стратегия реэмиграции	Целью является заработок достаточного количества денег для улучшения своего социального и экономического положения	Часто занимают низкоквалифицированные рабочие места и готовы работать сверхурочно и соглашаться на низкую заработную плату

Источник: выделено автором самостоятельно.

Таким образом, приоритеты выбора стратегии занятости вынужденных мигрантов варьируются от человека к человеку. Но в конечном счете ключом к успешной занятости вынужденных мигрантов является доступ к ресурсам и возможностям, которые позволяют им перестроить свою жизнь и обрести чувство стабильности и принадлежности к своим новым сообществам.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, отметим, что вынужденная миграция населения, особенно беженцев, происходит по достаточно серьезным причинам. Военно-политическое противостояние и социально-экономические условия заставляют людей принимать трудное решение о переезде на новое место жительства в условиях влияния выталкивающих факторов. Этот сдвиг может привести к изменениям в индивидуальном сознании, так как «новые возможности и культурные ценности формируют иные способы и формы понимания жизненного уклада, происходят ради-

кальные структурные изменения самого характера жизни» [14, с. 184]. Хотя статус беженца может быть пугающим из-за страха перемен и потерь, но он и дает возможность принять и реализовать новый образ жизни.

Прием внутренних мигрантов и беженцев является сложной задачей и для страны, так как сопряжен со значительными рисками и расходами. С другой стороны, по оценке Всемирного банка, мигранты вносят значительный вклад в ВВП России, который походит на растущую кривую, колеблющуюся от 10% до 13,2% ВВП страны. На этот прирост ВВП также влияет труд мигрантов, который может способствовать до 4% роста экономики в зависимости от региона.

Помимо своего вклада в экономику, внутренние мигранты и беженцы также приносят в страну культурное разнообразие и инновации, трудовые навыки и опыт работы.

Вынужденные мигранты и беженцы, прибывшие в Тюменскую область в 2022 г., успешно интегрируются в местный социум и на рынок труда в том числе и благодаря применяемым в регионе методам поддержки. В целом реализуемые методы поддержки привели к достаточно успешному включению вынужденных мигрантов в трудовую деятельность. В то же время, анализ показал, что стратегии их занятости зависят как от возраста и пола, так и от целей миграции, изменений на местном рынке труда и ситуации на территории исхода.

Литература

1. Алиев О. Ф. О. Историко-правовой обзор проблем вынужденной миграции // Евразийская адвокатура. 2017. № 5 (30). С. 17–25.
2. Асмолов А. Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М., 2002.
3. Барышева Е. И. Психологические особенности эмоциональных переживаний беженцев из зоны боевых действий // Пензенский психологический вестник. 2016. № 1. С. 63–83. DOI: 10.17689/psy-2016.1.4.
4. Вакуленко Е. С. Моделирование миграции населения и рынков труда в России : резюме дис. ... д-ра экон. наук. М., 2020.
5. Васяйчева В. А., Слатов Д. Г. Рынок труда и трудовая миграция: учеб. пособие. Самара : Изд-во Самарского университета, 2018. 96 с.
6. Гайдук В. В., Сулейманов А. Р. Миграционные особенности современных этнических конфликтов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2014. № 1 (24). С. 110–119.
7. Громогласова Е. С. Вызовы вынужденной миграции через призму концепции и практики глобального управления // Политика и общество. 2017. № 11. С. 82–95. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.11.24126.
8. Гущина К. С. Трудовая миграция граждан Украины в Россию: социально-политические аспекты // Миграция и социально-экономическое развитие. 2019. Т. 4. № 2. С. 121–138. DOI: 10.18334/migration.4.2.41336.
9. Демидова О. Р. Эмиграция как проблема философии культуры // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2015. № 3. С. 74–81.
10. Дьякова Е. В., Гришина А. В. Трудовая и вынужденная миграция из Украины: социально-экономические последствия // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 11 (78). С. 10–12.
11. Евтушенко В. И. Классификация экологической миграции // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2. С. 145–150.
12. Звягина Д. А. Миграция населения: факторы, причины, последствия // Социально-гуманитарные проблемы современности: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 сентября 2017 г.: в 5 ч. / под общ. ред. Е. П. Ткачевой. Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2017. Ч. III. С. 95–97.
13. Катаева О. В., Озеров И. Н. Проблема вынужденной миграции в современном мире и административно-правовой статус беженцев в Российской Федерации // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2018. № 1. С. 84–89.
14. Колесник Е. А., Половинко В. С. Вынужденные мигранты в структуре рынка труда региона: стратегии и перспективы занятости // Вестник Югорского государственного университета. 2022. Т. 18. № 4. С. 174–186. DOI: 10.18822/byusu202204174-186.

15. *Комаровский В. В., Веденева В. Т.* Феномен трудовой миграции в изменяющемся мире. М. : ИМЭМО РАН, 2017. 140 с.
16. *Костыря Е. А.* Экология и миграция: проблемы правового регулирования // Экологическое право. 2006. № 2. С. 43–45.
17. *Кудаева М., Редозубов И.* Влияние миграционных потоков на экономическую активность и рынок труда России в целом и региональном аспекте. Серия докладов об экономических исследованиях, 2021.
18. *Куликова Е. Ю.* Свойства современной миграции как основа выбора образовательных и языковых ресурсов для мигрантов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2009. № 4. С. 5–10.
19. *Прокушева Н. В.* Определение статуса и понятий беженца и вынужденного переселенца // Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество. 2011. № 5. С. 253–259.
20. *Репина Т. А.* Современные виды вынужденной миграции и их влияние на жизнедеятельность принимающих обществ // Russian Economic Bulletin. 2020. Т. 3. № 6. С. 249–253.
21. *Соболева С. В., Чудаева О. В.* Иностранцы мигранты на российском рынке труда // Эко. 2003. № 1. С. 60–78.
22. *Тарасьев А. А.* Оценка и прогнозирование развития российского рынка труда в условиях динамики трудовой миграции: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2020. 261 с.
23. *Щеголева Н. А., Волков А. В.* О необходимости совершенствования понятия «беженец» в российском законодательстве // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2. С. 152–156.
24. *Ярмистый М. М.* Научные подходы к определению понятия «миграция» и «миграционная политика» // Гилея: научный вестник. 2015. № 94. С. 387–391.
25. *Ястребова А. Ю.* Защита вынужденных мигрантов в условиях вооруженных конфликтов: международно-правовые аспекты // Пути к миру и безопасности. 2019. № 1 (56). С. 74–82. DOI: 10.20542/2307-1494-2019-1-74-82
26. *Andrea Lauser, Antonie Fuhse, P. J. Bräunlein.* Moving Things (German/English companion volume to eponymous exhibition/ preview), July 2022. Publisher: Wallstein.
27. *Harris-Rimmer S. G.* Refugees, Internally Displaced Persons and the Responsibility to Protect Doctrine. ANU College of Law Research Paper, 2009. N 09–36.
28. *Haynes D. F.* Refugees, Migrants and State Responsibility. Conference: Boston Bar Association International Law Section «Human Rights and Immigration Law Project», 2015.
29. *Jeremy Hein, Tarique Niazi.* Forced Migration: Global Trends and Explanations: Selected Topics in Migration Studies. 2023. P. 269-274. DOI: 10.1007/978-3-031-19631-7_47.
30. *Khan I.* Refugees, internally displaced persons and migrants: Europe as a source and sanctuary. Refugee Survey Quarterly, 2001. N 20 (2). P. 32–39. DOI: 10.1093/rsq/20.2.32.
31. *Kohlenberger J., Pędziwiatr K., Rengs B., Riederer B. et al.* What the self-selection of Ukrainian refugees means for support in host countries. 2022.
32. *Pędziwiatr K., Brzozowski J., Nahorniuk O.* Refugees from Ukraine in Kraków. Centre for Advanced Studies of Population and Religion Cracow University of Economics. 2022. DOI: 10.13140/RG.2.2.28417.53600.
33. *Makogon B. V., Markhgeym M. V., Minasyan A. A., Novikova A. E., Yarychev N. U.* Logical classification of legal procedural restrictions // Revista Inclusiones. 2019. Т. 6. № 2–5. С. 395-401.
34. *Nel Ph.* Introduction: Migration, Refugees, and Diaspora in Children’s Literature // Children’s Literature Association Quarterly. 2018. P. 357–362.
35. *OJO, S. Stephen.* Challenges of internally displaced persons // Human Security, 2017. DOI: 10.13140/RG.2.2.36155.92960.
36. *Sarjana I Gede Eka.* Climate Change and Human Migration: Towards More Humane Interpretation of Refugee // Udayana Journal of Law and Culture. 2018. N 2. P. 220–248. DOI: 110.24843/UJLC.2018.v02.i02.p05.
37. *Simon Quinn and Isabel Ruiz.* Forced migration: evidence and policy challenges // Oxford Review of Economic Policy. 2022. Vol. 38. N 3. P. 403–413.
38. *Slapczynski T.* Refugees, migrants and stateless persons in international law // ASEJ Scientific Journal of Bielsko-Biala School of Finance and Law, 2018; 22(2):45–50 DOI:10.5604/01.3001.0012.4824.

Об авторе:

Колесник Елена Андреевна, доцент Тюменского индустриального университета (г. Тюмень, Российская Федерация), докторант Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, кандидат экономических наук, доцент; eakolesnik-10@mail.ru

References

1. Aliyev O.F.O. Historical and legal review of the problems of forced migration // Eurasian Advocacy [Evraziiskaya advokatura]. 2017. N 5 (30). P. 17–25 (in Rus).
2. Asmolov A.G. Personality psychology: principles of general psychological analysis. M., 2002 (in Rus).
3. Barysheva E.I. Psychological features of emotional experiences of refugees from the war zone // Penza psychological Bulletin [Penzenskii psikhologicheskii vestnik]. 2016. N 1. P. 63–83. DOI: 10.17689/psy-2016.1.4 (in Rus).
4. Vakulenko E.S. Modeling of population migration and labor markets in Russia. Summary of the dissertation for the degree of Doctor of Economics. M., 2020 (in Rus).
5. Vasyaicheva V.A., Slatov D.G. Labor market and labor migration: studies. stipend. Samara: Publishing House of Samara University. 2018. 96 p. (in Rus).
6. Gaiduk V.V., Suleymanov A.R. Migration features of modern ethnic conflicts // Issues of national and federal relations [Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnoshenii]. 2014. Is. 1 (24). P. 110–119 (in Rus).
7. Gromoglasova E.S. Challenges of forced migration through the prism of the concept and practice of global governance // Politics and Society [Politika i obshchestvo]. 2017. N 11. P. 82–95. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.11.24126 (in Rus).
8. Gushchina K.S. Labor migration of citizens of Ukraine to Russia: socio-political aspects // Migration and socio-economic development [Migratsiya i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie]. 2019. Vol. 4. N 2. P. 121–138. DOI: 10.18334/migration.4.2.41336 (in Rus).
9. Demidova O.R. Emigration as a problem of philosophy of culture // Bulletin of LSU named after A.S. Pushkin [Vestnik LGU im. A.S. Pushkina]. 2015. N 3. P. 74–81 (in Rus).
10. Dyakova E.V., Grishina A.V. Labor and forced migration from Ukraine: socio-economic consequences // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management [Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie]. 2016. N 11 (78). P. 10–12 (in Rus).
11. Yevtushenko V.I. Classification of ecological migration// Actual problems of Russian law [Aktual'nye problemy rossiiskogo prava]. 2009. N 2. P. 145–150 (in Rus).
12. Zvyagina D.A. Population migration: factors, causes, consequences // Socio-humanitarian problems of our time: a collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference on September 30, 2017: at 5 o'clock / gen. ed. E.P. Tkacheva. Belgorod : Agency for Advanced Scientific Research (APNI) LLC, 2017. Part III. P. 95–97 (in Rus).
13. Kataeva O.V., Ozerov I.N. The problem of forced migration in the modern world and the administrative and legal status of refugees in the Russian Federation // Bulletin of the VSU. Ser.: Law [Vestnik VGU. Seriya: Pravo]. 2018. N 1. P. 84–89 (in Rus).
14. Kolesnik E.A., Polovinko V.S. Forced migrants in the structure of the labor market of the region: strategies and employment prospects // Bulletin of the Ugra State University [Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2022. Vol. 18. N 4. P. 174–186. DOI: 10.18822/byusu202204174-186 (in Rus).
15. Komarovskiy V.V., Vedeneeva V.T. The phenomenon of labor migration in a changing world. M. : IMEMO RAS. 2017. 140 p. (in Rus).
16. Kostyrya E.A. Ecology and migration: problems of legal regulation // Environmental Law [Ekologicheskoe pravo]. 2006. N 2. P. 43–45 (in Rus).
17. Kudaeva M., Redozubov I. The impact of migration flows on economic activity and the labor market of Russia in general and in the regional aspect. A series of reports on economic research. 2021 (in Rus).
18. Kulikova E.Y. Properties of modern migration as a basis for choosing educational and language resources for migrants // Polylinguality and transcultural practices [Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki]. 2009. N 4. P. 5–10 (in Rus).
19. Prokusheva N.V. Definition of the status and concepts of a refugee and an internally displaced person // Bulletin of BSU. Education. Personality. Society [Vestnik BGU. Obrazovanie. Lichnost'. Obshchestvo]. 2011. N 5. P. 253–259 (in Rus).
20. Repina T.A. Modern types of forced migration and their impact on the life of host societies // Russian Economic Bulletin [Russian Economic Bulletin]. 2020. Vol. 3. N 6. P. 249–253 (in Rus).
21. Soboleva S.V., Chudaeva O.V. Foreign migrants on the Russian labor market // Eco. 2003. N 1. P. 60–78 (in Rus).

22. Tarasyev A. A. Assessment and forecasting of the development of the Russian labor market in the conditions of labor migration dynamics: abstract of the dissertation of the Candidate of Economic Sciences. Yekaterinburg, 2020. 261 p. (in Rus).
23. Shchegoleva N. A., Volkov A. V. On the need to improve the concept of «Refugee» in Russian legislation // Central Russian Bulletin of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]. 2015. N 2. P. 152–156 (in Rus).
24. Yarmisty M. M. Scientific approaches to the definition of the concept of «migration» and «migration policy» // Gilea [Gileya: nauchnyi vestnik]. 2015. N 94. P. 387–391 (in Rus).
25. Yastrebova A. Yu. Protection of forced migrants in armed conflicts: international legal aspects // Pathways to Peace and Security [Puti k miru i bezopasnosti]. 2019. N 1 (56). P. 74–82. DOI: 10.20542/2307-1494-2019-1-74-82 (in Rus).
26. Andrea Lauser, Antonie Fuhse, P. J. Bräunlein. Moving Things (German/English companion volume to eponymous exhibition/ preview), July 2022. Publisher: Wallstein.
27. Harris-Rimmer S. G. Refugees, Internally Displaced Persons and the Responsibility to Protect Doctrine. ANU College of Law Research Paper, 2009. N 09–36.
28. Haynes D. F. Refugees, Migrants and State Responsibility. Conference: Boston Bar Association International Law Section «Human Rights and Immigration Law Project», 2015.
29. Jeremy Hein, Tarique Niazi. Forced Migration: Global Trends and Explanations: Selected Topics in Migration Studies. 2023. P. 269–274. DOI: 10.1007/978-3-031-19631-7_47.
30. Khan I. Refugees, internally displaced persons and migrants: Europe as a source and sanctuary. Refugee Survey Quarterly, 2001. N 20 (2). P. 32–39. DOI: 10.1093/rsq/20.2.32.
31. Kohlenberger J., Pędziwiatr K., Rengs B., Riederer B. et al. What the self-selection of Ukrainian refugees means for support in host countries. 2022.
32. Pędziwiatr K., Brzozowski J., Nahorniuk O. Refugees from Ukraine in Kraków. Centre for Advanced Studies of Population and Religion Cracow University of Economics. 2022. DOI: 10.13140/RG.2.2.28417.53600.
33. Makogon B. V., Markhgeym M. V., Minasyan A. A., Novikova A. E., Yarychev N. U. Logical classification of legal procedural restrictions // Revista Inclusiones. 2019. Vol. 6. N 2-5. P. 395–401.
34. Nel Ph. Introduction: Migration, Refugees, and Diaspora in Children's Literature // Children's Literature Association Quarterly. 2018. P. 357–362.
35. OJO, S. Stephen. Challenges of internally displaced persons // Human Security, 2017. DOI: 10.13140/RG.2.2.36155.92960.
36. Sarjana I Gede Eka. Climate Change and Human Migration: Towards More Humane Interpretation of Refugee // Udayana Journal of Law and Culture. 2018. N 2. P. 220–248. DOI: 110.24843/UJLC.2018.v02.i02.p05.
37. Simon Quinn and Isabel Ruiz. Forced migration: evidence and policy challenges // Oxford Review of Economic Policy. 2022. Vol. 38. N 3. P. 403–413.
38. Slapczynski T. Refugees, migrants and stateless persons in international law // ASEJ Scientific Journal of Bielsko-Biala School of Finance and Law, 2018; 22(2):45-50 DOI:10.5604/01.3001.0012.4824.

About the author:

Elena A. Kolesnik, Associate Professor of Industrial University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation), Doctoral student of Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, PhD in Economics; eakolesnik-10@mail.ru

От SPOD к BANI: цифровая трансформация бизнес-модели организации сферы недвижимости

Нига́й Е. А. *, Наумченко А. А.

Владивостокский государственный университет, Владивосток, Российская Федерация; *jenia_nigay@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цифровая трансформация на сегодняшний день — объективная реальность и жизненная необходимость для организаций всех сфер деятельности. Она может быть результатом вынужденных обстоятельств внешних условий (пандемия), а также намеренным решением стратегического развития, заданного руководством компании. И в том, и в другом случае процесс цифровой трансформации бизнеса обеспечивает кратное повышение показателей скорости, качества, эффективности бизнес-процессов. Для сферы недвижимости данные тренды не являются исключением.

Объектом исследования в статье является управленческое бизнес-моделирование деятельности организаций сферы недвижимости. Предметом исследования — процесс цифровой трансформации бизнес-модели организации сферы недвижимости.

Цель статьи заключается в обосновании цифровой бизнес-модели организации сферы недвижимости на основе экосистемного подхода в условиях BANI-мира.

В статье обосновывается концептуальный процесс трансформации бизнес-моделей организаций сферы недвижимости, на основе эволюционного перехода от SPOD к VUCA и BANI-концепции предпринимательской действительности. Каждый из представленных «миров» характеризуется различиями управленческих метрик и разным уровнем присутствия технологий в деятельности организаций. Вынужденное погружение бизнеса в предпринимательский BANI-мир ускорило процессы цифровой трансформации. Динамичное развитие и повсеместное присутствие цифровых технологий требует соответствующей адаптации бизнес-моделей и управленческих подходов. Для условий BANI-мира наиболее актуальным является экосистемный подход, объединяющий в себе комплексные подходы и платформенные решения.

Ключевые слова: цифровая трансформация, SPOD-VUCA-BANI концепция, аналоговая бизнес-модель, переходная бизнес-модель, цифровая бизнес-модель

Для цитирования: Нига́й Е. А., Наумченко А. А. От SPOD к BANI: цифровая трансформация бизнес-модели организации сферы недвижимости // Управленческое консультирование. 2023. № 5. С. 63–75.

From SPOD to BANI: Digital Transformation of the Real Estate Organization Business Model

Evgeniya A. Nigay*, Andrey A. Naumchenko

Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation; *jenia_nigay@mail.ru

ABSTRACT

Digital transformation today is an objective reality and a vital need for organizations in all fields of activity. It can be the result of forced circumstances of external conditions (pandemic), as well as an intentional decision of the strategic development set by the company's management. In both cases, the digital business transformation process provides a multiple increase in the speed, quality, and efficiency of business processes. For real estate, these trends are no exception.

The object of research in the article is management business modeling of the activities of real estate organizations. The subject of research is the process of digital transformation of the business model of real estate organization.

The purpose of the article is to substantiate the digital business model of real estate organization based on the ecosystem approach in the BANI world.

The article justifies the conceptual process of transforming the business models of real estate organizations, based on the evolutionary transition from SPOD to VUCA and the BANI concept of entrepreneurial reality. Each of the presented “worlds” is characterized by differences in management metrics and a different level of technology presence in the activities of organizations. The forced immersion of business in the entrepreneurial BANI world accelerated the processes of digital transformation. The dynamic development and ubiquitous presence of digital technologies requires appropriate adaptation of business models and management approaches. For the conditions of the BANI world, the most relevant is the ecosystem approach, combining complex approaches and platform solutions.

Key words: digital transformation, SPOD-VUCA-BANI concept, analog business model, transitional business model, digital business model

For citing: Nigay E. A., Naumchenko A. A. From SPOD to BANI: digital transformation of the real estate organization business model // Administrative Consulting. 2023. N 5. P. 63–75.

Введение

Цифровая трансформация бизнеса на сегодняшний день является объективной необходимостью, решение о реализации которой принимается менеджментом компаний, как вынужденно, вследствие агрессивных условий внешней среды, так и намеренно, в результате естественных процессов развития общества и технологий.

Основными предпосылками цифровой трансформации деятельности организаций в России стали: расширение физической инфраструктуры доступа к интернет; подъем электронной коммерции; всестороннее проникновение сквозных цифровых технологий в рутинные повседневные процессы на производстве и в жизни пользователей; снижение стоимости внедрения технологий и вычислительных мощностей; развитие общенациональной электронной инфраструктуры [5]. Факторы пандемийных и постпандемийных условий рынка также способствовали стремительному ускорению проникновения цифровых технологий [15].

Ожидаемым результатом цифровой трансформации бизнеса является прогрессивное совершенствование производственных процессов и качества продукции, рост производительности труда, развитие кооперации и совместной работы, повышение точности прогнозируемых производственных и рыночных показателей [7].

Термин «цифровая трансформация» обсуждается не одно десятилетие в исследованиях широкого круга авторов, однако общепризнанное и универсальное определение, отражающее его сущность и содержание, так и не сформулировано. В многочисленных исследованиях и разработках ведущих международных организаций представлены различные подходы к трактовке термина «цифровая трансформация».

Так, World Bank Group определил цифровую трансформацию как «проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но в принципиальном изменении структуры экономики, в переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов»¹.

В отчете OECD (Organisation for Economic Co-operation and Development) цифровая трансформация представляет собой использование данных и цифровых

¹ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282472/ (дата обращения: 01.12.2022).

технологий для создания новых или изменения существующих видов деятельности¹.

По данным ITU (International Telecommunication Union) цифровая трансформация — это непрерывный процесс мультимодального внедрения цифровых технологий, которые коренным образом меняют процессы создания, планирования, проектирования, развертывания и эксплуатации сервисов государственного и частного сектора, делая их персонализированными, безбумажными, безналичными, устраняя требования физического присутствия, на основе консенсуса сторон².

Исследовательским агентством AWS (Amazon Web Services) сформулировано следующее определение цифровой трансформации. Это процесс, который организация применяет для внедрения цифровых технологий во все сферы бизнеса, коренным образом меняя способы предоставления ценности для клиентов. Компании внедряют инновационные цифровые технологии для осуществления культурных и операционных изменений, которые позволяют лучше адаптироваться к меняющимся требованиям клиентов³.

Консалтинговой организацией DT Consulting цифровая трансформация определена как *массовое внедрение в бизнес-процесс цифровых технологий, в результате которого значительно повышается эффективность производства, сокращаются затраты, выпускаемый продукт становится «умным», коммуникация с клиентом — максимально быстрой и индивидуальной. Главными активами компании становятся не станки и кирпичи, а данные и люди, способные этими данными эффективно управлять*⁴.

На основе обзора приведенных подходов видно, что цифровая трансформация очень многогранное понятие, которое может трактоваться крайне разнообразно и обширно. Обобщая изученные подходы к трактовке цифровизации, можно выделить укрупненные категории исследования данного явления.

1. В зависимости от масштаба реализации цифровую трансформацию можно рассматривать:
 - цифровая трансформация на уровне национальной экономики;
 - цифровая трансформация на уровне отрасли;
 - цифровая трансформация на уровне отдельной организации.
2. В зависимости от научного подхода к изучению цифровой трансформации как явления:
 - цифровая трансформация как управленческая концепция, ориентированная на формирование качественно нового уровня взаимодействия организации с внешней средой на основе цифровых технологий, искусственного интеллекта, больших данных, интернета вещей др. и, соответственно, повышение ценности бизнеса;
 - цифровая трансформация как стратегический инструмент управления представляет собой набор прогрессивных подходов, методов, технологий, обеспечивающих переход к новому «цифровому» управлению бизнесом;

¹ Поддержка цифровой трансформации бизнеса в странах Восточного партнерства вследствие пандемии COVID-19 [Электронный ресурс]. Global Relations Eurasia Competitiveness Programme. URL: https://www.oecd.org/eurasia/competitiveness-programme/WebBeyond%20COVID-19%20Advancing_digital_business.pdf (дата обращения: 30.11.2022).

² Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты [Электронный ресурс]. Доклад НИУ ВШЭ URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/463148459.pdf> (дата обращения: 30.11.2022).

³ Что такое цифровая трансформация? [Электронный ресурс]. Amazon Web Services (AWS) URL: <https://aws.amazon.com/ru/what-is/digital-transformation/> (дата обращения: 01.12.2022).

⁴ Цифровая трансформация [Электронный ресурс]. Агентство цифровой трансформации DT Consulting URL: <https://www.dtconsulting.ru/digitaltransformation> (дата обращения: 02.12.2022).

- цифровая трансформация как направление развития определяется в качестве стратегического ориентира достижения целей на основе инновационного цифрового бизнес-управления.
3. В зависимости от объекта воздействия:
- цифровая трансформация в отношении процессов направлена на совершенствование бизнес-процессов за счет внедрения цифровых технологий. Преобразование осуществляется на основе использования технологий мобильного интернета, датчиков, облачных инструментов и приложений, больших данных, искусственного интеллекта, роботов и др.;
 - цифровая трансформация в отношении продуктов предполагает совершенствование продуктов, как с точки зрения расширения их функциональности, так и с точки зрения сокращения затрат. Например, технологии 3D печати, дополненной и виртуальной реальности, технологии и продукты на основе геолокации, мобильные гаджеты и т. п.;
 - цифровая трансформация в отношении человека затрагивает аспекты социального взаимодействия — социальные сети и платформы, краудсорсинг, краудфандинг, форумы и блоги, цифровые коллаборации и др.
4. В зависимости от уровня использования технологий:
- автоматизация;
 - цифровизация;
 - цифровая трансформация.

Проблема размытости данного термина усугубляется также высокой динамичностью характеризваемого поля исследования, где новые технологии и подходы стремительно сменяют друг друга, их развитие крайне сложно подвергается прогнозированию, а значит затруднительно сформулировать устойчивое содержательное определение процесса цифровой трансформации. Указанные процессы характерны для категории предпринимательского BANI-мира, в который вступило современное общество. Необходимо отметить, концепция «SPOD-VUCA-BANI» представляет собой классификационный подход к эволюции предпринимательских «миров», сопоставимых со сменой от аналоговой к переходной и цифровой экономике [2].

С учетом вышесказанного авторами статьи предложено рассматривать цифровую трансформацию применительно к вопросам бизнес-моделирования и трактовать этот термин как процесс поэтапного перехода экономических систем на новый технологический уровень реализации решений в следующей последовательности: аналоговая бизнес-модель — переходная бизнес-модель — цифровая бизнес-модель с соответствующим сопоставлением с концепциями предпринимательских миров SPOD, VUCA и BANI [17].

Методология исследования

Целью исследования в статье является обоснование цифровой бизнес-модели организации сферы недвижимости на основе экосистемного подхода в условиях BANI-мира. Задачи исследования: формулирование авторской интерпретации термина «цифровая трансформация», обзор эволюционных характеристик и метрик бизнес-моделей в условиях аналоговой, переходной и цифровой экономики, определение специфики бизнес-моделирования организаций сферы недвижимости в условиях концепции SPOD-VUCA-BANI-мира.

Теоретико-методологическую базу исследования составили основополагающие аспекты цифровизации и бизнес-моделирования, основы развития и функционирования бизнес-структур в условиях изменчивой предпринимательской реальности.

В качестве методов и инструментария исследования использованы элементы бизнес-моделирования, причинно-следственного анализа, базирующиеся на комплексном подходе к исследованию процессов цифровой трансформации.

Результаты и обсуждение

Современная предпринимательская среда от производства и ритейла до сервисной сферы находится на пути перехода от аналоговой экономики к цифровой. Соответствующие тенденции смены управленческих приоритетов характерны и для бизнес-моделей, используемых организациями. Динамику перехода можно наблюдать в табл. [11].

Автоматизация управленческих процессов и цепочки создания ценности берет свое начало с 1950-х годов, когда MRP и CRP системы занимали главенствующую позицию: система MRP (Material Requirement Planning) — планирование потребностей в материалах в сочетании с CRP системами (Capacity Requirements Planning), обеспечивающие планирование производственных мощностей. Информационная система CRP может входить в состав крупных MRP платформ. Главная цель CRP системы — проверить возможность выполнения планов по заданному графику работ и выяснить как распределить нагрузку и имеющиеся производственные ресурсы [20].

С 1970 по 1985 г. эти системы использовались как в сочетании, так и разрозненно. Однако с новым этапом технического прогресса и новыми бизнес-идеями возникла потребность совершенствования MRP систем.

Таблица

Динамика перехода организаций от аналоговых бизнес-моделей к цифровым

Table. Dynamics of the transition of organizations from analog business models to digital ones

Категории бизнес-моделей	Бизнес-модели для офлайн среды (аналоговые)		Зарождение бизнес-моделей для онлайн среды (переходные)		Прогресс бизнес-моделей для онлайн среды (переходные)	Бизнес-модели для онлайн среды (цифровые)
	CRP, MRP	CRP+, MRP+	MRP II	MRP II, ERP, появление CRM, SCM, HRM, BPM	ERP, CRM, PLM, SCM, HRM, BPM, появление CMS	ERP, CMS Платформы на основе ЦТ и ИИ
Годы	1950–1970	1970–1985	1980–2000	1990–2010	2000–2015	2015–н.в.
Среда осуществления деятельности	Офлайн		Появление онлайн, офлайн		Онлайн, офлайн	Сокращение офлайна, онлайн

Источник: [11].

В 1975 г. Оливер Вейт (Oliver Wight) и Дродж Плоссл (George Plossl) усовершенствовали стандарт MRP, определив его дальнейшее развитие в MRP II. Основное отличие заключалось в том, что теперь планирование происходило не только с учетом ограничений по запасам и производственным мощностям, но и по финансам. Активное использование началось с 1983 г. Но работала данная концепция недолго. Уже в 1990 г. была предложена концепция ERP (Enterprise Resource Planning), в которой позже были выделены CRM системы (Customer Relationship Management) для внешних взаимодействий и PLM (Product Lifecycle Management) для внутренних циклов.

Со временем было определено, что на благополучие предприятий действует не только наличие финансов и материалов, но и других составляющих факторов — информации, инфраструктуры и др. Возникла необходимость комплексного и системного управления стратегией компании, в которой учитывается управление финансами, активами, трудовыми кадрами и взаимодействиями с партнерами и бизнес-структурами. Технические возможности данного этапа развития общества позволили ресурсно обеспечить эту потребность. Стало проще планировать, появилась возможность сократить запасы на складах и минимизировать отходы [4].

С распространением современных технологий и интернета начал набирать обороты онлайн-бизнес. Появились CRM-системы как эффективный способ управления взаимоотношениями с клиентами и оптимизации бизнес-процессов, организации работы с лидами, отслеживания действий клиентов и автоматизации коммуникаций.

С ростом и развитием онлайн-бизнеса появляются и новые системы, которые помогают улучшить работоспособность предприятия и избежать ошибок прошлого опыта. К ним относятся: SCM (Supply Chain Management) — управление логистическими цепочками; HRM (Human Resource Management) — система работы с персоналом предприятия; BPM (Business Process Management) — управление бизнес-процессами [10].

В связи с перманентным совершенствованием технологий и новых изобретений зарождается система CMS (Content Management System) — система управления контентом. Это цифровая система, используемая для обеспечения и организации совместного процесса создания, редактирования и управления контентом [1].

Цифровая трансформация бизнеса стала одной из ключевых стратегических задач и неотъемлемой частью эволюции практически всех направлений бизнеса [18]. Однако не всем компаниям удалось быстро реализовать этот тренд и работать по новым стандартам. В такую категорию входит сфера недвижимости [21]. Риелторские агентства развиваются достаточно медленно. Безусловно, программные решения и автоматизированные бизнес-процессы уже внедряются и тестируются во многих фирмах, однако больший спрос это имеет в западной и центральной части России [22].

В отдаленных от центральной части страны городах оцифровка бизнес-процессов происходит спустя некоторое время и не сразу находит отклик как у работника, так и у клиента. Такое запаздывание не в полной мере соответствует требованиям и динамике внешних условий, сформированных новым BANI-миром, в который вступило современное общество [14].

По данным о показателях цифровизации бизнеса в Приморском крае (рис. 1) в целом по предприятиям наблюдается тенденция роста (в среднем около 3% в год). Показатели роста невысокие. Для сферы недвижимости эти показатели снижаются в среднем на 4,2%. Такая динамика свидетельствует о запаздывании данной сферы деятельности на фоне общей тенденции по краю.

Концепция SPOD-VUCA-BANI представляет эволюцию предпринимательского мира, сопоставимую со сменой приоритетных бизнес-моделей от аналоговых к переходным и цифровым [13].

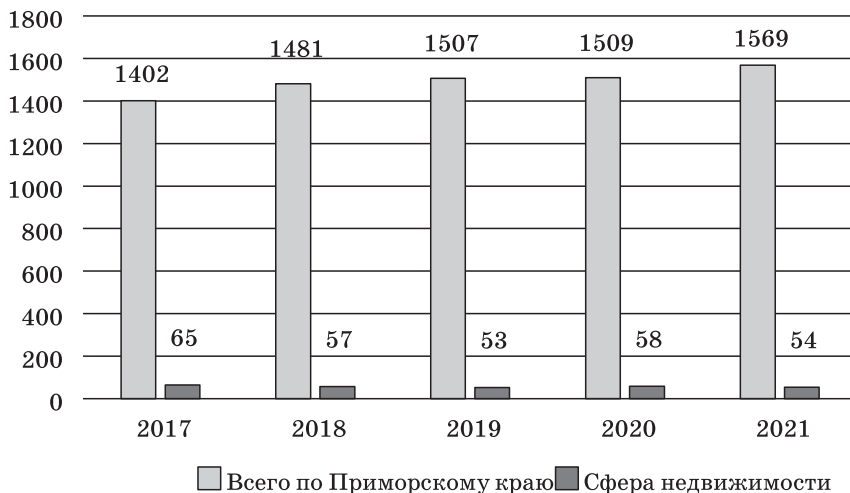

Рис. 1. Показатели цифровизации предприятий Приморского края
 Fig. 1. Digitalization indicators of enterprises of the Primorsky Territory

Источник: информационные и коммуникационные технологии [Электронный ресурс]. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю. URL: <https://primstat.gks.ru/folder/29087> (дата обращения: 02.12.2022).

Рассмотрим эволюцию цифровой трансформации бизнес-моделей организаций сферы недвижимости на примере SPOD-VUCA-BANI-миров с помощью «Бизнес-канвы» Александра Остервальдера и Ива Пинье.

SPOD (steady, predictable, ordinary, definite) — это устойчивый, предсказуемый, простой и определенный мир, в котором функционируют аналоговые бизнес-модели.

Аналоговая бизнес-модель агентств недвижимости SPOD-мира (рис. 2) характеризуется следующими чертами: отсутствие автоматизации бизнес-процессов; отсутствие цифровых технологий; работа строится на живом общении с большим количеством задействованных лиц, выполняющих задачи.

Мир VUCA (volatility, uncertainty, complexity, ambiguity) стал результатом четвертой промышленной революции, обозначившей необходимость формирования нового подхода к управлению и бизнес-моделированию в связи с резким развитием технологий и стремительным расширением информационного поля. Переходная бизнес-модель агентств недвижимости VUCA-мира представлена на рис. 3.

Главным нововведением бизнес-модели становится система управления отношениями с клиентами CRM (Customer Relationship Management). Этот этап называют «точной цифровизацией», где цифровые инструменты применяются на базовом уровне, точно, эпизодически.

Особенности данной модели: автоматизация бизнес-процессов; точечная цифровизация бизнес-процессов; внедрение CRM и ERP систем.

С 2020 г. наступил BANI-мир (brittle, anxious, nonlinear, incomprehensible), который имеет схожие черты с VUCA, когда анализируемые факты также невозможно предвидеть в долгосрочной перспективе, но в данном случае обстоятельства не просто нестабильны, а хаотичны.

Современный бизнес работает в условиях повышенной неопределенности и изменчивости среды [23]. В связи с этим необходимо менять подход к управлению на основе использования цифровых инструментов, которые позволяют автоматизировать внутренние процессы и согласовать их с внешней средой без серьезных

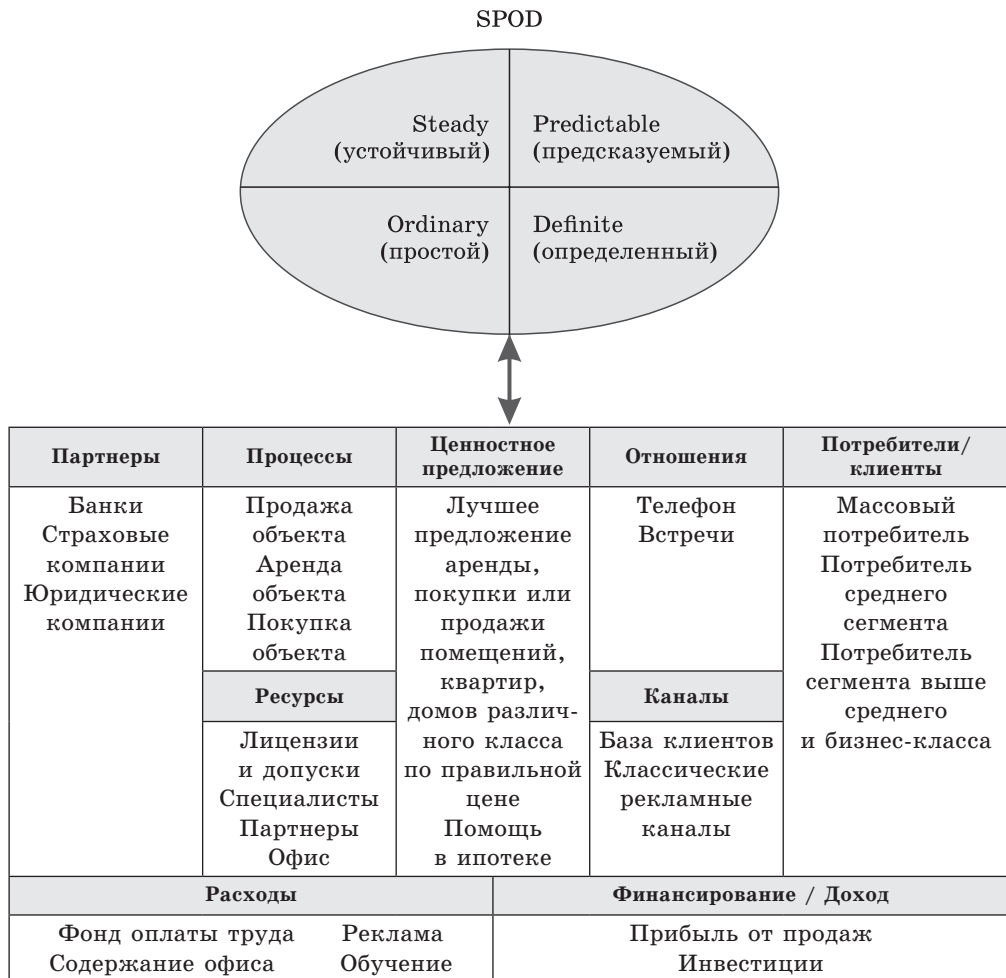

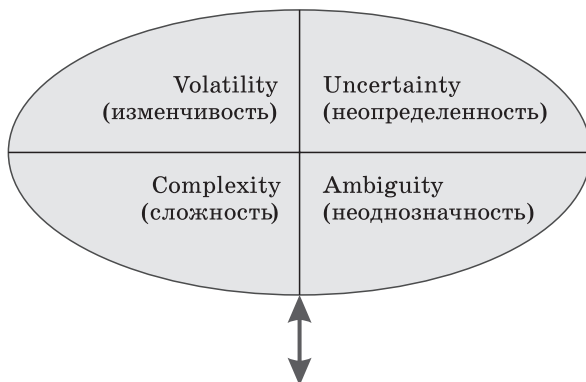
Рис. 2. Аналоговая бизнес-модель агентства недвижимости (разработано авторами)
 Fig. 2. Analogue real estate agency business model (developed by the authors)

трудовых и временных растрат. В условиях VANI-мира для бизнеса это очень важно. Специфика бизнес-модели, характерной для условий VANI-мира, основана на формировании горизонтальной и вертикальной цифровой экосистемы (рис. 4).

Применительно к деятельности агентств недвижимости предложена цифровая экосистема, которая выведет на новый уровень агентства на основе цифровых платформ, объединяющей комплексный пакет услуг и предоставляемых в рамках одной цифровой площадки на основе партнерства.

Вертикальная экосистема достаточно развита повсеместно распространенными услугами среди подобных агентств, но если такие экосистемы сфокусированы на решении конкретной задачи, то горизонтальные стремятся закрыть целую группу [6]. Так, например, каждая сделка вертикальной экосистемы предлагает дополнительные возможности за счет свободной интеграции сторонних партнеров. Развитие экосистемы происходит не с использованием новых механик достижения поставленной потребителем цели, а с расширением смежных сфер и услуг [19].

VUCA

Партнеры	Процессы	Ценностное предложение	Отношения	Потребители/клиенты
Банки Страховые компании Юридические компании	Продажа объекта Аренда объекта Покупка объекта	Лучшее предложение аренды, покупки или продажи помещений, квартир, домов различного класса по правильной цене Помощь в ипотеке	CRM-системы Встречи	Массовый потребитель Потребитель среднего сегмента Потребитель сегмента выше среднего и бизнес-класса
	Ресурсы Лицензии и допуски Специалисты Партнеры Современные технологии Офис		Каналы CRM-системы	
Расходы		Финансирование / Доход		
Фонд оплаты труда CRM-системы Реклама Содержание офиса Обучение		Прибыль от продаж Инвестиции		

Рис. 3. Переходная бизнес-модель агентства недвижимости (разработано авторами)
 Fig. 3. Real Estate Agency Transition Business Model (developed by the authors)

Задача — сформировать единую цифровую платформу (на основе принципа уберизации), куда будут входить партнерские услуги юридических, страховых, клининговых и строительных компаний, а также банков [8]. Клиентский сервис в рамках данной платформы осуществляется по системе подключения пакетов в личном кабинете, где агентство становится связующим звеном между партнерской фирмой и клиентом [16].

Исходя из предложенных примеров последовательной трансформации организаций сферы недвижимости, установлены общие критерии эффективности [12]:

- *временной*: повышение скорости взаимодействия участников бизнеса; экономия времени на сборе документов от партнеров и предоставлении их в агентство;

Рис. 4. Предложенная горизонтальная и вертикальная цифровая экосистема агентства недвижимости BANI-мира (разработано авторами)
 Fig. 4. Proposed horizontal and vertical digital ecosystem of the real estate agency BANI-world (developed by the authors)

- *финансовый*: экономия затрат; возможность заключения дополнительных сделок за счет партнерских связей; дополнительный доход от предоставления «пакета» услуг партнерских организаций.
- *пространственный*: отсутствие «привязки» к офису; все интересующие вопросы и подготовка документов осуществляются в одной организации [3; 9].

Заключение

Проведенное исследование обосновывает необходимость адаптации бизнеса к условиям стремительно изменяющейся реальности на основе цифровых инструментов и решений. Представленная типология бизнес-моделей демонстрирует траекторию трансформации управленческих процессов организаций сферы недвижимости. Представленная бизнес-модель, основанная на экосистемном подходе, в условиях BANI-мира минимизирует риски как для бизнеса, так и для клиента.

Подходы к трансформации бизнеса могут быть разные, от незначительных интеграций в существующую экосистему, до выстраивания уникальной. Главная задача компаний с физическими сделками, например, как в сфере недвижимости, заключа-

ется в выделении факторов удержания пользователей в цифровой среде, с запросами с их стороны на сервисы, которые могут лучше и проще решать большее количество задач.

Литература

1. Антипина О. Н. Платформы как многосторонние рынки эпохи цифровизации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 3. С. 12–19. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-12-19.
2. Аузан А. А. Цифровая экономика как экономика: институциональные тренды // *Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика*. 2019. № 6. С. 12–19.
3. Богданов В. С. Результаты мониторинга процесса информатизации в ходе социально-цифровой трансформации регионального управления // *Социологическая наука и социальная практика*. 2021. Т. 9. № 3 (35). С. 88–106. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8435.
4. Володина Н. Л. Проблемы и перспективы структурного управления промышленными предприятиями в условиях цифровой экономики / Н. Л. Володина, Н. В. Сироткина // *Организатор производства*. 2021. Т. 29. № 3. С. 73–90. DOI: 10.36622/VSTU.2021.63.84.008.
5. Зайченко И. М. Роль драйверов цифровой трансформации бизнеса в экономике / И. М. Зайченко, Д. П. Колотова, М. В. Домский // *Управление развитием экономических систем*. СПб. : Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2021. С. 54–60.
6. Контарева А. Ю. Платформы как рынки, архитектуры, экосистемы: обзор основных подходов к изучению интернет-компаний // *Социология власти*. 2021. Т. 33. № 1. С. 169–192. DOI: 10.22394/2074-0492-2021-1-169-192.
7. Нигай Е. А. Процесс цифровизации бизнеса: от точечной оцифровки бизнес-процессов к цифровой трансформации // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2022. № 2. С. 134–145. DOI: 10.24412/2071-6435-2022-2-134-145.
8. Нигай Е. А., Кошечкина Е. С. Специфика формирования системы взаимодействия с клиентом организации в условиях цифровизации экономики и бизнеса // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. 2021. № 4. С. 73–83. DOI: 10.24412/2071-6435-2021-4-73-83.
9. Нигай Е. А. Обоснование объектных, пространственных и временных границ оценки конкурентоспособности экономических систем с учетом тенденций цифровизации экономики // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. 2022. Т. 14. № 3 (56). С. 29–41. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2022-3/029-041.
10. Пешкова А. А. Анализ мирового опыта цифровой трансформации промышленности // *Цифровая трансформация промышленности: тенденции, управление, стратегии: Материалы I Международной научно-практической конференции*. Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения РАН, 2019. С. 447–455.
11. Пушкин И. С. Классификация бизнес-моделей, используемых для организации деятельности в аналоговую эпоху // *Наука и бизнес: пути развития*. 2019. № 3 (93). С. 207–210.
12. Серова Л. С., Страхович Э. В., Чуракова И. Ю. Многосторонние платформы в эволюции бизнес-моделей микропредприятий // *Управленец*. 2017. № 4 (68). С. 53–60.
13. Alexandrova E. Opportunities and Limitations for the Digital Economy Development: Case of the SME sector of Vietnam / E. Alexandrova, V. Zabolotskaya // *ACM International Conference Proceeding Series*. 2021. P. 3490943. DOI: 10.1145/3487757.3490943.
14. Digital Transformation of Society: Problems Entering in the Digital Economy / E. A. Khitskov, S. V. Veretkhina, A. V. Medvedeva [et al.] // *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*. 2017. Vol. 12. N 5b. P. 855–873. DOI: 10.12973/ejac.2017.00216a.
15. Fairlie R. The impact of Covid-19 on small business owners: Evidence of early-stage losses from the April 2020 current population survey // *Journal of Economics & Management Strategy*. 2020. N w27309. Vol. 29. P. 727–740.
16. Geliskhanov I. Z., Yudina T. N. Digital platform: A new economic institution // *Quality — Access to Success*. 2018. N S2. Vol. 19. P. 20–26.
17. Gillespie T. *Wired Shut: Copyright and the Shape of Digital Culture*. Cambridge, MA: MIT Press, 2007.
18. Lowry A. et al. Russia's Digital Economy Program: An Effective Strategy for Digital Transformation? // *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*. 2020.

19. *Mikhaliyova T. N.* Upgrading Legal Regulation of Integration in the Context of Digital Economy: The Eurasian Economic Union Agenda / T. N. Mikhaliyova // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 2022. Vol. 254. P. 213–226. DOI: 10.1007/978-981-16-4621-8 18.
20. *Nedoluzhko O. V., Nigay E. A.* Knowledge-Based Capital of Company in Context of Uniform Diagram of Functional System // *European proceedings of social and behavioural sciences*. Birebidzhan : European Publisher, 2021. P. 678–684. DOI: 10.15405/epsbs.2021.06.03.91.
21. *Nigay E. A.* Justification of the forming mechanism of a supply chains by regional tourist cluster competitiveness / E. A. Nigay, Y. S. Lebedinskaya // *International Journal of Supply Chain Management*. 2019. Vol. 8. N 6. P. 481–486.
22. *Petrenko S. A. et al.* About readiness for digital economy // 2017 IEEE II International Conference on Control in Technical Systems (CTS). IEEE, 2017. P. 96–99.
23. *Soldatova S., Ushakova S.* Using tools from the hierarchical control system theory for evaluating the complexity of administrative work in a digitally transforming research and technical environment // *ACM International Conference Proceeding Series*. SPb., 2020. P. 3444477. DOI: 10.1145/3444465.3444477.

Об авторах:

Нигай Евгения Антоновна, доцент кафедры экономики и управления Владивостокского государственного университета (Владивосток, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; jenia_nigay@mail.ru

Наумченко Андрей Андреевич, магистрант по направлению «Менеджмент», Владивостокский государственный университет (Владивосток, Российская Федерация); andrenaum7@mail.ru

References

1. Antipina O. N. Platforms as multilateral markets of the digitalization era // *World Economy and International Relations [Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija]*. 2020. Vol. 64. N 3. P. 12–19 (in Rus)
2. Auzan A. A. Digital Economics as Economics: Institutional Trends // *Bulletin of Moscow University. Economics Ser. [Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija Jekonomika]*. 2019. N 6. P. 12–19 (in Rus).
3. Bogdanov V. S. Results of monitoring the informatization process during the socio-digital transformation of regional management // *Sociological Science and Social Practice [Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika]*. 2021. Vol. 9. N 3 (35). P. 88–106 (in Rus)
4. Volodina N. L. Challenges and Prospects of Structural Management of Industrial Enterprises in a Digital Economy // *Production Organizer [Organizator proizvodstva]*. 2021. Vol. 29. N 3. P. 73–90 (in Rus).
5. Zajchenko I. M. The role of drivers of digital business transformation in the economy / I. M. Zajchenko, D. P. Kolotova, M. V. Domsij // *Management of Economic Systems Development*. SPb. : Publishing and Printing Association of Higher Educational Institutions. 2021. P. 54–60 (in Rus).
6. Kontareva A. Ju. Platforms as markets, architectures, ecosystems: an overview of the main approaches to studying Internet companies // *Sociology of power [Sociologija vlasti]*. 2021. Vol. 33. N 1. P. 169–192 (in Rus).
7. Nigay E. A. Business digitalization process: from point-to-point business process digitization to digital transformation // *ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice [ETAP: ekonomicheskaja teorija, analiz, praktika]*. 2022. N 2. P. 134–145 (in Rus).
8. Nigay E. A., Koshevaya E. S. Formation Specifics of the organizational client-interaction system in conditions of digitalization of the economy and business // *ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice [ETAP: ekonomicheskaja teorija, analiz, praktika]*. 2021. N 4. P. 73–83 (in Rus).
9. Nigay E. A. Object, spatial and time boundaries justification in the process of the economic system's competitiveness assessment, taking into account the economy digitalization trends // *Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service [Territorija novyh vozmozhnostej. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa]*. 2022. N 3 (56). P. 29–41 (in Rus).
10. Peshkova A. A. Analysis of the world experience of digital transformation of the industry // *Digital Transformation of Industry: Trends, Management, Strategies: Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference*. Yekaterinburg : Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2019. P. 447–455 (in Rus).

11. Pushkin I.S. Classification of business models used to organize activities in the analog era // *Science and Business: Development Paths* [Nauka i biznes: puti razvitiya]. 2019. N 3 (93). P. 207–210 (in Rus).
12. Serova L.S., Strahovich Je.V., Churakova I.Ju. Multilateral Platforms in the Evolution of Microenterprise Business Models // *Manager* [Upravlenec]. 2017. N 4 (68). P. 53–60 (in Rus).
13. Alexandrova E. Opportunities and Limitations for the Digital Economy Development: Case of the SME sector of Vietnam / E. Alexandrova, V. Zabolotskaya // *ACM International Conference Proceeding Series*. 2021. P. 3490943. DOI: 10.1145/3487757.3490943.
14. Digital Transformation of Society: Problems Entering in the Digital Economy / E.A. Khitskov, S.V. Veretekhina, A.V. Medvedeva [et al.] // *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*. 2017. Vol. 12. N 5b. P. 855–873. DOI: 10.12973/ejac.2017.00216a.
15. Fairlie R. The impact of Covid-19 on small business owners: Evidence of early-stage losses from the April 2020 current population survey // *Journal of Economics & Management Strategy*. 2020. N w27309. Vol. 29. P. 727–740.
16. Geliskhanov I.Z., Yudina T.N. Digital platform: A new economic institution // *Quality — Access to Success*. 2018. N S2. Vol. 19. P. 20–26.
17. Gillespie T. *Wired Shut: Copyright and the Shape of Digital Culture*. Cambridge, MA: MIT Press, 2007.
18. Lowry A. et al. Russia's Digital Economy Program: An Effective Strategy for Digital Transformation? // *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*. 2020.
19. Mikhaliyova T.N. Upgrading Legal Regulation of Integration in the Context of Digital Economy: The Eurasian Economic Union Agenda / T. N. Mikhaliyova // *Smart Innovation, Systems and Technologies*. 2022. Vol. 254. P. 213–226. DOI: 10.1007/978-981-16-4621-8 18.
20. Nedoluzhko O.V., Nigay E.A. Knowledge-Based Capital of Company in Context of Uniform Diagram of Functional System // *European proceedings of social and behavioural sciences*. Birobidzhan : European Publisher, 2021. P. 678–684. DOI: 10.15405/epsbs.2021.06.03.91.
21. Nigay E.A. Justification of the forming mechanism of a supply chains by regional tourist cluster competitiveness / E.A. Nigay, Y.S. Lebedinskaya // *International Journal of Supply Chain Management*. 2019. Vol. 8. N 6. P. 481–486.
22. Petrenko S.A. et al. About readiness for digital economy // *2017 IEEE II International Conference on Control in Technical Systems (CTS)*. IEEE, 2017. P. 96–99.
23. Soldatova S., Ushakova S. Using tools from the hierarchical control system theory for evaluating the complexity of administrative work in a digitally transforming research and technical environment // *ACM International Conference Proceeding Series*. SPb., 2020. P. 3444477. DOI: 10.1145/3444465.3444477.

About the authors:

Evgeniya A. Nigay, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management of Vladivostok State University (Vladivostok, Russian Federation); jenia_nigay@mail.ru

Andrey A. Naumchenko, Master Student, Vladivostok State University (Vladivostok, Russian Federation), the Department of Economics and Management; andrenaum7@mail.ru

Влияние властных элит Северного Кавказа на процессы национального дискурса

Евсеев А. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; evseevau@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются подходы к изучению властных элит регионов, их влияния на формирование национального дискурса. Автор приводит результаты исследования сетевого пространства, задействованного элитами в качестве информационно-пропагандистских и имиджевых каналов. Автор в качестве рассмотрения итогов результатов мониторинга описывает аспекты, изменившие меру и степень влияния властных элит на национальный медийный дискурс за последний год, а также приводит критерии, необходимые для формирования современного информационного пространства Чеченской Республики.

Ключевые слова: Россия, Чеченская Республика, политические элиты, медиадискурс, медиа, социальные сети, мессенджеры

Для цитирования: *Евсеев А. Ю.* Влияние властных элит Северного Кавказа на процессы национального дискурса // Управленческое консультирование. 2023. № 5. С. 76–82.

Factors of Influence of the Power Elites of the North Caucasus on the Processes of National Discourse

Alexander Yu. Evseev

ABSTRACT

The article analyzes approaches to the study of regional power elites and their influence on the formation of national discourse. The author presents the results of a study of the network space used by the elites as information, propaganda and image channels. The author, as a review of the results of the monitoring, describes the aspects that have changed the measure and degree of influence of the power elites on the national media discourse over the past year, and also provides the criteria necessary for the formation of the modern information space of the Chechen Republic

Keywords: Russia, Chechen Republic, political elites, media discourse, media, social networks, messengers

For citing: *Evseev A.Yu.* Factors of Influence of the Power Elites of the North Caucasus on the Processes of National Discourse // Administrative consulting. 2023. N 5. P. 76–82.

Политические элиты Чеченской Республики, как показала новейшая история России, сегодня обладают реальной властью в регионе, используя в качестве рычагов управления стратегии приоритетного позиционирования традиционных для чеченского народа ценностей. На этот факт указывают принятые в последнее время решения Правительства Чечни и наряду с этим интерес жителей российских регионов к различным аспектам жизни республики, в первую очередь к туризму, а также внимание зарубежных партнеров по бизнесу к тем событиям в Чечне, на фоне которых успешно развивается экономика. О росте влияния элит власти, духовенства, сферы культуры пишут российские и зарубежные СМИ.

Исследователи утверждают, что так было не всегда. Е. Л. Дмитриева отмечает: формирование элит на Северном Кавказе происходило «по закрытой модели на основе гильдий, а включение в круг избранных осуществляется доверенными лицами на основе неформальных связей» [3, с. 25]. В научном дискурсе появлялись сообщения о том, что этнократии могут использовать в своих частных интересах традиции и устои, прежде всего такие составляющие этноса, как историческая память народа, возникающие время от времени территориальные споры, социально-религиозная дифференциация и т. д. [7, с. 143; 6, с. 175].

Вместе с тем исследователи политических процессов Северного Кавказа в целом отмечали тот факт, что этнополитические элиты кавказских регионов стараются позиционировать свои действия и решения как дань традициям, «опираются на традиционные этнические институты, национальную культуру и сложившиеся практики и потому имеют дополнительные ресурсы и возможности влиять на массы» [8, с. 29]. К местным этнополитическим силам относят в качестве субъектов политических действий глав регионов, руководителей органов государственного управления, судебную власть, духовенство. Стоит отметить, что в российском научном сообществе в начале XXI в. велись дискуссии о том, что представители политических элит Северного Кавказа выглядят в глазах общественного мнения страны закрытыми, сдержанными: этим объясняется сложность тех демократических процессов, которые пытались предлагать и претворять российские политики конца XX — начала XXI в.

В научных статьях отмечалась и напряженность в кавказских регионах, вызванная в том числе вышеназванными процессами формирования и существования политических элит. А. Салгириев отмечает: «прослеживаются и систематизируются особенности этнополитической напряженности и противоречий в регионе, выявляются их исторические, культурологические, психологические и социально-экономические истоки» [8, с. 31]. Справедливости ради надо сказать, что авторы ссылались на постулат: межнациональные отношения наиболее чувствительны к любым переменам в жизни общества, не описывая другие составляющие тех самых истинных и мнимых противоречий.

Автор статьи как человек, знающий жизнь Чечни изнутри, не может согласиться со многими утверждениями. События 2022 г., связанные с проведением Россией специальной военной операции на Украине¹, показали высокий потенциал и своевременность тех стратегий, которые многие годы описывались в СМИ как закрытые, этнозависимые. За закрытостью стояла скромность, осторожность, взвешенность принятия решений. За последние годы в Чеченской Республике сформировались новые и востребованные стратегии национального медийного дискурса с использованием всех современных приемов эффективного взаимодействия власти и общества. Отмечены стратегии позиционирования личных сильных черт характера главы Республики Р. Кадырова [4, с. 95–97], а также приверженность властных элит традициям как инструмент и в устранении негативных последствий прошлого имиджа.

Опыт Чеченской Республики в этом отношении важен для страны в целом. Национальный медийный дискурс становится важной частью политики России и ее регионов. Исследователи указывают на взаимосвязь и взаимовлияние политического медийного образа и отношения общественности к политическим преобразованиям, к действиям государства в политической сфере. В концепции национальной безопасности России, заявленной в Указе Президента Российской Федерации

¹ Обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина к гражданам России. Стенограмма [Электронный ресурс]. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-obraschenija-prezidenta-rossiiskoi-federacii-24-02-2022.html?ysclid=18hga67mt4485388596> (дата обращения: 20.10.2022).

от 02.07.2021, в списке национальных интересов России обозначаются, в том числе: сбережение народа России, развитие человеческого потенциала; устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе; укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России; поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности¹. В выступлении 27 октября 2022 г. также акцентируется внимание на том, что развитие мира должно идти «именно в диалоге цивилизаций, с опорой на духовно-нравственные ценности. Да, у разных цивилизаций разное понимание человека, его природы — оно часто на поверхности только разное, но все признают высшее достоинство и духовную сущность человека»². В Чеченской Республике духовная составляющая жизни людей, проявляющаяся в отношении к традиционной культуре, религии, к семейным ценностям, всегда была базовой ценностью.

В современном обществе элиты власти становятся проводником и транслятором национальной политики России. Вопрос о традициях и этнических своеобразиях регионов с точки зрения воссоздания и укрепления духовно-нравственных ценностей страны для представителей власти в Чечне был и есть основополагающим. Сегодня именно коммуникации становятся «эпицентром битвы за ценностное нормирование общественной жизни» [5, с. 48]. Коммуникативные стратегии — основа национального медийного дискурса.

Динамика развития национального медийного дискурса в контексте политических событий последнего года, а также отношение общества к властным элитам (общественное мнение о них), отражение этого отношения в СМИ стали поводом для исследования принципов медийного позиционирования взглядов и установок властных элит Чеченской Республики. Цифровизация каналов подачи информации позволяет лидерам и руководителям эффективно использовать сетевые ресурсы как довольно мощные возможности демонстрации мнений, взглядов и установок.

С августа по октябрь 2022 г. проведен мониторинг сетевой среды, которая используется руководителями Чеченской Республики как информационная и имиджевая площадка, основное внимание уделялось визуальному и содержательному аспектам презентации и репрезентации действий элиты. Проведен также анализ публикационной активности в социальных сетях с целью определения наиболее значимых тем для обсуждения и реакции аудитории на них.

Исследовались страницы социальных сетей: Главы Чеченской Республики Р. А. Кадырова, Муфтия и председателя Духовного управления мусульман Чеченской Республики С. М. Межиева, Председателя правительства Чеченской Республики М. М. Хучиева, Руководителя Администрации Главы и Правительства Чеченской Республики Г. С. Таймасханова, Министра внутренних дел по Чеченской Республике Р. Ш. Алханова. Основные каналы сетевой коммуникации — российская социальная сеть «ВКонтакте» и кроссплатформенная система мгновенного обмена сообщениями (мессенджер) Telegram. Основные темы официальных сообщений, новостей и комментариев по объему и количеству информации распределились следующим образом:

- социальная сфера (образование, медицина, туризм);
- экономика (новости, развитие региона, итоги совещаний, туризм);
- политика (новости, сообщения о СВО на Украине);

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/?ysclid=I9n1twp5o3928755542 (дата обращения: 10.10.2022).

² Полный текст обращения Владимира Путина на «Валдае» 27 октября 2022 (Заседание дискуссионного клуба) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27463/4668903/?yclid=I9sjnd53lg290537810> (дата обращения: 29.10.2022).

- культура и религия (деятельность представителей искусства, мероприятия, туризм, анонсы).

Исследования показали, что ленты публикаций в основном строятся по принципам дата-журналистики и событийного маркетинга.

Правила дата-журналистики в социальных сетях учитывают формат анализа данных как способ критического исследования мира и как инструмент, «помогающий получить и представить общественности важные сведения, которые могли остаться незамеченными в огромных массивах информации о современной реальности» [10, с. 482]. При этом такой анализ данных на страницах представителей элиты сопровождается часто авторской оценкой, выражением чувств по поводу события или явления, попыткой выразить мнение общественности. Жанры многообразны. В сетевой среде срабатывает фактор этнической заинтересованности в том событии, которое освещается на странице социальной сети (читатель потребляет информацию, исходя из установки — это здесь, рядом). И в этом плане страницы социальных сетей руководителей и лидеров Чечни отличаются от многих других регионов, где информация подается «для галочки», формально, а также перепечатывается из федеральных официальных источников, ИА и СМИ.

Событийный маркетинг, как правило, способствует «продвижению товара и услуг с помощью создания эмоциональных связей между потребителем и брендом» [9, с. 53]. Социальная сеть как конвергент имиджевой и информационной политики власти реализует в данном случае основные посылы, отправляемые читателю в виде ожидания, впечатления, воспоминания. Конечно, говорить здесь о продвижении бренда не приходится, однако процесс брендинга и ко-брендинга территории, идей, ценностей активно внедряется в медийный дискурс. Пример тому — результаты исследования, которые показали наличие в сетях большого числа публикаций о туризме в Чеченской Республике и продемонстрировали возрастающий интерес россиян к традициям и обычаям региона.

Распределение потока и объема информации по темам, данное выше, позволяет говорить о том, что позиционирование и самопозиционирование властных элит в социальных сетях позитивно отражается на процессах развития республики. Как видно из материалов публикаций, такая сфера, как туризм, развивается сегодня быстрыми темпами. Неслучайно информация о сфере туризма проявляется в каждой тематической линейке: экономика, политика, социокультурная сфера. Сообщения в социальных сетях и мессенджерах выполняют здесь для элит задачу неформальных институтов, которые могут играть «различную роль в политической системе — поддерживая, замещая, конкурируя и даже подрывая систему формальных правил» [2, с. 24–25]. Заметка, пост, репост в живой, доступной жителям смысловой и языковой форме, становится формой позиционирования идеологии и мировоззрения, актуальной для республики:

- открытие одной из главных артерий Грозного — улицу имени достойнейшего сына чеченского народа, боевого офицера, Героя России Сайпуддина Лорсанова: https://vk.com/ramzan?w=wall279938622_1594474 (страница Главы Чеченской Республики);
- в составе нашей великой страны отныне будут еще 4 субъекта — Донецкая и Луганская Народные Республики, а также Херсонская и Запорожская области: https://vk.com/ramzan?w=wall279938622_1701139 (страница Главы Чеченской Республики);
- бойцы батальона «Запад-Ахмат» МО РФ под руководством своего командира Исмаила Агуева дают жесткий отпор укрофашистским формированиям на линии соприкосновения: https://vk.com/ramzan?w=wall279938622_1691266 (страница Главы Чеченской Республики);

- решение вопроса запрета перевода сборников хадисов: https://vk.com/wall-85554484_18626 (страница Муфтия Чечни);
- митинг более 400 тысяч жителей ЧР, выражающих свое жесткое возмущение в связи с оскорблениями в адрес Шейха Кунта-Хаджи Кишиева и других Эвлия: https://t.me/salah_mezhiev/1835 (страница Муфтия Чечни);
- встреча Президента России В. В. Путина с Дорогим Братом, Главой ЧР Р. А. Кадыровым: https://t.me/khuchiev_mm/425 (страница премьер-министра Чечни) и др. Отмечается региональная тональность подачи информации, свойственная народам Северного Кавказа, доброжелательность контента, использование лексических средств и синтаксических конструкций, максимально приближенных к народным.

Исторические традиции и обряды, приглашения к их изучению и освещение мероприятий культурно-исторического плана занимают важную позицию в контексте публикаций, что помогает подойти к решению важных для Чеченской Республики задач по формированию образа привлекательного региона с точки зрения его богатых традиций. Как указывает В. А. Ачкасов, «политическое использование прошлого в дискурсе властных элит необходимо для решения конкретных актуальных задач, но оно всегда подчинено логике легитимации проводимого элитами политического курса» [1, с. 20].

Об интересе к теме туризма и гостеприимства как стратегии развития территории и позиционированию ценностей чеченского народа говорят данные о количестве просмотров постов и репостов:

- «Строительство грандиозного спортивного объекта в Грозном — Центра олимпийской подготовки по дзюдо имени Президента России Владимира Путина» (https://vk.com/ramzan?w=wall279938622_1597677) — 3030 лайков, 252 комментария;
- «Чеченская Республика ежедневно принимает толпы туристов из различных регионов России, а также ближнего и дальнего зарубежья» (https://vk.com/ramzan?w=wall279938622_1604570) — 2881 лайк, 250 комментариев, 54 репоста;
- «Контакты для желающих совершить Умру вместе с Сафа-Тур» (https://t.me/salah_mezhiev/1814) — 830 просмотров.

Таким образом, проведенный мониторинг страниц социальных сетей представителей властных элит помог обозначить те ключевые события, которые выполняют роль консолидации, обращают к изучению и сохранению традиционных нравственных ценностей и позволяют скорректировать прошлые представления о Чеченской Республике. Контент-анализ сетевых текстов позволил оценить уровень публикационной активности элит, направленность материалов, актуальную повестку дня, динамику представлений об информационном сопровождении деятельности элит. Максимальное количество публикаций, а также самая разнообразная тематика и наибольшее количество вариантов обратной связи с читателем — на страницах Рамзана Ахматовича Кадырова в социальной сети «ВКонтакте». Глава Чеченской Республики значительно лидирует по ежедневной публикационной активности, а также по публикациям на тему патриотизма. Сообщения о специальной военной операции России на Украине составлены с позиции активного участия чеченского народа в процессе денацификации, в текстах активно используются эмотивные средства, позволяющие подчеркнуть смысловую линию «свои и чужие» (слова «брат», «друг» «отныне навеки в составе России» как контекстные для публикаций).

Тематический анализ публикаций на странице Муфтия Чечни С. М. Межиева, а также Министра внутренних дел по Чеченской Республике Р. Ш. Алханова привел к ожидаемым результатам, так как продемонстрировал религиозную составляющую в первом случае и акцент на профессиональной деятельности полиции — во втором.

Таким образом, влияние властных элит на национальный медийный дискурс в Чеченской Республике очевиден. Анализ позиционирования элит в сетевом пространстве позволяет сделать вывод о том, что элита Чечни на сегодня способна предложить обществу эффективный инструментарий руководства страной, а также стремление опираться на базовые ценности народа республики.

Литература

1. Ачкасов В. А. Национальная идентичность как исторический нарратив // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 19–24.
2. Березуцкий А. А. Неформальные аспекты институционализации российской политической элиты // Управленческое консультирование. 2018. № 2. С. 24–31.
3. Дмитриева Е. Л. Роль политических элит на Северном Кавказе // Россия и мусульманский мир. 2020. № 4. С. 24–29.
4. Евсеев А. Ю. Динамика медиаобраза главы Чеченской Республики Рамзана Кадырова в контексте политической медийной коммуникации России // Управленческое консультирование. 2023. № 1. С. 91–99.
5. Михалева А. В. Религиозный фактор в региональной политике идентичности: на примере самопрезентации лидеров Чеченской Республики в социальных сетях // Вестник Пермского Федерального исследовательского центра. 2020. № 3. С. 44–54.
6. Рудков Ю. И. Политические элиты Северного Кавказа: особенности современного этапа развития // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 1 (58). С. 175–181.
7. Салгириев А. Р., Баранов А. В., Костенко Ю. В. Возникновение новых точек этнополитической напряженности на Северном Кавказе как следствие кризиса элит // Евразийское научное объединение. 2019. № 7–2 (53). С. 145–147.
8. Салгириев А. Политические элиты в контексте этнополитических процессов на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т. 18. Вып. 3–4. С. 28–35.
9. Саркисян О. А., Берилаева А. Л., Агаева С. Т. Event-мероприятия как основа интегрированных маркетинговых коммуникаций // Коммуникология: электронный научный журнал. 2017. Т. 2. № 2. С. 53–62.
10. Симакова С. И. Дата-журналистика как медиатренд // Вестник Нижегородского государственного университета. Серия Журналистика. 2014. № 2 (2). С. 481–484.

Об авторе:

Евсеев Александр Юрьевич, доцент Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; evseevau@mail.ru

References

1. Achkasov V.A. National identity as a historical narrative // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 10. P. 19–24 (in Rus).
2. Berezutskiy A.A. Informal aspects of institutionalization of the Russian political elite // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 2. P. 24–31 (in Rus).
3. Dmitrieva E. L. The role of political elites in the North Caucasus // Russia and the Muslim world [Rossiya i musul'manskii mir]. 2020. N 4. P. 24–29 (in Rus).
4. Evseev A.Yu. Dynamics of the media image of the head of the Chechen Republic Ramzan Kadyrov in the context of political media communication in Russia // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2023. N 1. P. 91–99 (in Rus).
5. Mikhaleva A.V. The religious factor in the regional identity policy: on the example of self-presentation of the leaders of the Chechen Republic in social networks // Bulletin of the Perm Federal Research Center [Vestnik Permskogo Federal'nogo issledovatel'skogo tsentra]. 2020. N 3. P. 44–54 (in Rus).
6. Rudakov Yu.I. Political elites of the North Caucasus: features of the modern stage of development // Caspian region: politics, economy, culture [Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tur]. 2019. N 1 (58). P. 175–181 (in Rus).
7. Salgiriev A. R., Baranov A. V., Kostenko Yu. V. The emergence of new points of ethno-political tension in the North Caucasus as a consequence of the crisis of elites // Eurasian Scientific Association [Evraziiskoe nauchnoe ob'edinenie]. 2019. N 7–2 (53). P. 145–147 (in Rus).

8. Salgiriev Ali. Political elites in the context of ethno-political processes in the North Caucasus // Central Asia and the Caucasus [Tsentral'naya Aziya i Kavkaz]. 2015. Vol. 18. Iss. 3-4. P. 28–35 (in Rus).
9. Sarkisyan O. A., Berulava A. L., Agaeva S. T. Event-events as the basis of integrated marketing communications // Communicologiya: electronic scientific journal [Kommunikologiya: elektronnyi nauchnyi zhurnal]. 2017. Vol. 2. N 2. P. 53–62 (in Rus).
10. Simakova S. I. Data journalism as a media trend // Bulletin of Nizhny Novgorod State University. Journalism series [Vestnik Nizhegorodskogo gosuniversiteta. Seriya Zhurnalistika]. 2014. N 2 (2). P. 481–484 (in Rus).

About the author:

Alexander Yu. Evseev, Associate Professor of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; evseevau@mail.ru

Корпоративная культура в формировании ценностного и информационного пространства города и компании*

Гришанин Н. В.^{1, 3, *}, Миневиц Я. В.^{1, 2}, Меркушева А. С.³

¹Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Российская Федерация

²Московский государственный институт культуры, Москва, Российская Федерация

³Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *grishanin-nv@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Формированием известности территории правители и граждане занимались с древних времен. Всем были хорошо известны уникальные целебные источники, грязевые лечебницы, курорты, храмы и монастыри, торговые города, в которые стремились туристы, торговцы, паломники. По сути, это были первые территориальные бренды, приносящие территориям и проживающему на них населению неплохой доход и выделяющие их из ряда других территорий. Формирование культурных брендов территорий связано с уникальным преимуществом территории или неповторимым ремеслом. Сегодня дополнительным потенциалом для территориального бренда может служить корпоративная культура тех компаний, которые ведут свою деятельность.

Цель статьи: проанализировать возможности корпоративной культуры организации в развитии и формировании бренда территории через влияние на мировоззрение сотрудников, проживающих на данной территории. В рамках исследования нами были использованы методы контент-анализа средств массовой информации, контент-анализ документов по корпоративной культуре «ЕвроХима», анализ источников, определяющих понятийное поле формирования бренда города.

В качестве результатов нами были описаны возможности корпоративной культуры в формировании бренда территории, включении ценностей корпоративной культуры в территориальный бренд и мировоззрение жителей города.

Сегодня под корпоративной культурой подразумевают систему материальных и духовных ценностей, норм поведения и взаимодействия, присущих данной организации, отражающих ее индивидуальность. Но и культура страны является системой, в которой существуют материальные и духовные ценности, нормы поведения и взаимодействия. Корпоративная культура, чтобы способствовать развитию культуры в стране, должна представлять собой ценность для ее жителей, служить цели сохранения человека и являться защитным механизмом [9].

В качестве результатов нами было зафиксировано, что в последнее время корпоративные ценности разнятся с теми, что существуют на данной территории, совсем не учитываются транснациональными компаниями национальные обычаи и культурные традиции. Вместе с тем сотрудник компании, являясь гражданином государства, воспитан в аксиологическом пространстве не компании, а государства. К нему применимы нормы права национального государства. Мы рассмотрели возможность в целом говорить об идеологии корпоративной культуры как о части культуры государства, корпоративной культуры как одной из форм проявления культуры общества.

Ключевые слова: бренд территории, имидж, корпоративная культура, мировоззрение сотрудников, «ЕвроХим», культура бренда, межкультурный обмен

* Статья подготовлена в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FZNF-2022-0001 — Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой среде).

Для цитирования: Гришанин Н. В., Миневич Я. В., Меркушева А. С. Корпоративная культура в формировании ценностного и информационного пространства города и компании // Управленческое консультирование. 2023. № 5. С. 83–94.

Corporate Culture in the Formation of the Value and Information Space of the City and the Company

Nikita V. Grishanin^{1, 3, *}, *Yakov V. Minevich*^{1, 2}, *Alexandra S. Merkusheva*³

¹State Academic University of Humanities, Moscow, Russian Federation

²Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russian Federation

³Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation; *grishanin-nv@ranepa.ru

ABSTRACT

Rulers and citizens have been engaged in the formation of the popularity of the territory since ancient times. Everyone was well aware of the unique healing springs, mud hospitals, resorts, temples and monasteries, trading cities to which tourists, merchants, and pilgrims aspired. In fact, these were the first territorial brands that bring territories and the population living on them a good income and distinguish them from a number of other territories. The formation of cultural brands of territories is associated with a unique advantage of the territory or a unique craft. Today, the corporate culture of those companies that conduct their activities can serve as an additional potential for a territorial brand.

The purpose of the article is to analyze the possibilities of the corporate culture of the organization in the development and formation of the brand of the territory through the influence on the worldview of employees living in this territory. As part of the research, we used methods of content analysis of mass media, content analysis of documents on Eurochem's corporate culture, analysis of sources defining the conceptual field of the city's brand formation.

As a result, we described the possibilities of corporate culture in the formation of the brand of the territory, the inclusion of the values of corporate culture in the territorial brand and the worldview of the residents of the city.

Today, corporate culture means a system of material and spiritual values, norms of behavior and interaction inherent in this organization, reflecting its individuality. But the culture of the country is also a system in which there are material and spiritual values, norms of behavior and interaction. Corporate culture, in order to contribute to the development of culture in the country, should be of value to its inhabitants, serve the purpose of human preservation and be a protective mechanism.

As a result, we have recorded that recently corporate values differ from those that exist in this territory, national customs and cultural traditions are not taken into account at all by multinational companies. At the same time, an employee of the company, being a citizen of the state, is brought up in the axiological space not of the company, but of the state. The norms of the law of the national State are applicable to it. We have considered the possibility to talk about the ideology of corporate culture as a whole, as part of the culture of the state, corporate culture as one of the forms of manifestation of the culture of society.

Keywords: brand of the territory, image, corporate culture, employees' worldview, EuroChem, brand culture, intercultural exchange

For citing: Grishanin N. V., Minevich Ya. V., Merkusheva A. S. Corporate Culture in the Formation of the Value and Information Space of the City and the Company // Administrative consulting. 2023. N 5. P. 83–94.

Введение

Информационное пространство городов формируется благодаря ценностным установкам жителей. Связь между ценностным полем города и информационным безусловна. Поскольку средства массовой информации в рамках своей деятельности

опираются на две группы ценностей «в центре культурных ценностей находится духовная жизнь народов, и понятие души, в центре же цивилизационно-практических ценностей — понятие телесной жизни народов, понятие тела, практическая жизнь человечества, а также идея индивида, в противоположность духовно-культурным ценностям, где господствует идея единства человека и общества, человека и мира» [5, с. 136]. Обе группы ценностей, описанные В. М. Доброштаном, мы можем объединить как отражение духовной жизни народа в практико-материальной плоскости в известных культурных брендах территорий, таких как дымковская игрушка в Кирове, тульские пряники, самовары и оружие в Туле [10], оренбургские пуховые платки, ивановский текстиль и янтарные изделия Калининграда. Каждая территория богата своими артефактами и для каждой свойственны свои представления о мире¹. Эти культурные бренды территорий являются промыслами, можно сказать, что культура местности сформировала индустрию производства и корпоративную культуру индустрии на этих территориях, не отделимую от производства [16]. Такой вид предпринимательства сотнями лет складывался в единое символическое поле со своими культурными обычаями и традициями, фольклором и нравами. Отношения между жителями, занятыми одним родом деятельности, сформировали специфического работника «сотрудника организации». Не раз черты жителя местности, занимающегося конкретным промыслом, становились прототипами для произведений литературы, например «Левша», «Хозяйка медной горы» и другие. С формированием мировых рынков и транснациональных компаний изменились корпоративные культуры и сотрудники.

Мы решили рассмотреть, оказывает ли компания, не выросшая из местного промысла, влияние на культуру жителей территории через корпоративную культуру. Культура страны для жителей города выступает как корпоративная культура для сотрудников предприятия [11]. Но всегда ли корпорации и город могут быть едины в представлении ценностей [14, с. 11], то есть ориентиров поведения и жизненных стратегий населения, способна ли корпоративная культура сформировать культурный бренд территории.

Рассмотрим значение и роль культурных брендов территории. Их важность, как и культуры в целом, была обозначена американским экспертом в области менеджмента Ричардом Л. Дафтом, который выделил понятие национальной культуры в самостоятельную величину, способствующую развитию территории: «Национальная культура — совокупность знаний, убеждений и ценностей, единые стереотипы поведения и мышления» [4, с. 128].

Но наступает такой момент, когда вопрос о новых возможностях развития территории выходит на первый план, и тогда возникает интерес к брендингованию. Бренд территориальной культуры выступает в этом случае как механизм (инструмент, алгоритм) привлечения повышенного внимания, большего, чем это возможно обычными инструментами при сниженных издержках на формирование этого результата. Сам процесс формирования дополнительных экономических выгод для территории, основанных на совокупности ее материальных и духовных ценностей, нормах поведения, отражающих индивидуальность жителей, мы назовем культурным брендингованием территории.

Рассмотрим назначение культурных символов территории, представляющих собой культурные бренды, которые являются одним из наиболее устойчивых элементов культурного континуума [1]. Всякий текст культуры принципиально неоднороден. Даже в строго синхронном срезе гетерогенность языков культуры образует сложное многоголосие [3]. Механизм формирования культуры территории достаточно

¹ Живое наследие [Электронный ресурс]. URL: <https://livingheritage.ru/> (дата обращения: 12.01.2023).

сложен. Но вся культурная сфера территории состоит из устойчивого набора гетерогенных символов. Данные символы, пронзая пласты культуры по вертикали, объединяют их, не давая распасться на изолированные хронологические пласты. По нашему мнению, культурный бренд территории берет на себя важнейшую *функцию механизма единства культуры региона*. Переноса из одного культурного слоя в другой «свернутые мнемонические программы текстов и сюжетов», культурные бренды региона осуществляют *функцию обмена текстами между культурными слоями*, проявляя способность не только хранить, но и передавать тексты. «Единство основного набора доминирующих символов и длительность их культурной жизни в значительной мере определяют национальные и ареальные границы культур» [7, с. 20]. Таким образом, попадание в данный культурный «пирог» инородного символа преобразует многовековую традицию культуры. В случае, когда он один, то его аксиологическое поле интегрирует и дополняет, разнообразит культуру, в том случае, если его влияние усиливается еще факторами внешнего воздействия на другие культурные коды территории, то скорее всего произойдет смена культурных символов и аксиологического поля культуры как культурного щита территории.

В условиях всемирной глобализации, когда весь мир становится, можно сказать, одной большой «деревней» и, как следствие, вытекающей отсюда растущей конкуренцией между территориями за ресурсы, из которых, в свою очередь, вытекает рост потребителей как национальных товаров, так и потребителей национальной культуры, именно культурный бренд может сформировать вокруг себя единое поле корпоративных ценностей.

Для этого необходимо заинтересовать как потенциальных потребителей обнаруженных культурных ценностей, так и инвесторов, которые на практике будут реализовывать долгосрочные проекты на данной территории [8]. «В понятие социально-экономического развития региона входит и такая трудно измеримая субстанция, как культурная жизнь населения, — делают вывод Александр Гапоненко и Александр Панкрухин. — Повышение уровня культурной жизни населения данного региона в связи с этим является одним из важнейших критериев развития региона и города. Этот критерий не всегда поддается количественной оценке» [2, с. 43], конкурентное преимущество территории (страны, региона, города) — это преимущество, которое обеспечивает дополнительный приток высококвалифицированных людей в подлежащую брендированию местность, а также капиталов, способствующих ее развитию. Таким образом, можно сказать, что культурный бренд — это в том числе и вклад в образование, и развитие ценностно-нормативного поля жителей города. Это вклад в прочность системы развития бренда, поскольку все культурные ценности региона дают возможность устойчивого развития только в случае их взаимодействия с населением и включение в мировоззрение жителей местности.

Поэтому культурный бренд строится на духовных ценностях, присущих данному региону и обладающих способностью и возможностями привлечь к территории внимание, сформировать мировоззрение, способное сохранить, транслировать, создать новое на основе существующего, но имеющее соответствующие новому времени материальные атрибуты [12, с. 2]. При этом мы не забываем, что основными факторами мировоззрения являются: семья, общество, страна, государство и человек. В нашем случае «семья — одна из наиболее распространенных реальных групп. Здесь, как правило, задается направленность мировоззренческого развития личности» [5, с. 37]. Следующее, что оказывает влияние на мировоззрение, это социальные силы, но ограниченные культурой, т. е. теми обычаями и нормами поведения, которые характерны для данной территории, для страны: «результаты сознательной деятельности господствующих в обществе социальных сил по формированию определенного типа мировоззрения всегда ограничиваются теми бытийственными параметрами данного образа жизни, которые в силу тех или иных

причин не учитываются в воспитательных программах и в самом процессе выработки мировоззрения» [там же]. И последнее, что влияет извне на формирование мировоззрения — это государство, которое устанавливает законы, способствующие лучшему воздействию на человека тех ценностей, которые формируют страна, общество, семья. «Мировоззренческая культура в демократическом обществе может стать реальностью только тогда, когда будут созданы действительные условия для утверждения мировоззренческого плюрализма, представляющего собой конкуренцию различных мировоззренческих ценностей. Человек должен иметь возможность выбора, причем возможность, обеспеченную законодательно». То есть мы видим, что государство способно создать условия формирования мировоззрения. Но важнейшим элементом системы мировоззрения будет являться человек, который воспринимает и совершает в дальнейшем поступок, характеризующий его мировоззрение, и сама по себе культура и ценности и формы бытия не существуют в отрыве от человека. И человеком транслируются другому человеку, поэтому важным не только элементом, но и фактором, влияющим на мировоззрение, остается человек. «Следовательно, роль личности в истории такова, что именно от личностей эпоха получает свои идеи. Если мыслители определенного исторического периода создают представляющее ценность мировоззрение, опирающееся на лучшие образцы мировой культуры, то эпоха получает от них для разработки идеи, содействующие прогрессу. Если они оказываются неспособными к этому, то наступает выражающийся в той или иной форме упадок».

Следовательно, только при сопоставлении всех этих элементов пентабазиса: семья, общество, страна, государство и человек — можно говорить о единой системе формирования мировоззрения [13]. Мы можем видеть, как мировоззрение, характерное для проживающих на этой территории, становится особым условием для развития территориальных брендов [15]. Мы отмечаем, что национальная культура более привлекательна как продукт потребления, товар, который год от года становится все более востребованным [17; 18, с. 296]. Технологизация и увеличивающийся темп жизни вынуждают человека искать занятия, которые позволят ему восстановить силы. Одним из таких видов деятельности человека является знакомство с другими культурами, которыми богата Россия. И именно культура предстает спасительным источником духовного возрождения. Но здесь существует риск: благодаря корпоративным и маркетинговым коммуникациям утратить специфику, растворить идею регионов в потоке потребительского общества. Когда носитель культуры прекратит связь с традицией, и она сделается музейной реликвией.

Национальный бренд и потребителя связывают общая история, общие радости, общая духовная составляющая и общее мировоззрение, поскольку «мировоззрение всегда черпает для себя выводы в истории» [6, с. 51]. В этом смысле культурный бренд территории имеет явные преимущества. Если компании необходимо сформировать в сознании аудитории дополнительные характеристики с целью привлечения внимания к своей деятельности, то присоединение к культурному бренду, который сам по себе несет мощный эмоциональный посыл, позволит создать запоминающееся событие и закрепить в памяти характерный образ. Но культурному бренду территорий необходима поддержка не столько инвестиционная, сколько поддержание его человеком, который проживает на территории и является носителем культурной традиции. Поскольку мы разделяем территорию с ее культурным потенциалом и бренд как инструмент продажи, то воспроизводитель компонента ценностно-эмоционального содержания визуальных и вербальных интерпретаций вырастает и продолжает культурные традиции в случае естественной потребности в этом. Если его окружение и среда изменяются, то и его эмоционально-ценностное поле трансформируется.

Следовательно, корпоративная культура может стать причиной изменения или наоборот способствовать усилению культурных традиций, территориальных брендов. Если в городе проживает 50 тыс. чел., а на предприятии занято 2 тыс., то практически каждая десятая семья находится под влиянием корпоративной культуры предприятия.

Материалы и методы. Корпоративная культура «ЕвроХим» в формировании ценностного и информационного пространства Кингисеппа

Проблема взаимодействия корпоративной культуры и национальной неизбежно возникает в транснациональных компаниях. Картина мира корпоративной культуры связана с ценностями, транслируемыми компанией во всем мире, стремление к унификации как способ сокращения издержек не имеет общего с картиной мира государства. Нам предстоит определить, каким образом пересекается картиной мира живущего на отдельно взятой территории сотрудника с корпоративной картиной.

В практической части мы рассмотрели внутрикорпоративную культуру «ЕвроХима», а также ее влияние на культуру города Кингисепп. На основе анализа материалов СМИ, а также отчетов компании за 2013–2019 гг. была сформирована матрица ценностных ориентиров компании. Опираясь на собранные данные в открытых источниках о «ЕвроХиме», мы хотели проанализировать роль компании и ее ценности в формировании общественных ориентиров и культуры в целом и мировоззрении. Начнем с описания внутрикорпоративной культуры компании, матрицы ценностей корпорации «ЕвроХим». Продукция компании продается в разных странах мира «международная химическая компания, основные производственные активы которой расположены в России, Бельгии, Литве и Китае. Крупнейший в России производитель минеральных удобрений, входит в пятерку крупнейших мировых производителей удобрений»¹.

Анализируя ценностные ориентиры, мы разделили их на пять разных подгрупп: функциональные, эмоциональные, духовные, корпоративные, социальные. Каждая ценность будет описана нами на примере реальных проектов, поведении или мероприятиях, проведенных «ЕвроХим» в период с 2022 по 2023 г. Именно информация, посвященная событиям, основанным на этих ценностных ориентирах, попали во внешний информационный контур компании.

Одной из главных ценностей компании становится забота о здоровье и безопасности сотрудников. «ЕвроХим» тщательно продумывает систему подготовки персонала, организуя систематические инструктажи для работников с целью формирования комфортных и безопасных условий труда. Например, в одном из выпусков Кингисеппской газеты «Время» за последний год сообщается об изменениях, способствующих формированию безопасной обстановки в цехе экстракционной фосфорной кислоты. Там были отремонтированы бытовые помещения, душевые, а также управление промышленной безопасности организовало аудит всех пешеходных дорожек — они стали заасфальтированы. «ЕвроХим» внимательно относится к условиям труда своих сотрудников, а также организует для отделов премии по безопасности².

Следующие ценности будут связаны с корпоративным управлением в компании. На общекорпоративном и местном уровне происходит координация тренингов и программ развития сотрудников. Например, в течение 2022 г. и до начала 2023 г. компания

¹ О компании [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eurochem.ru/about-us/> (дата обращения: 20.01.2023).

² Заслуженный работник «ЕвроХима» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.time-king.ru/news?id=10646> (дата обращения: 17.12.2022).

проводила командообразующий тренинг «Энергия команды». В нем приняли участие молодые специалисты «ЕвроХима»¹. Помимо тренингов компания предоставляет возможность своим сотрудникам принимать участие в различных обучающих программах. Например, в том году один из сотрудников прошел обучение по программе Chemical Engineering на базе Томского политехнического университета². Помимо специальных мероприятий по улучшению профессиональных навыков в компании существует система наставничества. В рамках программы адаптации на производстве аммиака «ЕвроХим-Северо-Запад» прошла специальная подготовка сотрудников с целью скорейшего приобретения работниками всех необходимых знаний и навыков. Наставники — опытные работники производства, которые погружают новичков во все детали их работы. Все это позволяет «ЕвроХиму» поддерживать систему постоянного профессионального роста своих сотрудников, что, безусловно, влияет на формирование в городе Кингисепп ответственных специалистов в области минеральных удобрений. Это поможет в развитии города, его природной безопасности.

В «ЕвроХим» действует система открытости и полной информированности своих сотрудников. Например, директора компании проводят регулярные собрания руководителей высшего звена с остальными сотрудниками. В 2022 г. в рамках проекта «Фабрика идей» работники компании имели возможность выдвинуть свои идеи и предложения для развития кингисеппских предприятий «ЕвроХим». Компания ценит мнение каждого сотрудника и старается реализовывать наиболее удачные предложения. Так, одна из сотрудниц «ЕвроХима» выдвинула идею по установке дополнительного хранилища жидкого азота и дополнительного азотного испарителя большей производительности³. Благодаря системе открытости внутри компании формируются здоровые амбиции сотрудников, которые имеют равные возможности с руководителями высшего звена по разработке системы развития компании.

Другая ценность, которая поддерживается руководством «ЕвроХима» и транслируется в массы, — семейность. Компания активно поддерживает семьи и организует мероприятия с целью поддержания системы преемственности в своей фирме. Так, для сотрудников проводится «день семьи» и другие программы. Например, в декабре 2022 г. работники предприятий «ЕвроХим-Северо-Запад» и «ЕвроХим-Северо-Запад-2» семьями посетили театр и хоккейный матч в Санкт-Петербурге. Подобные совместные походы в нерабочее время помогают создать между работниками наиболее доверительные и здоровые взаимоотношения. Это, в свою очередь, помогает формировать наиболее сплоченный коллектив, эффективность работы которого будет максимальной. В рамках программы преемственности персонала «ЕвроХим» проводит Семейные фестивали династий. На данном мероприятии сотрудники организации делятся интересными историями своей семьи и тем, как их судьба связана с предприятиями МХК «ЕвроХим»⁴. Также компания создала особое приложение для сотрудников и членов их семей — «ЕвроХим Sport». Данное приложение мотивирует не только сотрудников фирмы, но и всех их семей поддерживать здоровый образ жизни и формировать в Кингисеппе здоровое и сильное население⁵.

¹ Энергия команды [Электронный ресурс]. URL: <http://www.time-king.su/news?id=11300> (дата обращения: 25.12.2022).

² Дисциплина мотивирует все успевать [Электронный ресурс]. URL: <https://kingisepp.bezformata.com/listnews/distciplina-motiviruet-vse-uspevat/102312902/> (дата обращения: 01.12.2022).

³ Фабрика идей [Электронный ресурс]. URL: https://time-king.ru/Files/doc_file/1671548341page01_merged.pdf (дата обращения: 16.12.2022).

⁴ Семейные фестивали династий [Электронный ресурс]. URL: <http://www.time-king.su/news?id=1137> (дата обращения: 16.12.2022).

⁵ II Семейный фестиваль династий «ЕвроХима» [Электронный ресурс]. URL: <https://vostbereg.ru/ii-semejnyj-festival-dinastij-evrohima/> (дата обращения: 22.12.2022).

Особое внимание «ЕвроХим» уделяет растущему молодому поколению. Именно свежие идеи и юные сердца станут фундаментом нового и светлого будущего компании и города Кингисепп. Чтобы поддержать растущее поколение, компания реализует программы по привлечению молодых талантов, успевающих в области науки, технологий, инжиниринга и математики, совместно с российскими и международными школами и университетами¹. Например, «ЕвроХим» является активным участником научных программ и олимпиад среди молодых ребят. Таким примером может послужить активное участие компании в поддержке Менделеевской олимпиады. Стоит также отметить, что образовательный проект «ЕвроХима» и Кингисеппского колледжа технологии и сервиса Ленинградской области выиграл право включения в федеральный проект «Профессионалитет» в 2022 г. и получил федеральный грант².

Также стоит рассмотреть влияние «ЕвроХим» на культуру жителей территории через корпоративную культуру на примере проекта, реализованного при поддержке государства и самой компании в городе Ковдор Мурманской области. Основываясь на историческую справку, данная территория имеет огромное историческое и культурообразующее значение в нашей стране. Места Ковдора были известны более 10 000 лет назад древним грекам. Они называли далекую северную страну Гиперборей. На территории «столицы Гипербореев» — Ковдора — располагается и ежегодно обнаруживается большое количество ценных артефактов, благодаря которым воссоздается культурное наследие города и даже был создан целый бренд. Сегодня не без усилий правительства Мурманской области и поддержки компании «ЕвроХим» данные культурные ценности активно продвигаются среди жителей всей нашей страны. Так, с созданием бренда «Ковдор — столица Гиперборей» развиваются туристические маршруты, привлекающие и знакомящие огромное количество людей с культурой отдельно взятого города в России. При поддержке компании «ЕвроХим» были созданы проекты «Гиперборейский Новый год» и «Гиперборейский шахматный турнир». Получается, что в данном случае культура страны для жителей города выступает как корпоративная культура для сотрудников предприятия. Сотрудники «ЕвроХима» своим участием в поддержке культурных ценностей Ковдора поддерживают традиции и мировоззренческие принципы жителей города. На данном примере можно сделать вывод, что компания под влиянием культурных и исторических ценностей Ковдора смогла помочь в создании целого культурного бренда территории.

Так, возвращаясь к примеру влияния «ЕвроХима» на ценностные ориентации Кингисеппа, можно сказать о том, что компания в данном случае оказывает воздействие на культуру и ценности внутри города. Однако в примере с Ковдором можно говорить о другой стороне влияния корпорации на ценности города. В данном случае получается, что «ЕвроХим» смог не только поддержать ценности и определенное мировоззрение у жителей города, а полноценно принять участие в создании целого бренда — «Ковдор — столица Гипербореев».

Результаты

Рассмотрев взаимосвязь между внутрикорпоративной культурой компании и культурой города, можно сделать вывод о том, что фирма может стать как источником, так и создателем культурных ценностей среди жителей определенной территории.

¹ Заслуженно высокий уровень [Электронный ресурс]. URL: <https://vostbereg.ru/zasluzhenno-vysokij-uroven/> (дата обращения: 19.12.2022).

² Компания «ЕвроХим» создала объединенный проектный институт [Электронный ресурс]. URL: https://finance.rambler.ru/business/49350533/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 12.01.2023).

При этом можно говорить как о поддержании уже существующей культуры, формируемой на протяжении многих лет, так и о внедрении новых ценностных ориентаций, основанных на личных внутрикорпоративных мировоззренческих принципах. Так, компания становится активным участником культурообразующего процесса внутри отдельного города, а как следствие и может оказать влияние на целую страну, как мы смогли выяснить, обращаясь к примеру взаимодействия «ЕвроХима» с городом Ковдор. Обеспечив поддержку в культурном развитии данной территории, компания смогла привлечь туда огромное количество туристов из всей России, тем самым показав, что разделяет определенные мировоззренческие принципы города раз поддерживает подобный крупный проект. Если же обратиться к внутрикорпоративной культуре «ЕвроХима» и культуре Кингисеппа, то можно говорить о том, что ценности отдельной единицы города — компании — помогают в формировании целостного культурного фундамента жителей Кингисеппа. Благодаря активному участию «ЕвроХима» в социальной жизни города, в своем большинстве в образовательной сфере, внутрикорпоративная ценность постоянного личностного роста закладывается в сознание подрастающего молодого поколения. Для своей компании «ЕвроХим» регулярно проводит обучение сотрудников без отрыва от работы в объеме 1 283 433 человекочасов. Реализуется это и в запуске обучающей онлайн-платформы, и в организации стажировок, и в создании системы наставничества. Компания поддерживает различные важные культурообразующие ценности как внутри коллектива, так и транслирует их на городской уровень, стимулируя и поддерживая интерес подрастающего поколения к работе в сельскохозяйственных структурах. Так, с открытием в 2021 г. детского технопарка в Кингисеппе при поддержке Фонда Андрея Мельниченко и компании «ЕвроХим» у ребят появляется мотивация к постоянному совершенствованию, и реализуются их личные амбиции. Другим вкладом в культурную составляющую Кингисеппа у «ЕвроХима» стало открытие Центра детского научного и инженерно-технического творчества. Таких примеров можно приводить много, но самое главное, что нам удалось определить — это то, какое важное значение может оказать внутрикорпоративная культура компании на ценности и культуру города. Таким образом, центральной идеей города и компании, которая во многом смысле является градообразующей, становится культурная компонента, объединяющая культурные слои: технологический и социальный, на их стыке образуются культурные бренды территории.

Обсуждение

В отношении культурного бренда территорий особенно применимо, что мировоззрение граждан подвержено влиянию, поскольку понятие культуры и культурного бренда ассоциируется с определенным образом жизни, жизненной философией и моделью поведения. Приверженность определенному культурному бренду характеризует человека со всех сторон. И этим необходимо пользоваться не только при продвижении брендов товаров и продуктов, машин и бытовой техники, но и культурного бренда территории как возглавляющей целый комплекс мероприятий, включенный в данный бренд.

Заключение (выводы)

В заключение хочется отметить, что корпоративная культура организации играет важную роль в формировании и развитии бренда территории. Достигается такой эффект благодаря воздействию компании и ее ценностных ориентаций на мировоззрение сотрудников, проживающих на определенной территории. На примере международной химической компании «ЕвроХим» нам удалось показать, как внутрикор-

поративные ценности транслируются на городской уровень, формируя при этом мировоззренческие принципы жителей Кингисеппа. «ЕвроХим» собрал воедино четыре составляющие ценностной ориентации всей фирмы: организация, личность, товар, ко-ребрендинг. На основе данных компонентов фирма построила особую мировоззренческую систему не только внутри коллектива, но и за ее пределами. Обращаясь к одному из основных составляющих ценностей — организации, — видно, что особенно поддерживается имидж лидера социальных изменений. Внутри компании действуют принципы целостности, открытости, доверия, преемственности поколений и безопасности сотрудников. Известно, что ценность — это понятие изменчивое, что говорит о постоянной и естественной смене определенных принципов в жизни каждого человека в связи с различными социальными, культурными и другими изменениями в обществе. «ЕвроХим» смог сформировать правильные ценностные ориентации внутри своего коллектива, которые также распространились и на Кингисепп в целом. Как известно, «мировоззрение — это духовная основа жизненной позиции личности, ядром которой являются свободно принятые и/или творчески преобразованные базовые ценности, реализуемые в ее поведении и выражающие собой целостное отношение к миру» [5, с. 38]. «ЕвроХим» в своем постоянном развитии внутри компании, воздействуя на духовные и социальные сферы жизни сотрудников, смог распространить мировоззренческие принципы за пределами стен компании, тем самым сформировав духовный фундамент жителей всего города. Создание центра детского научного и инженерно-технического творчества, поддержание олимпиад, организация приложения для отслеживания своего здоровья и состояния организма сотрудников, программы по преемственности поколений — все это базовые ценности работников «ЕвроХима», способствующие здоровому развитию как отдельного человека, так и целых семей. Таким образом, на примере крупной компании нам удалось показать, какую важную роль может играть отдельно взятая компания в целой системе городской культуры и в формировании духовной базы и мировоззренческих принципов жителей целого города.

Литература

1. Бельских И. Е. Многовариантный имидж территории на внутреннем и внешнем рынках глобального мира // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 29 (356). С. 2–10. EDN SIMWHR.
2. Гапоненко А. Л., Панкрухин А. П. Стратегическое управление : учебник. М : ОМЕГА Л. 2008.
3. Гришанин Н. В. Текст, символ и миф в семиотическом анализе городской культуры // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2007. № 1. С. 076–078. EDN PKMFJX.
4. Дафт Р. Л. Менеджмент. Издание 2-е. СПб. : Питер, 2002. 862 с.
5. Доброштан В. М. Аксиологические основы мировоззрения личности : монография. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, 2006. 136 с.
6. Доброштан В. М. Имеет ли смысл искать смысл жизни? (Статья 2. Выбор жизненных альтернатив) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2010. № 2. С. 52–55. EDN NBJVSH.
7. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. 21: Символ в системе культуры. Тарту, 1987.
8. Пашкус В. Ю. Экономика и культура: креативная экономика, государственное регулирование и подходы к оценке бренда территории / В. Ю. Пашкус, А. О. Булина // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 35 (362). С. 39–47. EDN SNAMDX.
9. Соколов Э. В. Понятие, сущность и основные функции культуры : учеб. пособие. Ленинград: ЛГИК, 1989 (1990). 83 с.
10. Танкиева Т. А. Бренды территории как основа продвижения региона (на примере Тульской области) / Т. А. Танкиева, А. В. Королев // Сервис plus. 2018. Т. 12. № 4. С. 56–69. DOI: 10.24411/2413-693X-2018-10406.

11. Федотова В.Г. Социальное государство и хорошее общество // Вопросы философии. 2019. № 11. С. 5–10. DOI: 10.31857/S004287440007344-3.
12. Федотова Н.Г. Культурная память города как символический ресурс территории // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 1 (19). С. 2. DOI: 10.34680/068e-cp40. EDN MVFVSM.
13. Харичев А.Д. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А.Д. Харичев, А.Ю. Шуттов, А.В. Полосин, Е.Н. Соколова // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 9–19. DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19.
14. Чирикова А.Е. Топ-менеджмент градообразующих предприятий и legislatures малых городов: персоны имеют значение / А.Е. Чирикова, В.Г. Ледяев // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18. № 1. С. 4–22. DOI 10.21638/spbu23.2022.101.
15. Чугров С.В. Мягкое притяжение Японии // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 53–67. DOI: 10.17976/jpps/2015.06.08. EDN UOHUVH.
16. Яковенко Н.В. Народные художественные промыслы как особый бренд культурного туризма депрессивного региона (на примере Ивановской области) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. Т. 9. № 4. С. 62–71. DOI: 10.12737/14533.
17. Aichner T. Country-of-origin marketing: A list of typical strategies with examples // Journal of Brand Management. 2014. Vol. 21. P. 81–93. DOI: 10.1057/bm.2013.24. DOI: 10.1057/bm.2013.24
18. Towards Effective Place Brand Management: Branding European Cities and Regions / ed. G. Ashworth, M. Kavaratzis. Edward Elgar Publishing, 2010. 296 p.

Об авторах:

Гришанин Никита Владимирович, старший научный сотрудник ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук», руководитель магистерской программы «Консалтинг и репутационный менеджмент в рекламе и связях с общественностью» Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат культурологии; grishanin-nv@ranepa.ru. ORCID: 0000-0001-8872-633X.

Миневич Яков Владимирович, старший научный сотрудник ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук», заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры» (Москва, Российская Федерация), кандидат социологических наук; minevich@rim-pn.ru

Меркушева Александра Сергеевна, бакалавр Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); amerkusheva-20@edu.ranepa.ru

References

1. Belskikh I.E. Multivariate image of the territory in the domestic and foreign markets of the global world // Regional economy: theory and practice [Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika]. 2014. N 29 (356). P. 2–10. EDN SIMWHR (in Rus).
2. Gaponenko A.L., Pankrukhin A.P. Strategic management : textbook. M. : Publishing house "OMEGA L", 2008 (in Rus).
3. Grishanin N.V. Text, symbol and myth in the semiotic analysis of urban culture // News of higher educational institutions. Problems of printing and publishing [Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela]. 2007. N 1. P. 76–78. EDN PKMFXJ (in Rus).
4. Daft R.L. Management. 2nd ed. SPb. : Piter, 2002. 862 p. (in Rus).
5. Dobroshtan V.M. Axiological foundations of a person's worldview. SPb. : Saint Petersburg State University of Technology and Design, 2006. 136 p. (in Rus).
6. Dobroshtan V.M. Does it make sense to look for the meaning of life? (Article 2. The choice of life alternatives) // Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Ser. 3: Economic, Humanitarian and Social Sciences [Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina. Seriya 3: Ekonomicheskie, gumanitarnye i obshchestvennye nauki]. 2010. N. 2. P. 52–55. EDN NBJVSH (in Rus).
7. Lotman Yu.M. Symbol in the system of culture. Works on sign systems. 21: A symbol in the cultural system. Tartu, 1987 (in Rus).
8. Pashkus V.Yu. Economy and culture: creative economy, state regulation and approaches to assessing the brand of the territory / V.Yu. Pashkus, A.O. Bulina // Regional economy: theory and

- practice [Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika]. 2014. N 35 (362). P. 39–47. EDN SNAMDX (in Rus).
9. Sokolov E.V. The concept, essence and main functions of culture : textbook. L. : Leningrad State Institute of Culture named after N. K. Krupskaya, 1989 (1990) (in Rus)
 10. Tankieva T.A. Brands of the territory as a basis for promoting the region (on the example of the Tula region) / T.A. Tankieva, A.V. Korolev // Service plus [Servis plus]. 2018. Vol. 12. N 4. P. 56–69. DOI: 10.24411/2413-693X-2018-10406 (in Rus).
 11. Fedotova V.G. Social state and good society // Questions of philosophy [Voprosy filosofii]. 2019. N. 11. P. 5–10. DOI: 10.31857/S004287440007344-3 (in Rus).
 12. Fedotova N.G. Cultural memory of the city as a symbolic resource of the territory // Scientific notes of the Novgorod State University [Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2019. N 1 (19). P. 1–4. DOI: 10.34680/068e-cp40 (in Rus).
 13. Kharichev A. D. Perception of basic values, factors and structures of socio-historical development of Russia (based on research and approbation) / A. D. Kharichev, A. Y. Shutov, A. V. Polosin, E. N. Sokolova // Journal of Political Studies [Zhurnal politicheskikh issledovaniy]. 2022. Vol. 6. N. 3. P. 9–19. DOI: 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19 (in Rus).
 14. Chirikova A. E. Top management of city-forming enterprises and the legislature of small towns: persons matter / A. E. Chirikova, V. G. Ledyayev // Political expertise: POLITEX [Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS]. 2022. Vol. 18. N 1. P. 4–22. DOI: 10.21638/spbu23.2022.101 (in Rus).
 15. Chugrov S.V. Soft attraction of Japan // Polis. Political studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2015. N. 6. P. 53–67. DOI: 10.17976/jpps/2015.06.08. EDN UOHUVH (in Rus).
 16. Yakovenko N.V. Folk art crafts as a special brand of cultural tourism in a depressed region (on the example of the Ivanovo region) // Modern problems of service and tourism [Sovremennye problemy servisa i turizma]. 2015. Vol. 9. N. 4. P. 62–71. DOI: 10.12737/14533 (in Rus).
 17. Aichner T. Country-of-origin marketing: A list of typical strategies with examples // Journal of Brand Management. 2014. Vol. 21. P. 81–93. 10.1057/ bm.2013.24. DOI: 10.1057/bm.2013.24.
 18. Towards Effective Place Brand Management: Branding European Cities and Regions / ed. G. Ashworth, M. Kavaratzis. Edward Elgar Publishing, 2010. 296 p.

About the authors:

Nikita V. Grishanin, PhD, Senior Researcher at the State Academic University of Humanities, Head of the Master's program "Consulting and Reputation Management in Advertising and Public Relations" of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); grishanin-nv@ranepa.ru. ORCID: 0000-0001-8872-633X.

Yakov V. Minevich, PhD, Senior Researcher at the State Academic University of Humanities, Head of the Department of Advertising and Public Relations at the Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russian Federation); minevich@rim-pn.ru

Alexandra S. Merkusheva, Bachelor of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); amerkusheva-20@edu.ranepa.ru

Деятельность органов военного управления по мобилизации военных строителей на создание непреодолимой обороны на Курской дуге

Гриднев В. П.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, valerijgridnev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Актуальность темы¹ объясняется тем, что в современных условиях гражданам России необходимо обратиться к традиционным ценностям, таким как российский патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память, преемственность поколений, единство народов Российской Федерации. Все эти ценности были продемонстрированы советским многонациональным народом в годы Великой Отечественной войны. Так, военные строители в период Курской битвы проявили мужество и трудовой героизм, создавая оборонительные рубежи для войск фронтов, которые нанесли жестокое поражение немецко-фашистским войскам на Курской дуге. Кроме того, воины-строители активно участвовали в подписке на Второй Государственный военный заем, в сборе средств в фонд помощи осиротевшим детям и др.

Ключевые слова: операция «Цитадель», органы государственного управления, Военный совет фронта, управление оборонительного строительства (УОС), управление военно-полевого строительства (УВПС), управление военно-строительных работ (УВСР), военные строители, стройармейцы, социалистическое соревнование

Для цитирования: Гриднев В. П. Деятельность органов военного управления по мобилизации военных строителей на создание непреодолимой обороны на Курской дуге // Управленческое консультирование. 2023. № 5. С. 95–100.

The Activities of Military Management Bodies to Mobilize Military Builders to Create an Insurmountable Defense on the Kursk Arc

Valery P. Gridnev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; valerijgridnev@yandex.ru

ABSTRACT

The relevance of the topic is explained by the fact that in modern conditions the citizens of Russia need to turn to traditional values, such as Russian patriotism, service to the Fatherland and responsibility for its fate, historical memory, continuity of generations, unity of the peoples of the Russian Federation. All these values were demonstrated by the Soviet multinational people during the Great Patriotic War. Thus, military builders during the Battle of Kursk showed courage and labor heroism, creating defensive lines for the troops of the fronts, which inflicted a severe defeat on the Nazi troops on the Kursk Bulge. In addition, the warrior-builders actively participated in subscribing to the Second State Military Loan, in raising funds for the fund for helping orphaned children, etc.

Keywords: operation “Citadel,” state administration bodies, Military Council of the Front, Department of Defensive Construction, Department of Military Field Construction, Department of Military Construction Works, military builders, construction army, socialist competition

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 [Электронный ресурс] URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 18.11.2022).

For citing: Gridnev V.P. The Activities of Military Management Bodies to Mobilize Military Builders to Create an Insurmountable Defense on the Kursk Arc // Administrative consulting. 2023. N 5. P. 95–100.

К 80-летию Курской битвы

Российская Федерация твердо и последовательно осуществляет активную и настойчивую борьбу за мир, обеспечивает суверенную государственность России, укрепляет обороноспособность страны и ее Вооруженных Сил¹. При этом органы государственного управления исходят из того, что мы должны постоянно быть в боевой готовности. Необходимость и правильность такого курса подтверждают уроки Второй мировой и Великой Отечественной войн, которые явились суровым испытанием жизнеспособности СССР и всего советского многонационального народа.

Яркой страницей в героической истории Великой Отечественной войны явилась Курская битва, завершившая ее коренной перелом в войне против нацистской Германии. «Поражение фашистской Германии в Курской битве показало всему миру, что Советский Союз, его Вооруженные Силы вполне в состоянии самостоятельно, без посторонней помощи выиграть войну» [4, с. 245].

«В результате неудачи операции „Цитадель“, — свидетельствовал впоследствии Г. Гудериан, генеральный инспектор бронетанковых войск фашистской Германии, — мы потерпели решительное поражение» [Там же].

В эту победу вписан и подвиг военных строителей, которые вместе с инженерными войсками и местным населением под руководством Военных советов фронтов и армий и иных органов управления создавали оборонительные сооружения и выполняли работы огромного масштаба.

Изучение и творческое освоение этого богатого опыта войск на Курской дуге имеет непреходящее значение. Поэтому обобщение опыта организаторской и идейно-воспитательной работы органов военного управления в битве под Курском будут способствовать обеспечению надежной обороноспособности Российской Федерации.

После ожесточенных сражений, длившихся непрерывно в течение девяти месяцев 1942–1943 гг., на советско-германском фронте наступило временное затишье. Воюющие стороны намечали планы дальнейших боевых действий. Гитлеровская Германия готовилась обрушить новые удары на Красную Армию и добиться победы в наступательной операции на Курской дуге, названной «Цитадель»². Ставка Верховного Главнокомандования (ВГК), разгадав коварный план врага и оценив обстановку, приняла решение: основные наши усилия сосредоточить в районе Курска, обескровить противника в преднамеренной оборонительной операции, а затем перейти в контрнаступление и его разгромить. Признавалось необходимым создать глубокую и прочную оборону на всем стратегическом фронте, особенно же мощную на курском направлении [2, с. 7].

Ставка ВГК потребовала от Военных советов Западного, Брянского, Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов и Степного военного округа (с 9 июля — Степной фронт. — В. Г.) создать непреодолимую оборону. «Использовать

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 15.01.2023).

² О проведении операции «Цитадель»: приказ от 15 апреля 1943 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://deutschewaffe.narod.ru/docs/doc7.htm> (дата обращения: 15.01.2023).

каждый час для укрепления обороны», — указывалось в директиве Ставки ВГК от 5 мая 1943 г. командующим войсками фронтов курского направления¹.

Руководствуясь директивой Верховного Главнокомандования, Военные советы фронтов и армий разработали конкретные планы по созданию оборонительных сооружений. Так, Военный совет Центрального фронта принял постановление «О строительстве фронтовых оборонительных рубежей», предусматривающее возведение на рубежах Плавск, Горбачево, Ефремов, Русский Брод, Ливны, по реке Тим, Введенское, Новый Тим, Старые Савины, Ивановка 54 ротных опорных пункта², превращение Курска в город-крепость. Выполнение поставленных задач Военный совет фронта возложил на управление оборонительного строительства № 34 (УОС-34)³.

В апреле 1943 г. советские войска приступили к планомерной подготовке обороны Курского выступа. Были проведены инженерные работы по созданию прочной обороны, которые продолжались три месяца, вплоть до июльского наступления немецко-фашистских войск. Линейные части РККА совместно с военными строителями рыли траншеи и окопы, строили блиндажи и землянки, готовили огневые позиции для артиллерии и минометов, создавали противотанковые районы и опорные пункты, устанавливали многочисленные противопехотные и противотанковые заграждения, оборудовали командные и наблюдательные пункты, приспособивали к круговой обороне населенные пункты.

Создание глубоко эшелонированной обороны было чрезвычайно сложным делом. Так, например, только личному составу УОС-34 в апреле 1943 г. необходимо было построить около 15 тысяч различных сооружений⁴. Не хватало техники — управление оборонительного строительства вместо 250 автомашин по штатному расписанию имело 34⁵. Военным строителям нередко приходилось работать под яростными бомбежками и обстрелами. Вспоминая о том грозном времени, бывший начальник УОС-22 полковник в отставке Корнев А. С. в своих мемуарах писал: «Не стихали воздушные бои. Сотни бомбардировщиков и штурмовиков бросал враг против наших войск... Не прекращалось строительство рубежей. Рыть приходилось под обстрелом и почти без всякой техники: она немедленно уничтожалась вражеским огнем. Для нас это, пожалуй, было самое тяжелое испытание за всю войну» [3, с. 139].

Все это требовало от командиров и политорганов усиления организаторской и политической работы среди военных строителей. Намечались конкретные мероприятия по успешному выполнению поставленных задач в установленные сроки, была развернута агитационно-пропагандистская работа по разъяснению личному составу значения строительства оборонительных сооружений и необходимости досрочного завершения этих важных работ.

Примером тому может служить УОС-34, где командование потребовало от управлений военно-полевого строительства (УВПС) и управлений военно-строительных работ (УВСР) составить суточные графики сдачи оборонительных сооружений. Эти графики были рассмотрены и утверждены начальником управления оборонительного строительства № 34⁶. УОС-34 на протяжении всего хода строительства осуществляло повседневный контроль за выполнением плана работ, оказывало помощь и принимало все меры по недопущению срывов строительства. Вот лишь один

¹ Из директивы Ставки ВГК от 5 мая 1943 г. командующим войсками Брянского, Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов // Военно-исторический журнал. 1983. № 6. С. 68.

² Подсчитано авт. по: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее: ЦАМО РФ). Ф. 30007. Оп. 1/Д. Д. 5. Л. 1.

³ ЦАМО РФ. Ф. 30007. Оп. 1/Д. Д. 5. Л. 1–2.

⁴ Там же. Ф. 226. Оп. 335. Д. 5. Л. 131.

⁵ Там же.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 335. Д. 5. Л. 133.

пример. В конце апреля — начале мая 1943 г. руководство УОС-34 проверило ход строительства оборонительных сооружений управлениями военно-строительных работ № 223 и № 434. Итог — УВСП № 223 не выполняет план оборонительных работ. Это явилось следствием того, что руководители УВСП не знали истинного положения дел, невнимания к организации питания и быта военных строителей, запущенности политико-воспитательной работы с личным составом¹.

Все это и стало предметом специального обсуждения на совещании командно-политического состава УОС-34 4 мая 1943 г. Руководство управления (УОС-34. — В. Г.) строго предупредило командиров и начальников УВСП № 223 и потребовало устранить недостатки и обеспечить неукоснительное выполнение плана работ².

Кроме того, в частях была усилена агитационно-пропагандистская работа. Было увеличено количество агитаторов и чтецов в подразделениях. Они подбирались из числа активистов, ибо успех воспитательной работы во многом зависел от них. Если в апреле в управлении военно-полевого строительства № 127 было 38 агитаторов и 26 чтецов, то в мае — соответственно 130 и 80 человек. В целом же в УОС-34 имелось 700 агитаторов и чтецов³.

Большую помощь управлению оборонительного строительства в активизации воспитательной работы постоянно оказывали Военный совет и Политическое управление Центрального фронта, а также органы власти Курской области. Например, Политическое управление по решению Военного совета фронта направило в распоряжение УОС около 70 офицеров для проведения воспитательной работы⁴. Офицеры, агитаторы и чтецы организовывали чтение газет, беседы по сводкам Совинформбюро, проведение митингов, лекций и докладов. Вот некоторые из тем: «Два года Отечественной войны Советского Союза», «Еще сильнее отпор фашистам», «Текущий момент и международное положение», «О зверствах немцев в Курске и области», «О необходимости повышения производительности труда» и др.⁵ О размахе агитационно-пропагандистской работы могут дать представление следующие данные: только в 15 управлениях военно-полевого строительства за полтора месяца (с 15 июня по 31 июля) 1943 г. было проведено 48 лекций и докладов с охватом 12 200 чел. личного состава⁶.

Вся проводимая офицерами и агитколлективами работа тесно связывалась с конкретными задачами. Они доводили до всех работающих на строительстве оборонительных рубежей обязанности перед Родиной и фронтом, ставили задачи повышения производительности труда и выполнения норм выработки, разъясняли, что никто из работающих не должен уходить с участка, не выполнив задания. Все политические мероприятия пронизывало требование ГКО и Ставки ВГК — создать в короткие сроки прочную, непреодолимую оборону⁷.

Благодаря хорошо организованной воспитательной работе было развернуто массовое социалистическое соревнование среди военных строителей за досрочное окончание строительства оборонительных рубежей. Направляя работу в этой области, начальник УОС-34 и его заместители требовали от командно-политического состава строго соблюдать принципы соревнования: гласность, сравнимость результатов, распространение передового опыта, товарищескую взаимопомощь, а также формы морального и материального стимулирования соревнующихся. Ежедневно на со-

¹ Там же. Л. 132.

² Там же.

³ ЦАМО РФ. Ф. 30007. Оп. 1/Д. Д. 7. Л. 223 об., 396.

⁴ Там же. Ф. 201. Оп. 384. Д. 10. Л. 8.

⁵ Там же. Ф. 226. Оп. 335. Д. 5. Л. 410–411.

⁶ Там же. Л. 411.

⁷ Подготовка к Курской битве: Документы и материалы // Воен.-ист. журн. 1983. № 6. С. 64–68.

браниях в строительных колоннах подводились итоги работы стройармейцев, в отрядах и бригадах — ежедневно. На всех участках, непосредственно на рубежах, были установлены доски показателей, где отмечались результаты работы лучших и отстающих людей и бригад. Ход соревнования регулярно освещался по радио, в специальных выпусках-листовках, стенной печати. УОС-34 совместно с Курским радиокомитетом организовали восемь тематических выступлений и передавали по радио свыше 100 сообщений о ходе строительства, активно использовалась агитмашина — за полтора месяца (15 июня — 31 июля) 1943 г. было выпущено более 400 боевых листовков¹.

Многие военные строители за ударный труд по представлению командиров и начальников поощрялись — 149 чел. были награждены командованием управления оборонительного строительства Почетными грамотами².

Все это не замедлило сказаться в практических делах. Производительность труда в 223-м управлении военно-строительных работ, которое раньше было отстающим, с 1 по 15 мая выросла с 16 до 83%³.

Многие военные строители показывали примеры высокого трудового героизма, тем самым проявляя безграничную преданность и любовь к Родине, ненависть к врагу, желание приблизить победу. Так, 55-летний стройармеец А. Е. Карякин (48 стройколонна) систематически выполнял задание на 125%, 53-летний М. Л. Толмачев, отец троих сыновей-фронтовиков, один из лучших стройармейцев 99-й колонны, — свыше 120%⁴. А в 22-м управлении оборонительного строительства каждый строитель в течение дня отрывал в среднем по 58 пог. м траншей, а некоторые — 90–120 пог. м при норме от 6 до 10,5 м [3, с. 140].

Порой приходилось браться и за оружие. Возводя ночью боевой рубеж для войск, личный состав УОС-22 оказал с оружием в руках помощь пехотинцам в отражении немецкой атаки. Военные строители под командованием офицеров Седова В. Ф., Дунько В. М. и Смирнова А. И. вместе с бойцами передового охранения отразили вражескую вылазку, а затем поднялись в атаку. В завязавшемся бою, проявив мужество и героизм, погиб комсомолец Бугаев И. [3, с. 142].

Стремление разгромить ненавистного врага, а также социалистическое соревнование способствовали рождению ценных инициатив среди военных строителей. Например, землекопы УОС-22 Ушаков и Носов предложили разрабатывать траншею «в забой». Суть этого метода заключалась в том, что по всей длине трассы сначала снимался растительный слой почвы — дерн, который укладывался на отведенные для этого места справа и слева от траншеи: он нужен был для маскировки и уплотнения брусчатки. После этого землекоп отрывал колодец глубиной в заданный профиль траншеи и начинал продвигаться вперед, причем все время находился на дне готового забоя, скрытый от вражеских пуль и осколков. Большая ценность такого способа, по оценке самих военных строителей, заключалась в том, что он давал возможность работающему все время находиться в укрытии, а это особенно важно было на Курской дуге, где воинам-строителям приходилось работать под обстрелом. Опыт передовиков показал, что успех в труде во многом зависел и от инструмента, что рыть траншеи лучше двумя лопатами — штыковой и совковой (подборочной). Черенки их тщательно полировались и делались съёмными, для того, чтобы каждый землекоп мог подобрать удобную для себя лопату [3, с. 140–141].

В ходе развернувшегося социалистического соревнования в частях и подразделениях с необычайной силой проявился горячий патриотизм военных строителей.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 335. Д. 5. Л. 162, 412.

² Там же. Ф. 30007. Оп. 1/Д. Д. 7. Л. 407.

³ Там же. Л. 223.

⁴ Там же. Ф. 226. Оп. 335. Д. 5. Л. 413.

Это нашло отражение не только в самоотверженном труде стройармейцев, но и в широком участии воинов в подписке на Второй Государственный военный заем, в сборе средств в фонд помощи осиротевшим детям. Хороший пример показал личный состав управления военно-полевого строительства № 102 (УОС-28), подписавшийся на Второй Государственный военный заем на 103%, а по инициативе комсомольцев УОС было собрано в течение только июля 1943 г. около 75 тыс. руб. в фонд помощи осиротевшим детям¹.

Патриотическое движение военных строителей, развернувшееся в ходе Курской битвы, всесторонне раскрыло их любовь к Родине, монолитность фронта и тыла.

Операция «Цитадель» потерпела крах благодаря мужеству и героизму многонационального советского народа, его Вооруженных Сил, в том числе и военных строителей, которые, жертвуя своей жизнью, создавали оборонительные сооружения для Рабоче-Крестьянской Красной Армии, а также результативности деятельности органов военного управления и умению командиров и военачальников управлять войсками.

В результате Курской битвы завершился коренной перелом, окончательный и необратимый в Великой Отечественной войне. «Были разгромлены 30 фашистских дивизий, в том числе 7 танковых. Потери немецких сухопутных войск составили более 500 тыс. человек, 1500 танков, 3000 орудий, свыше 3700 боевых самолетов. Крупное поражение на Курской дуге явилось для немецкой армии началом смертельного кризиса» [1, с. 282–283].

Литература

1. *Василевский А. М.* Дело всей жизни. 5-е изд. М. : Воениздат, 1984. 496 с. (Военные мемуары).
2. *Конеv И. С.* Записки командующего фронтом. 1943–1945. М. : Наука, 1985. 526 с. (Военные мемуары).
3. *Корнев А. С.* У них были мирные профессии. М. : Воениздат, 1962. 184 с. (Военные мемуары).
4. *Устинов Д. Ф.* Во имя победы: Записки наркома вооружения. М. : Воениздат, 1988. 320 с. (Военные мемуары).

Об авторе:

Гриднеv Валерий Павлович, профессор кафедры общественных наук Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; valerijgridnev@yandex.ru

References

1. Vasilevsky A. M. The matter of life. 5th publisher. M. : Voenizdat, 1984. 496 p. (Military memoirs) (in Rus).
2. Konev I. S. Notes of the front commander. 1943–1945. M. : Nauka, 1985. 526 p. (Military memoirs) (in Rus).
3. Kornev A. S. They had peaceful professions. M. : Voenizdat, 1962. 184 p. (Military memoirs) (in Rus).
4. Ustinov D. F. To the Victory: Notes of the People's Commissar of Arms. M. : Voenizdat, 1988. 320 p. (Military memoirs) (in Rus).

About the author:

Valery P. Gridnev, Professor of Chair of Social Sciences of North-West Institute of Management of RANEP (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; valerijgridnev@yandex.ru

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 36. Д. 427. Л. 4, 5.

Из истории государственного руководства высшей школой в России

(проблемы статуса, квалификации, материального положения преподавателей)*

Гуркина Н. К.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; nina-gurkina@yandex.ru

РЕФЕРАТ

С целью признания особого статуса представителей профессии указом Президента Российской Федерации В. В. Путина 2023 год объявлен Годом педагога и наставника. Депутат Государственной Думы РФ О. Н. Смолин назвал проблему статуса преподавателя системной, то есть затрагивающей все элементы и ступени системы образования и требующей решения на уровне государственной власти. Состояние современной высшей школы педагогической и научной общественностью оценивается как кризисное, а проблема статуса профессора и преподавателя отмечается как наиболее острая и «горячая». Исследование государственного управления высшей школой в решении проблем обеспечения статуса, квалификации и материального положения преподавателей необходимо как с научной, так и с социально-практической точки зрения.

В статье привлечено внимание к дореволюционному периоду в истории России, когда складывалась система высшей школы с ее характерными особенностями в законодательном, материально-правовом и других аспектах обеспечения статуса преподавателя, значительно различающегося в высших учебных заведениях различной ведомственной принадлежности. В первое десятилетие советской власти развитие высшего образования привело к значительным негативным изменениям в положении и статусе преподавателя. В 30–40-е годы образовательная политика государства привела к созданию системы образования, получившей всемирное признание. Государственное руководство высшей школой как одну из важнейших задач рассматривало решение проблемы повышения квалификации, социального и материального положения преподавателя. Образ науки, высшей школы, «ученого сословия» не просто менялся в массовом сознании, но и специально формировался как обществом, так и государством. Создать эффективную и конкурентоспособную высшую школу, отвечающую национальным интересам страны, можно только с опорой на оправдавшие себя традиции и несомненные общепризнанные достижения.

Ключевые слова: преподаватель высшей школы, профессор, образовательная политика, статус, квалификация, материальное положение, научная деятельность

Для цитирования: Гуркина Н. К. Из истории государственного руководства высшей школой в России (проблемы статуса, квалификации, материального положения преподавателей) // Управленческое консультирование. 2023. № 5. С. 101–112.

From the History of the State Leadership of the Higher School in Russia (Problems of Status, Qualifications, Financial Situation of Teachers)

Nina K. Gurkina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; nina-gurkina@yandex.ru

*Статья подготовлена в рамках участия автора в ноябре 2022 г. в Международной научной конференции «Горчаковские чтения». Внимание к отдельным аспектам темы привлекалось также в выступлении на VI Международном Невском форуме в июне 2022 г.

ABSTRACT

In order to recognize the special status of representatives of the profession, the decree of the President of the Russian Federation V.V. Putin declared 2023 the Year of the Teacher and mentor. The deputy of the State Duma of the Russian Federation O.N. Smolin called the problem of the status of a teacher systemic, that is, affecting all elements and stages of the education system and requiring solutions at the level of state power. The state of modern higher education is assessed by the pedagogical and scientific community as a crisis, and the problems of the status of professor and teacher are noted as the most acute and "hot". The study of public administration of higher education in solving the problems of ensuring the status, qualifications and material position of teachers is necessary both from a scientific and from a socio-practical point of view.

The article draws attention to the pre-revolutionary period in the history of Russia, when the system of higher education was formed with its characteristic features in legislative, substantive and other aspects of ensuring the status of a teacher, which significantly differs in higher educational institutions of various departmental affiliation. In the first decade of Soviet power, the development of higher education led to significant negative changes in the position and status of the applicant. In the 30s and 40s, the educational policy of the state led to the creation of an education system that received worldwide recognition. The state management of the higher school as one of the most important tasks considered the solution of the problem of professional development, social and financial situation of the teacher. The image of science, higher education, and the "scientific class" not only changed in the mass consciousness, but was also specially shaped by both society and the state. It is possible to create an effective and competitive higher school that meets the national interests of the country only with the support of proven traditions and undoubted universally recognized achievements.

Keywords: high school teacher, professor, educational policy, status, qualification, financial situation, scientific activity

For citing: Gurkina N.K. From The History of the State Leadership of the Higher School in Russia (Problems of Status, Qualifications, Financial Situation of Teachers) // Administrative consulting. 2023. N 5. P. 101–112.

Указом Президента РФ В.В. Путина 2023 год объявлен Годом педагога и наставника. С 2021 г. 19 ноября — день рождения великого ученого, создателя Московского университета М.В. Ломоносова — отмечается как День работника высшей школы. Поздравляя преподавателей вузов 19 ноября 2022 г., В.В. Путин отметил, что от таланта педагога, его самоотдачи, душевной щедрости, уважения к созидательному, творческому наследию своих предшественников зависит не только подготовка молодежи к самым разным сферам деятельности, но и формирование у молодого поколения ответственной общественной позиции, приверженности к традиционным духовно-нравственным ценностям. Министр высшего образования СССР с 1954 по 1985 г. В.П. Елютин, подчеркивая значение и роль научно-педагогических кадров высшей школы в общественном прогрессе, писал: «Именно преподавателю, призванному сочетать талант ученого с искусством педагога, а глубокоую научную культуру с высоким сознанием своего общественного долга, доверено одно из наиболее сложных и ответственных дел — обучение и воспитание высококвалифицированных специалистов, приобщение их к достижениям человеческой культуры... целенаправленное воздействие на профессиональное и гражданское становление» [8, с. 363].

Истории создания и развития высшего образования в России, эволюции государственной образовательной политики, в том числе решений государства, направленных на обеспечение достойного места преподавателя высшей школы в обществе, посвящена обширная историография [2; 5; 8; 9; 10; 11; 14; 18; 19 и др.]. Разнообразные аспекты истории высшей школы на различных исторических этапах рассматривались как в специальных трудах, так и в работах, посвященных русской и советской культуре, интеллигенции, студенчеству, культурному строительству

и молодежной политике в СССР, истории науки и техники и т. д. В рамках данных исследований изучались вопросы профессиональной подготовки, социального состава и численности, правового и материального положения, профессиональной, научной и общественной деятельности преподавателей высшей школы. Проблема статуса преподавателя высшей школы, ставшая за последние десятилетия одной из самых острых в образовательной среде, что нашло свое отражение в публицистике [6, с. 47–48], стала предметом специального исторического изучения, — пока в основном на уровне статей и выступлений на конференциях [13, 15, 16 и др.]. Состояние современной системы высшего образования, задачи, стоящие перед страной на современном этапе, требуют дальнейшего исследования темы и выработки с учетом исторического опыта государственных решений для сохранения и развития суверенной системы образования в России, в которой роль преподавателя всегда была ключевой.

Высшее образование в России появилось позднее, чем в Европе и полностью по воле государства. В 1687 г. в Москве было открыто Славяно-греко-латинское училище (академия) для подготовки кадров высшего духовенства и государственных чиновников. По инициативе Петра в 1725 г. в новой столице был создан важный научно-просветительский центр — Академия наук с университетом и гимназией. Преподавали в первом университете немецкие профессора, приехавшие в Россию по контракту, впоследствии за границей стали готовить молодых русских профессоров. 25 января 1755 г. императрицей Елизаветой был подписан указ об основании Московского университета. Комментируя образовательную деятельность государства в XVIII в., П. Н. Милюков писал: «Второй опыт устройства высшей общеобразовательной школы в России оказался на первых порах неудачным. На запрос Екатерины о причинах неудачи московские профессора (1765) ссылались на недостаток средств, не позволявший заполнить пустовавшие кафедры, на отсутствие автономии и на тормозящую роль „директора“, — начальника по назначению правительства, который, „не будучи собственно из ученого состояния“, склонен „больше препятствовать, нежели споспешествовать“ развитию университета. Они требовали далее улучшения социального и материального положения профессоров... они настаивали на том, что потом провел Сперанский, — на признании университетского экзамена необходимым условием при поступлении на государственную службу» [12, с. 262]. Очень важными факторами неудовлетворительного положения высшей школы, по мнению Милюкова, являлись — как «отсутствие правильно организованной средней школы» — обязательного условия для качества студенческого контингента, так и в целом, — отсутствие в обществе «потребности в высшем образовании», которое правительству было необходимо «лишь для целей «государственной службы». Удивительная переключка обнаружилась в реалиях XVIII в. и дня сегодняшнего!

В XIX в. была создана единая система образования с впервые созданным Министерством народного просвещения и целой сетью высших учебных заведений — университетов и специализированных вузов (среди них — Лесной, Технологический, Горный, Электротехнический, Инженеров путей сообщения в Петербурге). К концу века в стране работало 63 высших учебных заведения, к 1917 г. — 124 (65 — государственных и 59 — общественно-частных) [5, с. 39]. Потребностям модернизирующейся страны на рубеже веков ни в количественном, ни в качественном отношении система высшего образования не соответствовала. Перспективный план развития российской высшей школы, включающий открытие новых университетов (к 11 университетам и 40 школам университетского типа) с медицинскими факультетами и других высших учебных заведений, в том числе в отдаленных районах страны, был разработан только в 1916 г. под руководством министра просвещения П. Н. Игнатьева. Наиболее авторитетный специалист по высшей школе дореволю-

ционной России А. Е. Иванов определил ее состояние к февралю 1917 г. как кризисное [10, с. 353].

Образ дореволюционного профессора в массовом сознании часто складывается из стереотипов, почерпнутых из художественной литературы или кинофильмов. Статус профессора и его социокультурный облик, однако, менялись на протяжении десятилетий и зависели от многих факторов. Государственное управление высшей школой и кадровая политика в этой сфере осуществлялись многими ведомствами, среди которых кроме Министерства народного просвещения были Святейший синод, Министерства торговли и промышленности, внутренних дел, земледелия, военного и др. Каждое ведомство разрабатывало свои нормативно-правовые акты, «пробивало» финансирование своих учебных заведений.

Особое место в государственном устройстве Российской империи занимали университеты — учебные заведения со строго определенными функциями, бюджетом, штатами, делопроизводством. Численность студенчества университетов составляла в предреволюционный период около 50% совокупного студенческого контингента [3, с. 151]. В истории российских университетов было 4 устава (кроме учреждающего 1755 г.): 1804 г., 1835 г., 1863 г. (наиболее либеральный из всех дореволюционных), 1884 г. Уставами определялись уровень автономии университетов, учебные планы и программы, порядок выборов (или назначения) на должности и т. д. Содержание и направленность кардинальных статей этих законодательных актов корректировались применительно к изменениям внутривластного политического курса. Для этой цели вводились также «временные правила», разрабатываемые соответствующими министерствами и ведомствами. В ходе революции 1905 г. были приняты «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения» (не всегда впоследствии соблюдаемые), согласно которым восстанавливались выборность профессоров и автономия университетов, ослаблялся надзор за студентами.

Данные о численности профессорско-преподавательского состава в вузах дореволюционной России существенно отличаются в работах разных исследователей. Наиболее высокую цифру — около 6 тыс. чел. [11, с. 97] — большинство историков считает завышенной, так как в вузах, как и в гимназиях, большое распространение получило совместительство. А. Е. Иванов насчитывает в конце XIX в. около 2,5 тыс. профессоров и преподавателей (профессоров около 30%), в 1913–1914 гг. — около 4,5 тыс., при этом 34,5% штатных мест в вузах были вакантными. В 1913 г. только в университетах числилось 655 внештатных преподавателей — приват-доцентов, которые ради заработка были вынуждены совместительствовать [10, с. 206–207]. Наряду с низкой оплатой труда младших преподавателей причиной нехватки педагогов являлась «крайне несовершенная система подготовки научных кадров высшей школы России». Отсутствовала также единая научно-аттестационная система.

Профессорско-преподавательский корпус высших учебных заведений пополнялся за счет выпускников, защитивших магистерские и докторские диссертации или известных научными публикациями и научно-практическим опытом. Окончательное решение об оставлении способных студентов в учебном заведении принимали соответствующие министерства. Так называемые «профессорские стипендиаты» (аспиранты) получали стипендию — 600 руб., с 1909 г. — 1200. К сожалению, получали государственное вспомоществование менее половины готовящихся к преподавательской деятельности. «Научный труд для многих талантливых ученых ныне превратился в научный аскетизм. Посему и университетские кабинеты и лаборатории значительно опустели, а научная работа в них увяла», — отмечал на совещании 1902 г. по реформе высшей школы профессор Демидовского юридического лица В. Г. Щеглов [10, с. 213]. Далеко не все в таких условиях (как и в современных!) продолжали научную деятельность, но «процесс формирования ученых, пробивав-

шихся в науку как первое поколение интеллигенции, шел непрерывно» [11, с. 98]. Продолжалась демократизация состава преподавателей высшей школы за счет разночинцев. На рубеже веков в науке и преподавании значителен рост представителей второго и третьего поколений российской интеллигенции.

Правовое и материальное положение преподавательского корпуса регламентировалось уставами учебных заведений и ведомственными административными предписаниями. Университетские уставы были образцом для других учебных заведений. Своеобразной иллюстрацией кадровой политики Устава 1884 г. стали слова министра народного просвещения И. Д. Делянова: «Лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который, несмотря на свою ученость, действует на умы молодежи растлевающим образом» [10, с. 230]. Защита диссертаций, избрание на должность обычно проходили в учебных заведениях с утверждением (или не утверждением) министром или попечителем учебного округа. В отдельные периоды (1905 г.) удавалось добиваться большей самостоятельности, когда даже кандидатов в ректоры выдвигали советы профессоров. Большинство ведомств предпочитали назначение на должности преподавателей.

Со второй половины XIX в. в стране росло понимание значимости научного знания, высшего образования, повышался социальный престиж людей науки. Профессура, становясь все более заметной стратой российского общества, осознавая свою роль в развитии образования и культуры, вела активную борьбу за свои профессиональные права, которая на рубеже веков часто получала продолжение в общественно-политической борьбе интеллигенции. Требования академических свобод мотивировались потребностями экономического и культурного прогресса России. В 1905 г. был создан либеральный Академический союз, в который вошли 1800 профессоров и преподавателей 39 высших учебных заведений. Почти в полном составе они влились в конституционно-демократическую партию. Примерами участия представителей преподавательского общества в оппозиционных выступлениях, как и примерами репрессивной деятельности царского правительства в отношении ученых и преподавателей высшей школы, наполнены страницы работ В. Р. Лейкиной-Свирской, А. Е. Иванова [11, с. 105–116; 10, с. 230, 242–248], других исследователей истории высшей школы и интеллигенции дореволюционной России. «Русский профессор находится под особым полицейским надзором. Каждый его шаг и каждое неосторожно сказанное слово могут вызвать и не раз вызывали полицейские и административные возмездия, в результате которых являлось прекращение профессорской деятельности, стеснение, а иногда многолетнее ослабление научной работы», — писал В. И. Вернадский [10, с. 243]. Впрочем, как отмечают исследователи высшей школы, общественно-политический облик преподавательского корпуса дореволюционной России был неоднородным, его консервативная часть видела в самодержавии гарантов своих сословных прав и привилегий.

Высокий статус преподавателей высшей школы в дореволюционной России подтверждался их местом в Табеле о рангах. Преподаватель высшей школы соответствовал 7–8-му классу, экстраординарный профессор (без докторской степени) — 6-му классу. Должности профессоров высших учебных заведений соответствовали по чину статскому советнику (5-й класс), как и должности вице-губернаторов, должности ректоров — 4 классу — чинам действительного статского советника, генерал-майора, контр-адмирала, а также губернатора. Профессор, а затем директор Петербургского Электротехнического института Н. Н. Качалов в 1905 г. был назначен губернатором Архангельской губернии. Контр-адмирал Н. А. Римский-Корсаков после двухлетнего губернаторства в той же губернии стал начальником Николаевской морской академии и Морского кадетского корпуса [4].

В заработной плате преподавателей вузов наблюдался «большой разницей». Оплата зависела от ведомственной принадлежности вуза, педагогической нагрузки, стажа, статуса преподавателя, системы гонораров. Начальное профессорское жалование по уставу 1884 г. составляло 2000 руб. (в проектах начала XX в. планировалось поднять его до 4500 руб.). Примерно такую зарплату реально (часто — выше) получали профессора со стажем. В 1902 г. для преподавателей высших учебных заведений была установлена 20% надбавка (не во всех вузах ее получали). За 25 лет стажа выплачивалась пенсия. Педагогическая нагрузка не должна была превышать 10 ч в неделю. Вопрос о повышении заработной платы (особенно это касалось молодых преподавателей без степени) являлся в начале XX в. частью требований реформы высшей школы. В частности, отмечалось, что приват-доценты были обеспечены хуже, чем преподаватели гимназий. Разные штатные оклады имели часто преподаватели не только вузов разной ведомственной принадлежности, но и работающие в вузах одного ведомства и т. п. [11, с. 98–100].

В истории советского периода можно выделить два важных этапа развития высшего образования. Реформы, начавшиеся с 1918 г., привели к заметному понижению статуса преподавателя высшей школы. Декретом СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» провозглашалось, что каждый, достигший 16 лет, принимается в вузы без экзаменов и предоставления документа о среднем образовании. Обучаться в вузах применяемым таким образом студенты (в Московский университет в 1918 г. поступили в 5 раз больше, чем в 1913 г.) не могли, поэтому с 1919 г. была создана «пожарная лестница в вузы» для рабочих (по образному выражению А. В. Луначарского) — рабочие факультеты (рабфаки). Уставом высшей школы 1921 г. ликвидировалась ее автономия, вузы подчинялись советскому правительству в лице Народного комиссариата просвещения, обязательным стало изучение марксистских дисциплин (при этом были закрыты некоторые гуманитарные кафедры и факультеты). В 1922 г. было принято «Положение о высших учебных заведениях» (дополнялось в 1925 г. и в 1928 г.), в котором формулировались основы управления высшей школой и были расширены права профессорско-преподавательского состава [5, с. 39–46].

Отмена в 1919 г. ученых степеней (степень доктора восстановлена в 1926 г.) открыла дорогу в вузы «красной профессуре» — выпускникам специально созданных учебных заведений, ставших центрами марксистского обществоведения. Экспериментальные методы обучения, часто позаимствованные на Западе (бригадно-лабораторный, «малых групп», проектов и др.), входили в практику обучения, некоторые из них (бригадный метод, отмена традиционных экзаменов) стали активно использоваться в первые годы индустриализации в погоне за количеством выпущенных специалистов. Выступавшие как против излишней идеологизации («не вписавшиеся»), так и против дезорганизации учебного процесса и снижения качества образования в результате необоснованных экспериментов, подвергались «чисткам» как со стороны администрации, так и общественных организаций, в том числе студенческих. В 1923 г. более 25% должностей профессоров и ассистентов в вузах были незанятыми [5, с. 48].

Данная сторона работы высшей школы в первые послереволюционные годы в постсоветский период была со многими преувеличениями растиражирована как в научных исследованиях, так и в массовом сознании. Известный историк, специалист по проблемам формирования советской интеллигенции, в своих работах доказывает, что при значительных изменениях в статусе и материальном положении преподавателя высшей школы в послереволюционной России, вызванных часто объективными причинами, правительством принимались реальные усилия и конкретные меры по улучшению материального положения работников высшей школы и «привлечению абсолютного большинства старых «спецов» на сторону советской

власти [16]. Как отмечает другой исследователь, постоянный рост численности вузов в 20-е годы (иногда это были восстановленные после закрытия в годы революции и гражданской войны учебные заведения) приводил к тому, что «уволенные в одном месте преподаватели, как правило, сохраняли свою позицию в другом высшем образовательном учреждении». Численность преподавателей вузов росла из года в год (в частности, с 18 тыс. в 1927/28 уч. году до 47 тыс. в 1930/31 уч. году) [19, с. 169, 171]. Чтобы не возвращаться к вопросу ущемления прав и свобод преподавателей высшей школы в СССР (особенно много внимания уделялось в исследованиях последних десятилетий теме репрессий сталинского периода, которые, безусловно, привели ко многим разрушениям и потерям в высшем образовании), повторим вывод еще одного авторитетного автора — специалиста как по истории медицинского образования в России, так и в целом высшего образования: «Несмотря на все сложности, процесс шел по нарастающей...». Важнейшие для страны задачи высшей школой успешно решались [9, с. 395, 403].

Рост численности вузов продолжался все годы первых пятилеток. К 1941 г. в стране было 817 учебных заведений (в РСФСР — 481), в которых обучались 811,7 тыс. студентов [5, с. 51]. Уже к концу второй пятилетки Советский Союз вышел на первое место в мире по числу учащихся и студентов, по темпам подготовки специалистов. В 1929–1930 гг. вся система высшего и среднего технического образования в связи с значительным ростом инженерно-технических вузов была перестроена. Для заново создававшихся в стране отраслей промышленности создавались специальные вузы и факультеты (с отраслевым управлением), в 1932 г. был создан Всесоюзный комитет по высшему техническому образованию (упразднен в 1936 г. в связи с созданием Всесоюзного комитета по делам высшей школы). В большинстве областных и республиканских центров страны в эти годы открылись медицинские и педагогические высшие учебные заведения. В 1934 г. были восстановлены исторические факультеты в Московском, Ленинградском, а затем и в других университетах. В вузах страны в предвоенном учебном году работали 61,4 тыс. научных работников и преподавателей [1, с. 187].

В результате целенаправленной государственной политики в 30–40-е годы была в основных чертах сформирована советская система образования. Всеобщность и обязательность образования, устойчивая школьная система с преемственными ступенями и общеобразовательным характером, фундаментальность и системность в содержании образования, повышение роли учительства позволили создать школу, которая существовала весь советский период и «являлась одной из лучших в мире» [6, с. 52]. Реформы 30-х гг. в сфере высшей школы стали частью образовательной политики государства. Принятые в эти годы постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в высшей школе» 1932 г., «О подготовке научных и научно-педагогических кадров работников» 1934 г., «О приеме в вузы и техникумы» 1935 г., «О работе высших учебных заведений и руководстве высшей школой» 1936 г., «Об образовании Всесоюзного комитета по высшей школе при СНК СССР» 1936 г., «Об ученых степенях и званиях» 1937 г. и 1938 г., «О введении штатных должностей и окладов для профессорско-преподавательского состава в вузах» 1937 г., «Положение об аспирантуре» 1939 г., «О правилах приема в высшие учебные заведения» 1940 г. и др. были направлены не только на решение назревших задач совершенствования высшей школы, адекватной потребностям модернизирующейся и готовящейся к войне страны, но и закладывали основы создания системы высшего образования, нацеленной на перспективы последующего развития.

Рубежным стало постановление 1936 г. «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой», в котором «со всей полнотой были обозначены болевые точки высшего образования, четко определены основные направления ор-

ганизации высшей школы...» и механизмы реализации перестройки высшей школы [9, с. 141–142]. Состояние подготовки кадров в высшей школе было признано «неудовлетворительным». Среди недостатков отмечались — необеспеченность вузов научно-педагогическими кадрами, отсутствие соответствующих уровню высшего образования учебных пособий и материальной базы, неудовлетворительный прием («состав студентов засоряется малограмотными, случайными людьми»), использование давно осужденных методов обучения («бригадно-лабораторный»), отсутствие всесторонней воспитательной работы студенчества [7, с. 91–92].

В постановлениях по высшей школе 30-х годов регламентировались все составляющие работы высших учебных заведений. В правилах приема в вузы четко прописывались сроки, перечень документов и вступительных экзаменов, требования к поступающим (были отменены социальные критерии к поступающим, главным стало — «наивысшие оценки»). Основной формой подготовки к вузу провозглашалась средняя школа, перешедшая в эти годы на предметное обучение, значительно повысившая уровень и качество образования. Огромное внимание в школе в эти годы уделялось укреплению «сознательной дисциплины» школьника как основному фактору повышения качества обучения (в 1944 г. была принята Инструкция Наркомпроса о выдаче аттестата об окончании школы только при отличной оценке по поведению) [6, с. 55]. В постановлении 1936 г. имелся раздел «О порядке и дисциплине в высшей школе», где содержался, наряду с другими, пункт о «твердом расписании» дней и часов приема директором, заместителями и деканами факультетов — отдельно для профессорско-преподавательского состава, отдельно — для студентов.

Были установлены сроки начала и окончания занятий, определены количество учебных часов на неделю, обязательность «твердого учебного расписания»: «Учебное расписание вуза должно утверждаться на весь учебный год и опубликовываться перед окончанием текущего года» [7, с. 95]. Были введены единые формы студенческого билета, зачетной книжки и диплома. Устанавливались три вида работы студента с преподавателем: лекции (читаются профессорами и доцентами), практические занятия, производственная практика. Отменялась существующая практика текущего учета успеваемости студентов, устанавливался единственный критерий успеваемости — сдача экзаменов по лекционным курсам (принимаемых лекторами) и зачетов по практическим занятиям. Устанавливались отметки успеваемости — неудовлетворительно, удовлетворительно, отлично (в последующие годы утвердилась пятибалльная система, в 1944 г. была принята Инструкция Наркомпроса о применении пятибалльной системы с критериями оценки знаний учащихся) [7, с. 278–279].

Значительное место в постановлениях 30–40-х годов уделялось совершенствованию учебно-методической работы, в том числе переработке учебных планов, подготовке новых программ и учебников, усилению общетеоретической подготовки специалистов. Огромное внимание уделялось научно-педагогическим кадрам вузов и научных учреждений. Были установлены ученые степени кандидата и доктора наук, ученые звания — ассистента, доцента, профессора. Аспирантура (очная и заочная), созданная постановлением 1925 г., признавалась основной формой подготовки профессорско-преподавательских и научных кадров, определялись четкий порядок зачисления, учебной подготовки аспирантов, их права и обязанности (в частности, обеспечение государственной стипендией на 3 года обучения). В 1938 г. в аспирантуре 288 вузов и 267 научно-исследовательских институтов обучались 13 тыс. аспирантов [8, с.375]. СНК СССР и ЦК ВКП(б) в постановлении 1936 г. осудили «распространенные среди работников наркоматов и учебных заведений взгляды, что кафедры высших учебных заведений не должны заниматься научно-исследовательской работой, а ограничиваться учебно-

педагогической деятельностью» [7, с. 100–101]. Были введены индивидуальные планы научно-исследовательской работы для каждого сотрудника кафедр, а руководству предписывалось создать все условия для систематического повышения научной квалификации работников. Научно-исследовательская деятельность стала рассматриваться с этого периода как важнейший фактор роста квалификации профессорско-преподавательского состава, как значимое средство совершенствования высшего образования.

Важную роль в улучшении материального положения работников высшей школы сыграло введение штатно-окладной системы для профессорско-преподавательского состава. Низкая оплата труда большинства преподавателей вынуждала их (как в дореволюционные годы) совмещать работу в нескольких учебных заведениях. С 1937/38 учебного года отменялся действующий порядок почасовой оплаты и вводилась система штатных должностей для преподавателей и учебно-вспомогательного персонала (совместительство не приветствовалось). Должностной оклад старшего лаборанта с высшим образованием составлял (в зависимости от стажа) 450–550 руб. преподавателя без степени — 500–600 руб., со степенью — 600–800 руб. Доцент, кандидат наук получал 700–900 руб., профессор, доктор наук — от 1000 до 1300 (стаж свыше 10 лет). Заведующий кафедрой, доктор наук и профессор зарабатывал от 1100 до 1500. Оклад директора вуза 1-й категории составлял 1300 руб. (3-й категории — 1000 руб.). Таким образом подчеркивалось, что главное лицо в высшей школе — доктор наук и профессор. Данное постановление позволило повысить заработную плату преподавателей на 50–100%. Рабочий день преподавателя высшей школы составлял 5 часов и включал чтение лекций, проведение практических занятий, руководство проектированием, консультирование, разработку учебных планов и программ и научно-исследовательскую работу. Работа со студентами в рамках пятичасовой работы должна была составлять от 2 до 2,5 ч для профессора, от 2,5 до 3 ч для доцента [9, с. 144–145].

Преподаватели высшей школы, как и учителя средней, имели право на пенсионное обеспечение после 25 лет работы. Существовали льготы для поступления в вузы детей преподавателей, льготы при обеспечении жилплощадью (впоследствии появилось постановление о выделении дополнительно 12 м² имеющему степень кандидата наук «для кабинета») и т. п. Повышение статуса школьных учителей и преподавателей высшей школы являлось важной частью осуществляемого в стране «культурно-исторического поворота», обеспечивалось силами литературы и искусства, созданием в обществе атмосферы «культы знаний» и стремления к высокой культуре. В постановлении 1936 г. говорилось о предъявлении к высшим учебным заведениям новых, более высоких требований — обеспечить «подготовку высококвалифицированных, политически воспитанных, всесторонне образованных и культурных кадров, обладающих «знанием всех тех богатств, которые выработало человечество (Ленин)» [7, с. 93]. Образы учителей и ученых в художественной литературе и кинофильмах («Сельская учительница», «Депутат Балтики», «Сердца четырех» и др.) отличаются иногда противоречивостью, но на видное место выходит «фигура авторитетного ученого, носителя знаний, еще недоступным для большинства... обладающего высочайшим социальным статусом» [17, с. 69].

Созданная государством в 30–40-е годы система образования стала не просто средством преодоления экономической и культурной отсталости страны, но и механизмом ее преобразования и развития во всех сферах жизни, при этом — важнейшим фактором сохранения и воспроизводства цивилизационной идентичности. Советская система образования, нацеленная на развитие и созидание, опиралась на несомненные достижения предшествующего периода развития и традиционные духовно-нравственные ценности. Уважение к знанию, культуре и его носителям являлось важной социокультурной ценностью в России. Высокий статус педагога

средней и высшей школы поддерживался все годы советской власти (правительственные постановления и ведомственные инструкции 40–80-х годов, направленные на решение проблем повышения уровня квалификации преподавателей и их материально-бытового обеспечения, совершенствования форм аттестации педагогических кадров, развития научно-исследовательской деятельности в вузах подробно рассмотрены в работе В.П. Елютина). В 1980 г. в сфере высшего образования работали около 500 тыс. научно-педагогических работников, а в целом в сфере высшего образования — 6 млн [8, с. 6].

Отдельного рассмотрения требует современный период развития высшей школы (архив автора позволяет подготовить специальную статью о месте преподавателя в нынешней вузовской системе). Оценку «неудовлетворительно» (вспомним постановление 1936 г.) высшей школе в обеспечении должного статуса преподавателя пока выставляет в основном преподавательское сообщество в огромном количестве публикаций, постов в интернете, выступлениях на научных конференциях и т. п. Преподаватели поднимают проблемы педагогической нагрузки и «вала» отчетности («тупая бумажная работа»), не оставляющих времени не только на научную работу, но и на жизнь, низкой заработной платы, «нелепых формально-бюрократических требований» со стороны вузовской бюрократии, заимствованных в период нахождения вузов России в Болонской системе форм отчетности о научной работе. Как привнесенную Болонской системой новую тоталитарную идеологию западного общества — «детоцентризм» рассматривают сложившуюся в некоторых вузах систему оценивания учащихся (100-балльная система вместо традиционной пятибалльной, подрывающая основы главного критерия оценки — уровня знаний), «подконтрольность» преподавателей не только менеджерам, но и студентам [18, с. 121]. Большинство национально ориентированных преподавателей, расценивающих свою деятельность не как оказание «услуг», а как миссию, предлагают реальные меры по развитию отечественной высшей школы, не отрывающейся от своих национальных корней, достижений и успехов, проверенных временем. Национальный суверенитет немислим без сохранения духовного суверенитета, обеспечивающегося в том числе и суверенной системой образования.

Целью краткого экскурса в историю государственного управления высшей школой являлась настоятельная потребность для обеспечения наших национальных интересов напомнить о том, что создание системы образования, в которой главное место принадлежало учителю и преподавателю высшей школы, было нашим важнейшим преимуществом, обеспечивающим свершения XX в. и превращение России в сверхдержаву, и реальным вкладом страны в развитие мировой цивилизации.

Литература

1. Вдовин А. И. История СССР от Ленина до Горбачева. М., 2011.
2. Главацкий М. Е. История формирования интеллигенции в СССР. Свердловск, 1987.
3. Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР : Сб. статей. М., 1979.
4. Гуркина Н. К. Из высшей школы в губернаторское кресло // Статус преподавателя высшей школы. Традиции и новации. СПб., 2010.
5. Гуркина Н. К. История образовательных учреждений в России (X–XX века). СПб., 2012.
6. Гуркина Н. К. К вопросу об эволюции статуса и социально-культурного облика учителя в XX в. (в преддверии Года учителя в России) // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. Т. 13. Вып. 1 (53). СПб., 2022.
7. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917–1947 гг.: сб. документов. Вып. 1, 2. М., Л., 1947.
8. Елютин В. П. Высшая школа в обществе развитого социализма. М., 1980.

9. *Ерегина Н. Т.* Высшая медицинская школа России. 1917–1953. Ярославль, 2010.
10. *Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991.
11. *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900–1917 годах. М., 1981.
12. *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М., 1994.
13. *Никуленкова Е. В.* Образ «красного профессора» в Советской России в 1920-е годы // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. Т. 2. СПб., 2020.
14. *Оводенко А. А., Платова Е. Э., Фортунатов В. В.* История петербургской интеллигенции. СПб., 2013.
15. Статус преподавателя высшей школы. Межвузовский сб. научных трудов. СПб., 2010.
16. *Фортунатов В. В.* «Русский ученый — бедняк»: жизнь профессора сто лет назад // Домашняя повседневность населения России: история и современность. Т. 1. СПб., 2022.
17. *Фрумкин К. Г.* Любование ученым сословием: Отражение социальной истории советской науки в литературе, искусстве и публичной риторике. М., СПб., 2022.
18. *Четверикова О. Н.* Разрушение будущего. Кто и как уничтожает суверенное образование в России. М., 2015.
19. *Шпаковская Л. Л.* Политика высшего образования в Европе и России. СПб., 2007.

Об авторе:

Гуркина Нина Константиновна, профессор факультета государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор, nina-gurkina@yandex. ru

References

1. Vdovin A. I. The history of the USSR from Lenin to Gorbachev. M., 2011 (in Rus).
2. Glavatsky M. E. The history of the formation of the intelligentsia in the USSR. Sverdlovsk, 1987 (in Rus).
3. State management of higher education in pre-revolutionary Russia and in the USSR. Collection of articles. M., 1979 (in Rus).
4. Gurkina N. K. From the higher school to the governor's chair // The status of the teacher of the higher school. Traditions and innovations. SPb., 2010 (in Rus).
5. Gurkina N. K. The history of educational institutions in Russia (X–XX century). SPb., 2012 (in Rus).
6. Gurkina N. K. On the question of the evolution of the status and socio-cultural image of the teacher in the twentieth century (on the eve of the Year of the Teacher in Russia) // Scientific works of the North-Western Institute of Management of RANEPА [Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS]. Vol. 13. Is. 1 (53). SPb., 2022 (in Rus).
7. Directives of the CPSU(b) and resolutions of the Soviet Government on public education for 1917–1947: collection of documents. Is. 1, 2. M., L., 1947 (in Rus).
8. Elyutin V. P. Higher school in the society of developed socialism. M., 1980 (in Rus).
9. Eregina N. T. Higher Medical School of Russia. 1917–1953. Yaroslavl, 2010 (in Rus).
10. Ivanov A. E. Higher School of Russia at the end of the XIX — early XX century. M., 1991 (in Rus).
11. Leikina-Svirskaya V. R. Russian intelligentsia in the 1900–1917. M., 1981 (in Rus).
12. Milyukov P. N. Essays on the history of Russian culture. 3 vol. Vol. 2. P. 2. M., 1994 (in Rus).
13. Nikulenkov E. V. The image of the “red professor” in Soviet Russia in the 1920s // Re-forms in the daily life of the population of Russia: history and modernity. Vol. 2. SPb., 2020 (in Rus).
14. Ovodenko A. A., Platova E. E., Fortunatov V. V. History of the St. Petersburg intelligentsia. SPb., 2013 (in Rus).
15. Status of a higher school teacher. Intercollegiate Collection of Scientific Papers. SPb., 2010 (in Rus).
16. Fortunatov V. V. “Russian scientist — poor man”: the life of a professor a hundred years ago // Pre-modern everyday life of the population of Russia: history and modernity. Vol. 1. SPb., 2022 (in Rus).
17. Frumkin K. G. Admiring the academic estate: Reflection of the social history of Soviet science

in literature, art and public rhetoric. M., SPb., 2022 (in Rus).

18. Chetverikova O. N. Destruction of the future. Who and how destroys sovereign education in Russia. M., 2015. (in Rus).
19. Shpakovskaya L. L. The policy of higher education in Europe and Russia. SPb., 2007. (in Rus).

About the author:

Nina K. Gurkina, Professor of the Faculty of the State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; nina-gurkina@yandex.ru

Антисоветские выступления периода хрущевской оттепели как один из результатов непросчитанных управленческих решений властей

Лушин А. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, lushinai@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цели статьи. На основе анализа Записки в Президиум ЦК КПСС и ряда других источников показать причины и результаты непросчитанных управленческих решений партийных и советских органов власти, приведших к трагическим последствиям на строительстве Карагандинского металлургического завода в г. Темиртау Казахской ССР 1–3 августа 1959 г.

Материалы и методы. В качестве базовых материалов работы избраны основные положения «Записки комиссии ЦК КПСС о массовых беспорядках на строительстве Карагандинского металлургического завода» от 1 сентября 1959 г., а также ретроспективный метод, являющийся традиционным для подобного рода исследований. Это, в свою очередь, позволило рассмотреть причины и истоки конкретного антисоветского выступления рабочих, его развитие и исторический финал. Кроме того, в исследовании применялся проблемно-хронологический подход, который способствовал изучению конкретных аспектов деятельности партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций, так или иначе допустивших развитие негативных тенденций на строительстве Карагандинского металлургического завода, выявить причины зарождения и развития антиправительственных, а по существу антисоветских, выступлений рабочих, принимавших участие в строительстве комбината.

Результаты. Одним из негативных результатов политики привлечения значительных масс молодых людей для строительства «ударных строек коммунизма» была неподготовленность партийных и советских органов власти на местах работать в экстремальных условиях и постоянном сверхнапряжении сил, их умения создать элементарные условия не только для работы, но и организации питания, отдыха, досуга больших масс людей, сосредоточенных на незначительных, по размеру, территориях.

Выводы. «Ударные стройки коммунистического строительства», на возведение которых почти все годы советской власти привлекались большие массы, прежде всего, молодых людей, позволяли в течение почти трех десятилетий возводить значительное количество крупнейших промышленных предприятий и объектов. Люди, работавшие на их возведении, терпели огромное количество неудобств и лишений, однако в условиях жесткой командно-директивной системы и отсутствия развитого гражданского общества защищать свои гражданские права было для них крайне проблематично. Однако с наступлением хрущевской оттепели, когда террор и репрессии значительно уменьшились, появилась определенная надежда на решение многих возникающих вопросов путем диалога власти и общества. Однако отсутствие четко работающей обратной связи между властью и обществом не позволило решить их тогда цивилизованными средствами. Накапливавшийся «горючий материал» так или иначе выливался нередко в массовые открытые выступления против неумелых и непродуманных решений властей, которые заканчивались нередко крайне трагическими последствиями, в том числе и гибелью людей.

Ключевые слова: беспорядки, бытовые условия рабочих, воспитательная работа, грабежи, Карагандинский металлургический завод, Н. С. Хрущев, строительство, политическая оттепель, средства массовой информации, Президиум ЦК КПСС

Для цитирования: Лушин А. И. Антисоветские выступления периода хрущевской оттепели как один из результатов непросчитанных управленческих решений // Управленческое консультирование. 2023. № 5. С. 113–119.

Anti-Soviet Speeches of the Khrushchev “Thaw” Period as One of The Results of Ill-conceived Managerial Decisions

Alexander I. Lushin

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. (North-Western Institute of Management RANEPА), St. Petersburg, Russian Federation, lushinai@mail.ru

ABSTRACT

Goals. Based on the analysis of a Note to the Presidium of the Central Committee of the CPSU and a number of other sources, to show the causes and results of ill-conceived managerial decisions of the party and Soviet authorities that led to tragic consequences at the construction of the Karaganda Metallurgical Plant in Temir-Tau, Kazakh SSR in early August 1959.

Materials and methods. As the basic materials of the work, the main provisions of the “Notes. The main method of working with sources and scientific literature is the retrospective method, which is traditional for this kind of research, which, in turn, allowed us to consider the causes and origins of a specific anti-Soviet speech, its development and historical finale. In addition, the study used a problem-chronological approach, which contributed to the study of specific aspects of the activities of party, Soviet, trade union, Komsomol organizations that somehow allowed the development of negative trends in the construction of the Karaganda Metallurgical Plant, to identify the causes of the origin and development of anti-government, and essentially anti-Soviet, speeches of workers who participated in the construction of the combine.

Results. One of the negative results of the policy of attracting significant masses of young people for the construction of “shock buildings of communism” was the unpreparedness of the party and Soviet local authorities to work in extreme conditions and constant overstrain of forces, their ability to create elementary conditions, not only for work, but also for catering, recreation, leisure of large masses of people focused on insignificant, in size, territories.

Conclusions. The “shock construction of communist construction”, the construction of which attracted large masses, primarily young people, for almost all the years of Soviet power, allowed for almost three decades to erect a significant number of the largest industrial enterprises and facilities. The people who worked on their construction suffered a huge amount of inconvenience and deprivation, however, in the conditions of a rigid command and directive system and the absence of a developed civil society, it was extremely problematic to protect their civil rights. However, with the onset of the Khrushchev “thaw”, when terror and repression significantly decreased, there was some hope for solving many emerging issues, but the lack of a clearly working feedback between the government and society did not allow them to be solved by civilized means. The accumulated “combustible material”, one way or another, often resulted in mass open demonstrations against inept and ill-considered decisions of the authorities, which often ended in extremely tragic consequences, including the death of people.

Keywords: riots, living conditions of workers, educational work, Karaganda Metallurgical Plant, N. S. Khrushchev, construction, political thaw, mass media, Presidium of the Central Committee of the CPSU

For citation: Lushin A. I. Anti-Soviet speeches of the Khrushchev “thaw” Period as one of the Results of Ill-conceived Managerial Decisions // Administrative consulting. 2023. N 5. P. 113–119.

Введение

Время хрущевской оттепели получило широкую известность в научной литературе и публицистике как у нас в стране, так и за ее пределами, и прежде всего — благодаря попыткам ее «творца» Первого секретаря ЦК КПСС придать советской модели государственного управления определенное демократическое содержание. Однако, как и в предшествующие три десятилетия, в эти годы всякая попытка советских людей защищать свои гражданские права заканчивалась, как правило, преследованиями тех, кто пытался их защищать.

Время правления Н. С. Хрущева (1953–1964 гг.) — это не только политическая оттепель, но и далеко не всегда реализованные попытки решения многих социальных и экономических проблем, массового жилищного строительства, освоения космического пространства, а также расширения поля скрытого недовольства общества политикой партийного руководства, так или иначе спорадически выливавшегося наружу. Факторы такого рода иногда приводили к открытым антиправительственным выступлениям, о чем красноречиво свидетельствовали события в городах Новочеркасске, Александрове, Муроме и ряде других мест страны. Об этих событиях уже достаточно немало написано в отечественной литературе и публицистике. Тем не менее среди этих выступлений имелось и еще одно — это массовые беспорядки на строительстве Карагандинского металлургического завода (г. Темиртау) в начале августа 1959 г., о котором не сообщалось тогда в средствах массовой информации. Эти события произошли, как это внешне не выглядит парадоксальным, на фоне заметных позитивных перемен в улучшении материальных условий жизни рабочих. Так, вскоре после XX съезда КПСС была сокращена продолжительность рабочего дня, несколько увеличена заработная плата низкооплачиваемым рабочим и служащим, в 1957 г. был снижен размер налогов с рабочих и служащих, прекращено взимание подоходного налога на холостяков, одиноких и малосемейных, а также с рабочих и служащих, получающих по месту основной работы заработную плату менее 60 руб. в месяц. Немаловажное значение для подъема материального благосостояния имела отмена платы за обучение в старших классах общеобразовательных школ, а также в средних специальных и высших учебных заведениях. Заметно увеличивались и реальные доходы рабочих. Тем не менее значительная часть общества ощущала большое количество проблем, которые, по мнению многих жителей страны, зависели прежде всего от высшего партийного и государственного руководства.

Обсуждение

Несмотря на то что время «великих строек коммунизма» стало постепенно уходить в прошлое, и в период правления Н. Хрущева, как и в прежние годы, партия и правительство продолжали широко эксплуатировать энтузиазм и искренний порыв молодежи, когда с ее помощью, а также использованием труда многих тысяч заключенных возводили многие промышленные предприятия и объекты. Однако, призывая молодых людей на «ударные стройки коммунизма», местное партийное руководство, органы исполнительной власти часто, в силу многих причин как объективного, так субъективного порядка не всегда могли в короткие сроки создать необходимые условия не только для полноценной работы людей, но и для просто нормального проживания рабочих. Забвение элементарных нужд строителей иногда приводило к серьезным негативным последствиям, о которых официальная пресса в те годы предпочитала умалчивать. Один из всплесков такого недовольства имел место на строительстве Карагандинского металлургического завода в г. Темиртау Казахской ССР. Следует сказать, что он вынудил высшее партийное руководство страны рассмотреть произошедшие события и принять специальное Постановление Президиума ЦК КПСС «О положении дел на строительстве Карагандинского металлургического завода» (П 242/II), которое было принято 2 октября 1959 г. под грифом «Строго секретно».

Пролить свет на события и причины этого выступления помогает «Записка комиссии ЦК КПСС о массовых беспорядках на строительстве Карагандинского металлургического завода» от 1 сентября 1959 г. В представленном в Президиум ЦК КПСС документе отмечалось, что по поручению ЦК партии и при участии ряда ответственных работников партийных и государственных органов, а также общественных организаций на месте было проведено расследование причин

массовых беспорядков, имевших место на строительстве завода 1–3 августа 1959 г. Главной причиной беспорядков в этой записке были названы «противоправные действия, возглавляемые группой хулиганов и преступных элементов, сумевшей путем провокационных действий и прямых угроз оружием увлечь за собой несколько сот молодых рабочих»¹, которые сопровождалась разгромом и грабежами магазинов, столовых и нападениями на административные здания. В «Записке...» были особо отмечены нерешительность и слабость партийных и административных органов, когда «бесчинствующие элементы стали хозяевами положения в поселке строителей и в течение трех дней парализовали нормальную жизнь города и стройки»². Весьма показательно, что авторы документа отмечали, что одновременно с грубейшими нарушениями правопорядка «осуществлялись попытки придать событиям политическую окраску: на стенах писались лозунги „Анархия — мать порядка“» и другие, проводились сборища, на которых „раздавались отдельные выкрики с требованием свободы забастовок, шестичасового рабочего дня и повышения заработной платы“»³.

В «Записке...» были детально описаны события, произошедшие на строительстве, которые начались около полуночи в субботу 1 августа 1959 г., когда проживавшая в палатках группа молодежи, многие из которых находились в нетрезвом состоянии, без видимых внешних причин «опрокинула цистерну с квасом, разгромила столовую, автолавку, киоск с галантерейными товарами и пыталась грабить магазины»⁴. В городе начались беспорядки, которые продолжались 2 и 3 августа, в результате чего будет разграблен 3-этажный городской универмаг. Показательно, что с восставшими рабочими не смогли справиться ни прибывшие подразделения милиции, ни курсанты областной школы УВД. Усмирить и убедить молодых людей не смогли ни уговоры, ни попытки некоторых местных руководителей прекратить грабежи и разойтись по домам. В течение двух суток власти пытались решить вопросы мирным путем, при помощи переговоров, однако грабежи и мародерство продолжались. Лишь после санкции первого секретаря Карагандинского обкома КПСС т. Исаева, начальника управления УВД т. Любых и Министра внутренних дел республики Казахстан т. Кабылбаева около полуночи на 3 августа в отношении участников грабежа универмага начали применять холодное и огнестрельное оружие. Однако даже это не остановило грабителей. С чердака соседнего дома и других мест началась ответная стрельба из мелкокалиберных винтовок и охотничьих ружей, а из толпы зевак раздавались сочувствующие возгласы, которые подбадривали экстремистов, и их сопротивление становилось все более активным. Осада универмага, в котором находились мародеры, и столкновения милиции с толпой, пытавшейся освободить их, продолжались свыше 12 часов. Только около часа дня 3 августа универмаг был очищен от грабителей⁵.

Тем не менее через несколько часов грабеж универмага возобновился. Попытки городского партийно-комсомольского актива численностью около 1500 чел. прекратить бесчинства не увенчались успехом, и тогда вновь были введены воинские подразделения и милиция. К ночи на 3 августа совместными усилиями военных и актива бесчинства были прекращены, а 4 августа все мероприятия по обеспечению общественного порядка были переданы прибывшим войскам МВД.

Итоги этих массовых беспорядков оказались весьма трагическими: было убито 11 и ранено 32 участника грабежей, из которых 5 впоследствии скончались. Среди

¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 3. Оп. 12. Д. 576. Л. 30.

² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 576. Л. 31.

³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 576. Л. 31.

⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 576. Л. 31.

⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 576 Л. 32–33.

погибших оказались молодые люди в возрасте от 17 до 29 лет, в том числе 7 членов ВЛКСМ. Кроме того, административными органами было задержано около 190 чел. В результате активного сопротивления участников погромных действий 102 солдата и офицера получили телесные повреждения, в том числе 32 — выстрелами из ненарезного оружия¹. По предварительным данным, только вследствие грабежей, поджогов и других преступных действий государству был причинен материальный ущерб на сумму свыше 2 млн руб., нанесен также огромный ущерб строительству завода, в связи с тем, что в течение двух дней работы на строительных площадках, по существу, не проводились².

Рассматривая причины этих трагических событий, авторы «Записки» отмечали, что в значительной степени они явились результатом бездействия партийных, советских органов и общественных организаций. Так, несмотря на сложную и взрывоопасную обстановку, первый секретарь Карагандинского обкома КПСС т. Исаев, секретари — тт. Алиханов и Энодин не приехали в город и по существу руководили наведением порядка по телефону. Вместе с тем руководству области было хорошо известно, что в г. Темиртау неспокойно, к тому же в городке строителей проживало большое количество бывших заключенных. В городе только за 7 месяцев 1959 г. было совершено 24 групповые драки, в которых принимало участие по 100, 200 и более чел. Кроме того, здесь было совершено 238 уголовных преступлений, в том числе 7 умышленных убийств, 5 разбойных нападений на государственные объекты, 11 — на граждан города, за хулиганство было привлечено к судебной ответственности 411 чел.³

В результате безответственности руководителей стройки и органов милиции в общежитии треста в течение продолжительного времени проживало без прописки до 500 нигде не работающих лиц, часть которых приехала на стройку после отбытия наказания в местах лишения свободы. Эти люди, ведя паразитический образ жизни, оказывали вредное влияние на молодежь, терроризировали и развращали ее, обыгрывали в карты, устраивали пьяные оргии и воровали личные вещи проживавших здесь рабочих. Часть молодежи, попадая под влияние хулиганов и разложившихся элементов, не выходила на работу, начинала пьянствовать и также играть в карты. Кроме того, особо отмечалось, что «за 7 месяцев 1959 г. только магазинами поселка строителей было продано 200 тысяч литров водки и 120 тысяч литров вина»⁴. Однако ни партийные, ни советские, ни административные органы на эти факты серьезно не реагировали и не принимали мер по наведению общественного порядка в городе.

Комитет партийного контроля ЦК КПСС, который провел проверку уже после этих трагических событий, заметил не только отсутствие воспитательной работы среди строителей, но и выявил очень серьезные недостатки в организации труда и быта рабочих-строителей. Из-за острого недостатка жилой площади свыше 2 тыс. молодых рабочих проживало в плохо оборудованных палатках, постельное белье рабочих в общежитиях в ряде случаев не менялось по 20–25 дней, не хватало самого элементарного: тумбочек, стульев, инвентаря, в бытовых помещениях один кран для умывальника имелся на 40–50 чел.⁵ Особо тяжелые условия были с питьевой водой, которую возили к месту проживания рабочих в цистернах или бочках. В палатках, где проживали строители, отсутствовала питьевая вода, и люди нередко не могли даже умыться или выпить стакан чая. Нетерпимое положение

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 576. Л. 34.

² Там же.

³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 576. Л. 35–37.

⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 576. Л. 38.

⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 576. Л. 39.

было и с организацией общественного питания: в жилом поселке имелось всего 13 столовых на 1500 посадочных мест, которые могли обслужить всего 40% работающих. В связи с этим многие рабочие были лишены возможности принимать горячую пищу¹. К тому же столовые содержались в антисанитарном состоянии, качество приготовления пищи оставалось очень низким, не хватало необходимого инвентаря и оборудования, в столовых присутствовала масса мух и грызунов.

Не лучшим образом обстояли дела и на строительных площадках, где не хватало буфетов, а ассортимент продуктов в них был крайне скуден, не оборудованы места для приема пищи и люди в непогоду вынуждены были питаться под открытым небом. Особенно неудовлетворительно было организовано питание в молодежном городке, где на 10 тыс. проживающих имелась лишь одна столовая на 120 мест. К тому же часть столовых работала в такое время, когда одинокие рабочие, составляющие подавляющее большинство населения поселка, были лишены возможности в них завтракать и ужинать². Из рук вон плохо была организована торговля не только продуктами питания, но и промышленными товарами. В поселке строителей крайне недостаточным было наличие магазинов и торговых ларьков, причем многие из них размещались в непригодных помещениях и содержались в антисанитарных условиях. В продаже часто не хватало товаров первой необходимости, в связи с чем выстраивались большие очереди. Крайне высокими оставались цены на самые элементарные продукты: картофель, молоко, яйца и т.п. Неудовлетворительно была поставлена и организация самих строительных работ: имели место частые вынужденные простои, из-за чего зарплата рабочих составляла 15–17, а иногда и 10 руб. в день, отсюда — большая текучесть кадров. Только в течение 1959 г. (причем неполного) со строительства завода по различным причинам уволилось около 7 тыс. чел.³

Заключение

Следует отметить, что на фоне официальных призывов о развертывании коммунистического строительства и «неустанной заботе партии и правительства о благе народа», события на строительстве Карагандинского металлургического завода встревожили высшее партийное руководство страны, в первую очередь, самого Н. Хрущева, ибо в 1959 г. оно было просто экстраординарным. Президиум ЦК КПСС был вынужден рассмотреть вопрос о массовых беспорядках на строительстве завода и принять постановление, в котором указывалось, что «происшедшие в Темиртау массовые беспорядки в условиях советской действительности «являются беспрецедентными и приобретают, по существу, политическое значение», а местные партийные советские и хозяйственные органы несут полную ответственность за создавшееся тяжелое положение на строительстве Карагандинского металлургического завода»⁴.

В связи с произошедшими беспорядками решением Президиума ЦК КПСС был освобожден с работы первый секретарь Карагандинского обкома партии т. Исаев, ему был объявлен строгий выговор за плохую организацию строительства металлургического завода, бездушное отношение к сигналам о тяжелом бытовом положении на стройке и за то, что он проявил недопустимую беспечность, не принял своевременно мер по прекращению беспорядков. Кроме того, ЦК КП Казахстана было поручено рассмотреть вопрос о виновности секретаря Карагандинского об-

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 576. Л. 41–42.

² Там же. Л. 44

³ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 576. Л. 45–46.

⁴ РГАНИ. Ф. 3 Оп. 12. Д. 576. Л. 47–48.

кома партии т. Алиханова, который, ведая вопросами промышленности и строительства, смирился с создавшимся тяжелым положением на стройке и, будучи во время беспорядков в г. Темиртау, не сделал даже попытки разобраться в обстановке, не принял мер для нормализации положения, к тому же неправильно информировал о ходе событий руководство Карагандинского обкома партии. Был освобожден с занимаемой должности и председатель Карагандинского совнархоза т. Оник, ему был объявлен строгий выговор за неудовлетворительное руководство строительством металлургического завода и неприятие мер к созданию нормальных бытовых условий для рабочих-строителей. Кроме того, к ответственности были привлечены и другие руководители строительных трестов и управлений¹.

Таким образом, ЦК КПСС были определены основные «виновники» этих трагических событий без учета такого важнейшего фактора, как отсутствие тщательной их подготовки и продуманных управленческих решений в организации строительства, затрагивающих интересы каждого рабочего-строителя. Если при жизни «вождя всех народов» люди на «ударных стройках» были вынуждены терпеть многие лишения, зная, что даже за нравственное сопротивление властям можно оказаться в местах «не столь отдаленных», то с наступлением хрущевской оттепели, когда идеологические шлюзы были несколько приоткрыты, рабочие начали проявлять попытки защищать свои гражданские права, причем нередко абсолютно противоправным способом.

Об авторе:

Лушин Александр Иванович, профессор кафедры общественных наук Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; lushinai@mail.ru

About the author:

Aleksandr I. Lushin, Professor of the Chair of Social Sciences of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor; lushinai@mail.ru

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 576. Л. 48.

Сотрудничество Китая и России в области охраны окружающей среды в Арктике: современное состояние и перспективы*

Фу Синьсинь

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; 791927224@qq.com
ORCID: 0000-0001-5337-2615

РЕФЕРАТ

В Арктике социальные, экономические и экологические вопросы требуют совместного сотрудничества стран региона для сохранения планеты и улучшения благосостояния людей, живущих в суровых условиях. Этот северный регион нагревается в два раза быстрее, чем остальные части света, лед и снег тают, экосистемы трансформируются, а коренные и местные культуры пытаются приспособиться к новым условиям. Таким образом, участие ключевых международных акторов, таких как Россия и Китай, в достижении целей устойчивого развития Арктики является более чем подходящей платформой для международного партнерства, направленного на заботу о планете и человечестве. Ввиду изложенной ситуации автор использует методы сравнительного анализа и индукции в исследовании актуальных вопросов китайско-российского сотрудничества в области охраны окружающей среды Арктики. При этом главное внимание автора сосредоточено на следующих направлениях сотрудничества: разработка норм международного экологического права и участие в рабочих группах по различным экологическим аспектам; спутниковая навигация в регионе; совместные исследования, экспедиции и обучение, а также обмен исследовательским оборудованием и данными. Кроме того, акцент сделан на российско-китайских программах в области подводного наблюдения и гидроакустики.

Ключевые слова: Арктика, экология, охрана окружающей среды, Китай, Россия, глобальное потепление, исследования

Для цитирования: Фу Синьсинь. Сотрудничество Китая и России в области охраны окружающей среды в Арктике: современное состояние и перспективы // Управленческое консультирование. 2023. № 5. С. 120–128.

Cooperation Between China and Russia in the Field of Environmental Protection in the Arctic: Current State and Prospects

Fu Xinxin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; 791927224@qq.com

ABSTRACT

In the Arctic, social, economic and environmental issues require the region's countries to work together to preserve the planet and improve the well-being of people living in harsh conditions. The region is warming twice as fast as the global average, ice and snow are melting, ecosystems are transforming, and indigenous and local cultures are struggling to adapt to the new conditions. Thus, the engagement of key international actors such as Russia and China in Arctic sustainable development goals is more than a platform for international partnerships for caring about the planet and humanity. In view of the above situation, the author uses the method of comparative analysis and induction to discuss topical issues of Chinese-Russian cooperation in the field of environmental protection in the Arctic. Particular attention is paid to such areas of cooperation as the development of international environmental law and participation in working groups on various environmental aspects; satellite navigation in the Arctic region, joint research, expeditions and training, as well as

* Публикация статьи спонсируется «China Scholarship Council».

exchange of research equipment and data. In addition, emphasis is placed on Russian-Chinese programs in the field of underwater observation and hydroacoustics.

Keywords: Arctic, ecology, environmental protection, China, Russia, global warming, research

For citing: Fu Xinxin. Cooperation between China and Russia in the field of environmental protection in the Arctic: current state and prospects // Administrative consulting. 2023. N 5. P. 120–128.

Введение

Морские и прибрежные экосистемы Арктики содержат богатые природные ресурсы, особо ценными являются углеводороды и рыбные запасы. Они в основном нетронуты и играют большую роль в поддержании баланса, который необходим, как для благополучия людей, живущих на этой территории, так и для обеспечения устойчивого развития цивилизации в глобальном масштабе. Арктический регион является главным механизмом, оказывающим влияние на уровень воды мирового океана и климатической системы, а также играет жизненно важную роль во многих других экологических цепочках [9].

В то же время Арктика находится под усиливающимся давлением загрязнения окружающей среды, крайне негативно на ее экобалансе отражаются угрозы, связанные с набирающей обороты индустриализацией и глобальным потеплением. Изменение климата повлияло на северный регион быстрее и фундаментальнее, чем на любую другую географическую единицу мира, в основном в результате деятельности, происходящей далеко за пределами арктической территории. Не подлежит сомнению тот факт, что продолжение этих тенденций будет иметь глубокие последствия как для самой Арктики, так и для всего международного сообщества в целом.

Рост экономической активности — движущая сила изменений в Арктике. Добыча, переработка и транспортировка нефти, газа и других полезных ископаемых, судоходство, рыболовство, аквакультура и туризм успешно развиваются на этой территории и могут способствовать социально-экономическому подъему арктических сообществ за счет увеличения инвестиций в инфраструктуру, роста налоговых поступлений в местные бюджеты и других эффектов, таких как рост занятости [4]. И хотя дальнейшее развитие этих видов деятельности открывает новые возможности для региона, чрезмерная эксплуатация его естественных богатств влечет за собой экологические и социальные последствия и проблемы, которые не всегда удастся решать незамедлительно и наилучшим образом. В данном контексте жизненно необходимо, чтобы при растущем экономическом развитии, таком как добыча углеводородов и прокладка новых морских путей, в полной мере учитывалась необходимость сохранения уникального и крайне уязвимого природного ландшафта Арктики.

Очевидно, что охрана окружающей среды арктического региона — это крайне важный и актуальный диалог, который следует вести на уровне международного сообщества. Перед человечеством на настоящий момент остро стоит вопрос экологического кризиса из-за идущего по восходящей глобального потепления. Огромные по площади глыбы ледников откалываются от Арктической земли из-за изменения температурного режима, а отколовшись уплывают по течению в мировой океан, оттаивая и повышая уровень воды.

Бесспорно, обозначенная глобальная проблема имеет первостепенную значимость. В разрезе отмеченного выше следует подчеркнуть роль нескольких арктических игроков, в частности России, а также приарктических государств, к числу которых относится Китай. Сотрудничество России и Китая в направлении охраны окружающей

среды Арктики имеет очень большое значение и перспективы, поскольку на долю Китая приходится 29% выбросов углекислого газа на планете. Выбросы углекислого газа — самый главный фактор глобального потепления, в связи с этим в Китае разработаны эффективные системы защиты экологии. Совместная работа и использование современных технологий — это ключевой инструмент для возможного разрешения экологического кризиса в Арктике. А Россия в свою очередь является крупнейшим из арктических государств как по территории, так и по населению, и поддержка Китая с ее стороны очень важна для продвижения и реализации совместных инициатив [7].

Неудивительно, что перспективы сотрудничества России и Китая в направлении сохранения и защиты природной среды Арктики вызывают широкий интерес в научно-экспертном сообществе, что и обусловило выбор темы данной статьи.

Основные проблемы и угрозы природному наследию Арктики, ее климату и биоразнообразию в связи с активными попытками освоения и ведения хозяйственной деятельности рассматриваются в трудах М. С. Пермиловского, Т. В. Виловой, Д. К. Лабина, Н. А. Виляевой, Р. И. Назыровой, Yunfeng Cao, Shunlin Liang, Laixiang Sun, Jiping Liu.

Инициативы арктических государств и прочих заинтересованных международных акторов в обеспечении экологической безопасности региона входят в круг научных интересов Л. В. Якименко, Н. В. Иваненко, И. Ф. Талипова, О. В. Матвеева, Zhuang Li, Shenping Hu, Xiaoming Zhu, Guoping Gao.

Стратегия защиты окружающей среды Арктики, которую реализуют в своих программах Россия и Китай, ключевые точки их общих интересов в этом регионе отражены в публикациях Ц. Фэй, Л. Цай, Т. Гао, В. Л. Ерохина, D. VanderZwaag, R. Huebert, S. Ferrara.

Однако, несмотря на имеющиеся труды и наработки, вопросы, связанные с защитой экосреды Арктики и решением проблем изменения климата, которые включены в повестку дня российско-китайских отношений, освещены недостаточно и требуют более детальной проработки и анализа. Принимая во внимание вышеизложенное, цель статьи заключается в рассмотрении особенностей, перспектив и возможностей сотрудничества Китая и России в области охраны окружающей среды Арктики.

Цели китайско-российского сотрудничества в области охраны окружающей среды Арктики

Прежде всего следует отметить, что китайско-российское сотрудничество в области охраны окружающей среды Арктики нацелено на обеспечение ее устойчивого развития, поскольку данная задача имеет особую актуальность в контексте изучения проблем защиты арктических территорий. Как уже отмечалось ранее, этот регион особенно уязвим к процессам изменения климата. Кроме того, в силу объективных географических факторов он является наименее благополучным с точки зрения социально-экономических аспектов Глобальных целей тысячелетия ООН. В 2022 г. вопросы устойчивого развития арктических регионов приобретают особую значимость. Десятилетие амбициозных действий по достижению Целей глобального развития ООН к 2030 г. уже началось¹.

Китай опубликовал политические решения по таким вопросам, как арктическая среда, развитие и защита. Таблица показывает «политические предложения» «Белой книги» в рамки «политических целей и принципов», чтобы можно было более

¹ «Арктическая политика Китая». Белая книга [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2018-01/26/content_5260891.htm (дата обращения: 01.07.2022).

интуитивно увидеть внутреннюю логику, отражающую то, что Китай придает большое значение Арктике.

5 марта 2020 г. Президент России В. В. Путин подписал Указ, которым утверждена реализация «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года»¹. В области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности были выдвинуты восемь ключевых задач:

а) развитие на научной основе сети особо охраняемых природных территорий и акваторий в целях сохранения экологических систем и их адаптации к изменениям климата;

Таблица

**Политические предложения в официальном документе
«Арктическая политика Китая»**

Table. Policy proposals in the official document „Arctic Policy of China”

Цели	Уважение	Сотрудничество, беспроигрышный результат	Устойчивость
Понимание Арктики	Уважение права Китая на научные исследования в Арктике. Повышение осведомленности об Арктике во всех сферах жизни Китая	Научно-исследовательское сотрудничество, обмен данными	Разработка технического оснащения с упором на защиту окружающей среды
Защита Арктики	Уважение культурных традиций коренных народов	Международное сотрудничество в области изменения климата	Сокращение загрязнения с суши, защита экологии Арктики и борьба с изменением климата
Использование Арктики	Уважение международного права и интересов коренных народов	Совместное предпринимательство и сотрудничество для открытия ресурсов минеральной нефти и газа, обмена выгодами, проведения совместных исследований рыбных ресурсов арктических открытых морей и подготовки к их рациональному использованию	Осуществление утилизации под предлогом защиты (принять более высокие экологические стандарты), развитие чистой энергетики и экологичный, ответственный туризм
Управление Арктикой	Уважение существующих механизмов в Арктике	Ледяной шелковый путь, региональные межправительственные механизмы в Арктике и другие двусторонние, многосторонние и многоуровневые равноправные консультации	Активное участие в глобальном управлении окружающей средой, связанной с Арктикой

Источник: составлено автором по [4].

¹ Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года : Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 г. № 164 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255> (дата обращения: 01.07.2022).

- б) обеспечение сохранения объектов животного и растительного мира Арктики, охрана редких и находящихся под угрозой исчезновения растений, животных и других организмов;
- в) продолжение работы по ликвидации накопленного вреда окружающей среде;
- г) совершенствование системы мониторинга окружающей среды, использование современных информационно-коммуникационных технологий и систем связи для осуществления измерений со спутников, морских и ледовых платформ, научно-исследовательских судов, наземных пунктов и из обсерваторий;
- д) внедрение лучших доступных технологий, обеспечение минимизации выбросов в атмосферный воздух, сбросов в водные объекты загрязняющих веществ и снижения иных видов негативного воздействия на окружающую среду при осуществлении хозяйственной и иной деятельности;
- е) обеспечение рационального природопользования, в том числе в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов;
- ж) развитие комплексной системы обращения с отходами всех классов опасности, строительство современных экологически чистых мусороперерабатывающих комплексов;
- з) реализация комплекса мер по исключению попадания в Арктическую зону Российской Федерации токсичных веществ, возбудителей инфекционных заболеваний и радиоактивных веществ.

В совместных заявлениях и декларациях лидеров стран России и Китая отмечено, что их сотрудничество и кооперация в области охраны окружающей среды Арктики сосредоточены на:

- а) разработке и реализации государственных программ поддержки традиционных знаний коренных малочисленных народов;
- б) дальнейшем геологическом и океанографическом изучении Арктической зоны;
- в) расширенной поддержке рыболовного сектора, лесовосстановлении и предотвращении лесных пожаров;
- г) разработке комплексного плана международной научной деятельности и исследований изменения климата;
- д) достижении долгосрочного сохранения природы и реализации проектов по смягчению последствий изменения климата;
- е) разработке структуры для проектирования экологического мониторинга и эффективного управления отходами [3].

О создании совместного арктического исследовательского центра

Рассматривая более детально конкретные проекты, отметим, что в первую очередь двусторонние инициативы России и Китая в области экологической безопасности Арктики сосредоточены на проведении совместных исследований, которые позволят более точно понять, что происходит с экосистемой региона под влиянием изменения климата [1; 5; 6]. В данном направлении следует отметить соглашение о создании совместного арктического исследовательского центра для изучения минеральных и биологических ресурсов, а также меняющейся экосистемы Севера.

Прогнозируется, что этот центр выведет российско-китайское сотрудничество в Арктике на новый уровень, а результаты исследований изменения климата и природы в арктическом регионе будут полезны не только России и Китаю, но и всему мировому сообществу. Соглашение по созданию Центра было подписано на Пятом Международном арктическом форуме «Арктика — территория диа-

лога» (МАФ-2019), состоявшемся в Санкт-Петербурге 9–10 апреля 2019 г., и является основой для многочисленных совместных арктических экспедиций и исследовательских проектов между двумя научными организациями — Институтом океанологии РАН РФ и Циндаоской национальной лабораторией морских наук и технологий КНР [2].

Совместный исследовательский центр будет руководить проектами по изучению геологии и экологии региона, а также инициативами, направленными на сохранение его природного разнообразия. Интенсивное освоение арктического шельфа угрожает региональной экосистеме. Следовательно, работа центра будет проникнута заботой о сохранении уникальных подводных экосистем. Кроме того, наработки центра позволят прогнозировать ледовую обстановку Северного морского пути и давать экологически обоснованные рекомендации по хозяйственному освоению Арктики. Это будет достигнуто благодаря проведению серии полевых исследований региона на борту научно-исследовательских судов Института океанологии России. В этих проектах предполагается привлечь ведущих специалистов крупнейших китайских и российских исследовательских организаций.

Экосистемная направленность нового центра заслуживает внимания, поскольку предыдущие китайско-российские исследования в Арктике в основном были сосредоточены на хозяйственном освоении богатств региона. Например, в 2016 г. Дальневосточный федеральный университет в России и Харбинский политехнический университет в Китае создали Российско-Китайский полярный инженерно-исследовательский центр.

Аспекты китайско-российского сотрудничества

Отдельный акцент целесообразно сделать на активных академических обменах, проводимых в рамках ежегодного Китайско-российского арктического форума, который организуется Океанологическим университетом Китая совместно с Санкт-Петербургским государственным университетом. Этот форум является единственной платформой академического обмена, посвященной экологическим проблемам Арктики и ее бережному освоению. Китайско-российский арктический форум способствует обмену мнениями между учеными и местными лидерами из Ямало-Ненецкого автономного округа и Республики Саха (Якутия). С помощью форума обе страны стремятся создать необходимую дискуссионную площадку для привлечения экспертов и расширения сотрудничества по вопросам изменения климата в Арктике [10].

Существенный потенциал и большое значение для природоохранной деятельности в Арктике имеет сотрудничество России и Китая в области подводного наблюдения и гидроакустики. В феврале 2018 г. колледж подводной акустики Харбинского инженерного университета КНР и инженерная школа Дальневосточного федерального университета РФ провели совместные исследования по акустике морского льда во Владивостоке. Также была изучена акустическая среда полярного мелководья. В последнем Харбинский инженерный университетский колледж имеет преимущество перед своими коллегами. Для того чтобы понять, как потепление климата и активное таяние льдов влияют на экосистему Арктики, необходимы исследования акустической среды мелководья. По мнению экспертов, российские и китайские исследователи могут добиться прорыва в данной сфере, объединив свои сильные стороны в сборе и анализе данных [8].

Безусловно, Россия и Китай активно сотрудничают в экологических вопросах в ходе реализации проекта Полярного шелкового пути. В данном направлении

страны проводят совместные исследования, экспедиции и обучение, а также обмениваются исследовательским оборудованием и данными. Например, в августе 2019 г. была организована первая совместная экспедиция в море Лаптевых для изучения Сибирского арктического шельфа, в ходе нее проводились исследования в области морской геологии, топографии, физической океанографии и морской химии. В 2020 г. состоялась совместная экспедиция в Баренцево море.

Кроме научно-исследовательской деятельности Россия и Китай сотрудничали как в рамках разработки норм международного экологического права по сохранению хрупкой экосистемы Арктики, так и «в Арктическом совете», участвуя в рабочих группах по различным экологическим аспектам:

- а) Устранение загрязнения Арктики (ACAP);
- б) Реализация Арктической программы мониторинга и оценки (AMAP);
- в) Сохранение арктической флоры и фауны (CAFF);
- г) Предотвращение, готовность и реагирование на чрезвычайные ситуации (EPPR);
- д) Охрана морской среды Арктики (ПАМЕ);
- е) Устойчивое развитие в Арктике (SDWG) [9].

Анализ подходов, интегрированных в политику КНР и России в Арктике, свидетельствует о том, что у стран много общих интересов в регионе. В то же время у них нет открытых или потенциально значимых конфликтов по климатической северной повестке дня. Руководствуясь принципами международного права, участвуя в ряде международных организаций (Арктический совет, Международная морская организация), Россия и Китай предпринимают попытки развития конструктивного многостороннего и двустороннего диалога.

По мнению автора, значимым проектом для обеспечения устойчивого развития Арктики является подписанная в 2021 г. между экс-главой Роскосмоса Д. О. Рогозиным и главой Китайского комитета по спутниковой навигации Хэ Юбинь дорожная карта сотрудничества в области спутниковой навигации на 2021–2025 гг., которая предусматривает комплексное и инновационное развитие систем ГЛОНАСС и Beidou, а также строительство наземных станций в Китае и России [7]. Эта система позволит вести спутниковое наблюдение за таянием льдов в Арктике и движением земной коры.

Выводы

В настоящее время будущее экологическое равновесие и состояние Арктического региона в соответствии с Целями устойчивого развития остается неопределенным. Не подлежит сомнению тот факт, что для решения многих проблем Арктики в области экологии необходимо применять современные технологические и политические решения, а поскольку экология окружающей среды — вопрос не только государственный, но и общечеловеческий, то взаимное сотрудничество, обмен опытом и укрепление дружбы между Китаем и Россией могли бы помочь не только в достижении цели по защите Арктического региона, но и заложить фундамент для дальнейшего сотрудничества в различных отраслях. Необходимо разработать комплекс мер по улучшению текущей ситуации, для этого надо учитывать множество факторов, такие как: изменение климата, защита экологического разнообразия, проблемы загрязнения морской среды, научные исследования региона, уважение и защита интересов местных жителей и т. д. Учитывая текущую международную конъюнктуру, а именно теплые взаимоотношения между Китаем и Россией, уровень их технологического и культурного развития, значительную результативность в решении вопросов охраны окружающей среды могли бы продемонстрировать Китай и Россия. Совместные стратегические до-

кументы, реализуемые инициативы и проекты двух стран нацелены на борьбу с изменением климата, сохранение морских экосистем и защиту наземного природного наследия.

Литература

1. Ван Цзиньпин, Лю Цзяюэ, Ли Юйхан, Чэнь Люлинь, У Сюпин. План арктических исследований в арктических странах и последствия для Китая // Научно-технический вестник. 2021. Т. 39. № 9. С. 9–16 (на кит. яз.).
2. Грачев А. А. Арктика — регион противоположных интересов // Мир перемен. 2021. № 3. С. 47–59.
3. Коваль В. П., Лыжин Д. Н. Международное экологическое сотрудничество в Арктике // Арктика и Север. 2016. № 22. С. 139–149.
4. Ли Дахай, Чжан Иннань. Влияние таяния арктических льдов на геоэкономику Китая // Журнал Шаньдунского университета (философия и социальные науки). 2020. № 4. С. 111–121 (на кит. яз.).
5. Нань Ян, Пэйцзин Го. Китайско-российское сотрудничество в Арктике: текущая ситуация, вызовы и приоритеты развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 3. С. 259–273.
6. Сунь Юаньюе, Зубенко В. А. Анализ российско-китайского арктического сотрудничества: основные положения, преимущества, политика и возможности // Проблемы теории и практики управления. 2021. № 10. С. 38–56.
7. Сяо Ян. Избыток предложения и ограниченная интеграция норм управления Арктикой // Международная политическая наука. 2021. № 3. С. 125–153 (на кит. яз.).
8. Хуан Сочжу. Сотрудничество между Китаем и Россией в освоении энергетики Арктики // Инновации и инвестиции. 2021. № 1. С. 61–65.
9. The Arctic Council: between environmental protection and geopolitics / by Svein Vigeland Rottem. Singapore : Palgrave Macmillan, 2020. 104 p.
10. Manta F. China's policies on Polar Silk Road and impacts on trade and energy use in Arctic region // Chinese journal of population resources and environment. 2019. Vol. 17. N 4. P. 322–328.

Об авторе:

Фу Синьсинь, аспирант факультета государственного управления Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); 791927224@qq.com; <https://orcid.org/0000-0001-5337-2615>.

References

1. Wang Jinping, Liu Jiayue, Li Yuhang, WU Xiuping. The layout of Arctic research in Arctic-rim countries and implications for China // Science and Technology Herald, 2021, Vol. 39. N 9. P. 9–16 (in Chinese).
2. Grachev A. A. The Arctic is a region of opposing interests // World of Change. 2021. N 3. P. 47–59 (in Rus).
3. Koval V. P., Lyzhin D. N. International environmental cooperation in the Arctic // Arctic and North. 2016. N 22. P. 139–149 (in Rus).
4. Li Dahai, Zhang Ying Nan. The impact of Arctic ice melt on China's geo-economy // Journal of Shandong University (Philosophy and Social Science Edition). 2020. N 4. P. 111–121 (in Chinese).
5. Nan Yang, Peijing Guo. Sino-Russian Cooperation in the Arctic: Current Situation, Challenges and Development Priorities // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2022. Vol. 15. N 3. P. 259–273 (in Rus).
6. Sun Yuyue, Zubenko V. A. Analysis of Russian-Chinese Arctic cooperation: main provisions, advantages, policy and opportunities // Problems of the Theory and Practice of Management. 2021. N 10. P. 38–56 (in Rus).

7. Xiao Yang. Arctic governance norms oversupply and limited convergence // International Political Science. 2021. N 3. P. 125–153 (in Chinese).
8. Huang Suozhu. Cooperation between China and Russia in the development of energy in the Arctic // Innovation and Investment. 2021. N 1. P. 61–65 (in Rus).
9. The Arctic Council: between environmental protection and geopolitics / by Svein Vigeland Rottem. Singapore : Palgrave Macmillan, 2020. 104 p.
10. Manta F. China's policies on Polar Silk Road and impacts on trade and energy use in Arctic region // Chinese journal of population resources and environment. 2019. Vol. 17. N 4. P. 322–328.

About the author:

Fu Xinxin, Graduate Student of School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); 791927224@qq.com; <https://orcid.org/0000-0001-5337-2615>

О восприятии России как образовательного направления студентами немецкого университета*

Савельчев Л. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; Isavelchev-17@edu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель статьи — изучить восприятие России как образовательного направления среди студентов бакалавриата (В.А.) и магистратуры (М.А.) Рейн-Ваальского университета прикладных наук (Клеве, Германия).

Методы. Исследование построено на методе кейс-стади на примере студентов бакалавриата и магистратуры Рейн-Ваальского университета прикладных наук (Клеве, Германия). Исследовательский вопрос — «Как воспринимают Россию в качестве образовательного направления студенты бакалавриата (В.А) и магистратуры (М.А) Рейн-Ваальского университета прикладных наук в Германии?» — сформулирован на основе рефлексивного и интерпретивистского подходов. Для решения вопроса исследования была выбрана смешанная методология: исследование литературных и интернет-источников, и анкетирование в качестве методов сбора данных, а также контент-анализ в качестве стратегии анализа данных.

Результаты. Результаты исследования показали, что 79% респондентов хотели бы посетить Россию, однако, только 18% респондентов могут рассмотреть Россию в качестве образовательного направления (результаты основаны на 33 ответах из 7390 студентов в целом — обоснование малой выборки содержится в разделе, посвященном методологии). Поразительно низкий интерес к обучению в России объясняется: 1) предпочтениями, лежащими в других образовательных направлениях; 2) языковым барьером; 3) отсутствием информации о российских программах обучения на английском языке и 4) недостаточной финансовой поддержкой обучения в России. Кроме того, результаты опроса показали, что негативное восприятие России как образовательного направления может быть связано с различными ценностями, которых придерживаются студенты Рейн-Ваальского университета прикладных наук, и ценностями, которых придерживается население России в целом (в восприятии иностранных студентов), но это требует дальнейшего изучения.

Выводы. В результате данного исследования можно сделать три основных вывода. Во-первых, в литературе по международным отношениям недостаточно внимания уделяется влиянию международной образовательной мобильности и изменениям в мировоззрении, и ценностях студентов. Во-вторых, высшее образование и международная студенческая мобильность рассматриваются как один из инструментов продвижения ценностей и факторов, способствующих «мягкой силе» государств. В-третьих, результаты кейса Рейн-Ваальского университета прикладных наук, похоже, подтверждают гипотезу Сильвии Ломер о том, что студенты уже позитивно предрасположены к стране, в которой они собираются учиться ввиду своих политико-идеологических установок.

Ключевые слова: студенческая мобильность, мягкая сила, неолиберализм, российский имидж, ценности, международные студенты, германо-российские отношения

Для цитирования: Савельчев Л. А. О восприятии России как образовательного направления студентами немецкого университета // Управленческое консультирование. 2023. № 5. С. 129–145.

* Автор глубоко признателен своему научному руководителю — доктору Иване Джурич (PhD), доценту кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС, которая оказала неоценимую поддержку в вопросах методологии и поделилась знаниями по составлению и написанию научных исследований.

On the Perceptions of Russia as an Educational Destination by the Students at German University

Leonid A. Savelchev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; Isavelchev-17@edu.ranepa.ru

ABSTRACT

Purpose. The purpose of the article was to explore how Russia is perceived as an educational destination among undergraduate (B.A.) and postgraduate (M.A.) students at Rhine-Waal University of Applied Sciences (Kleve, Germany) during the summer semester 2022.

Methods. The research was conceived as a reflective study based on the case-oriented research design and with a single case examined: the Rhine-Waal University of Applied Sciences (Kleve, Germany) and its undergraduate (B.A.) and postgraduate (M.A.) students. To address the research question: “How is Russia being perceived as an educational destination by undergraduate (B.A.) and postgraduate (M.A.) students at Rhine-Waal University of Applied Sciences in Germany?”, a mixed method was selected with archival and document-based research which was paired with a survey as a data collection technique; and a content analysis as a strategy for data analysis.

Results. Results of this survey have showed that 79% of respondents would like to visit Russia, but only 18% of respondents may consider Russia as a place to go studying (results are based on 33 replies out of 7390 students in total — the justification of small sampling is explained in the Methods part). Strikingly low interest to study in Russia was explained by 1) other educational destination preferences; 2) language barrier, and 3) lack of information on the Russian study programs and 4) insufficient financial support of studying in Russia. In addition, the survey results indicated that the negative perceptions of Russia as an educational destination could be related to the different values held by the students at the Rhine-Waal University of Applied Sciences, and those held by general population in Russia (as perceived by the students), but this would require further investigation.

Conclusions. There are three major findings resulting from this study. Firstly, there is an inadequate attention in International Relations’ literature on the influence of international student mobility and change in students’ worldview and values. Secondly, higher education and international student mobility are considered as one of the instruments for value promotion and factors contributing to the soft power of the states. Thirdly, the results of Rhine-Waal University of Applied Sciences case seem to confirm Sylvie Lomer’s hypothesis that students are already positively predisposed to the country where they intend to go studying.

Keywords: student mobility, soft power, neoliberalism, Russian image, values, international students, Russian-German relationships

For citation: Savelchev L. A. On the perceptions of Russia as an educational destination by the students at German university // Administrative Consulting. 2023. N 5. P. 129–145.

Введение

Международная студенческая мобильность является наиболее распространенным видом деятельности по интернализации¹ высшего образования, набирающая все большую популярность. Как отмечает ОЭСР, «потребности все более наукоемких и инновационных экономик стимулируют спрос на высшее образование во всем мире, а рост благосостояния в странах с развивающейся экономикой побуждает

¹ Как отмечает Цзянь Ли, интернализация образования выступает в качестве инструмента, который способствует развитию процессов глобализации, а именно формированию у студентов международного сознания и развития межкультурных навыков общения для выживания в глобальном мире. Интернализация образования подразумевает разработку научно-образовательных проектов на основе взаимовыгодных инициатив и партнерств между правительствами, университетами и образовательными агентствами различных стран [8, с. 13].

детей среднего класса искать возможности получения образования за рубежом»¹. Число студентов, получающих высшее образование за пределами стран своего происхождения, увеличилось с 0,8 млн чел. в 1970-х годах [17, с. 1] до 6,1 млн в 2019 г.² Данные ОЭСР показывают, что глобальное число участников, зачисленных в программы обмена бакалавров, магистров и докторов наук, неуклонно растет и в среднем составляет 5,5% за каждый год в период с 1998 по 2019 г.³

Анализ данных ЮНЕСКО по перемещению международных студентов показывает, что Россия занимает 33-е место в списке предпочтений немецких студентов, в то время как Германия занимает 1-е место в списке образовательной мобильности российских студентов⁴. Этот разрыв в предпочтениях побудил автора выяснить, как Россия воспринимается в качестве образовательного направления студентами на примере Рейн-Ваальского университета прикладных наук (Клеве, Германия). Использование данного кейса стало возможным благодаря тому, что автор статьи участвовал в программе студенческого обмена в Германию от Северо-Западного института управления РАНХиГС в летнем семестре 2022 г.

Помимо прочего предпосылками для проведения исследования послужили прочные двусторонние отношения между Россией и Германией в области образования и науки, которые закреплены различными нормативными документами: например, Концепцией внешней политики Российской Федерации 2016 г., в которой Германия определена как субъект, с которым Россия налаживает «взаимовыгодные двусторонние отношения»⁵, а также Российско-Германской «Дорожной карты» сотрудничества в области образования, науки, научных исследований и инноваций 2018 г.*, рассчитанной на 10 лет плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества в научно-образовательной сфере⁶. Как заявила в своем выступлении министр иностранных дел Германии Анналена Бербок в январе 2022 г., в Германии обучается 14 тыс. российских студентов — такого количества нет ни в одной другой стране мира. Кроме того, она подчеркнула, что между российскими и немецкими университетами существует порядка тысячи партнерских связей, которые, как резюмировала А. Бербок, подчеркивают особую ценность образования как важного инструмента в укреплении двусторонних отношений между Россией и Германией⁷.

Обзор литературы показал, что, с одной стороны, высшее образование и международная студенческая мобильность признаются важнейшими факторами и инстру-

¹ OECD, 2021. Education at a Glance 2021: OECD Indicators, OECD Publishing, Paris. С. 213. DOI: 10.1787/b35a14e5-en>.

² Там же, с. 215.

³ Там же.

⁴ Global Flow of Tertiary-level students // UNESCO Institute for Statistics [Электронный ресурс]. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow/slideoutmenu> (дата обращения: 26.10.2022).

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901/?lang=ru (дата обращения: 26.10.2022).

⁶ Российско-Германская «Дорожная карта»* сотрудничества в области образования, науки, научных исследований и инноваций между Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и Федеральным министерством образования и научных исследований Федеративной Республики Германия от 10.12.2018, с. 1 // Министерство науки и высшего образования РФ [Электронный ресурс]. URL: https://m.minobrnauki.gov.ru/common/upload/library/2018/12/Rossijsko-Germanskaya_dorozhnaya_karta.pdf (дата обращения: 26.10.2022).

* Действие карты было приостановлено в феврале 2022 г. по инициативе немецкой стороны в связи с политическим кризисом на Украине.

⁷ Политик: Россия, Украина, США, ЕС. Срочное заявление Лаврова и МИД Германии по Украине и Северному потоку [Электронный ресурс]**. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZsbHu11CmMo> (дата обращения: 26.10.2022). **РКН: сайт нарушает закон РФ.

ментами, способствующими «мягкой силе» государств [1; 4; 8; 12; 13; 15; 18]. С другой стороны, высшее образование и международная студенческая мобильность не получили должного внимания в литературе по международным отношениям в рамках таких вопросов, как: а) формирование предпочтений студентов при выборе места обучения; б) влияние международной студенческой мобильности на формирование политико-идеологических установок; а также в) роль международной студенческой мобильности в формировании межгосударственных отношений.

Именно этот пробел в литературе послужил основанием для постановки исследовательского вопроса: «Как воспринимают Россию в качестве образовательного направления студенты бакалавриата (В.А) и магистратуры (М.А) Рейн-Ваальского университета прикладных наук?». Целью данного исследования является проверка гипотезы Сильвии Ломер о том, что выбор образовательного направления зависит от политико-идеологических установок студентов. Согласно моей гипотезе, Россия как образовательное направление будет восприниматься студентами Рейн-Ваальского университета прикладных наук негативно, поскольку Россия не является страной, поддерживающей либеральные идеи, в отличие от Германии. Поэтому студенты не будут идентифицировать себя с Россией и, как следствие, не будут разделять политико-идеологические установки.

Обзор литературы

Целью данного раздела является создание теоретической основы для объяснения сущности студенческой мобильности в международных отношениях и роли ценностей как элемента, формирующего имидж государства. Сначала будут определены ключевые понятия, относящиеся к данной теме: студенческая мобильность, иностранные студенты и ценности. Затем будут раскрыты теории, которые могут пролить свет на взаимосвязь между студенческой мобильностью и международными отношениями.

Мобильность относится к различным перемещениям людей, которые включают в себя ежедневные поездки на короткие или дальние расстояния. Последнее обычно требует пересечения границ и специальных миграционных разрешений [17, с. 4]. В данной статье сделан акцент на международной студенческой мобильности, которая включает в себя лиц, покидающих место своего постоянного проживания и выезжающих на длительный (более 1 года) или короткий (до 1 года) период времени в другую страну с целью обучения в зарубежных университетах. Лица, вовлеченные в такую деятельность, называются международными или иностранными студентами [17, с. 5].

Ценности — это неоднозначный термин, поскольку они могут иметь различное значение в зависимости от контекста. В целом понятие «ценность» относится к убеждению индивида, которое кажется «предпочтительным по сравнению с противоположным» [2, с. 111]; например, быть искренним, а не лживым. Однако, поскольку данная статья относится к области международных отношений, необходимо рассмотреть ценности с политической точки зрения. Согласно утилитарному подходу, политические ценности обозначают все, что необходимо для реализации человеческих потребностей и интересов [2, с. 110]. Предыдущий подход является слишком широким, но необходимым для того, чтобы перейти к следующему — политико-идеологическому подходу. Согласно данному подходу, политические ценности «играют роль культурного образца и социального регулятора» [2, с. 111]. Именно это обоснование политических ценностей предлагается применить в качестве ключевого в данной статье. Предполагается, что «культурный образец» (паттерн) индивида о том, какой образ государства (правовой, демократический, полицейский, авторитарный и т. д.) должен быть образцом, составляют его привлекательность, которая

впоследствии является основополагающим фактором для студентов при выборе страны в качестве места получения образования.

В качестве основы использовалась типология политических ценностей российских граждан, предложенная А. В. Селезневой [3, с. 10]. Эта типология состоит из 20 ценностей, таких как равенство, демократия, частная собственность, национализм, традиционализм, стабильность, солидарность, толерантность, мир, порядок, свобода, верховенство закона и т. д. [Там же]. Однако автор преобразовал типологию А. В. Селезневой таким образом, чтобы представить обе стороны, Россию и Германию, а термины, относящиеся к ценностям, были емкими и понятными для респондентов обеих стран. Например, традиционализм был уточнен путем упоминания таких ценностей, как религия и институт семьи, состоящей из мужчины и женщины, а толерантность — путем упоминания прав ЛГБТ-сообщества и других меньшинств. Предложенная автором типология будет отражена в части, посвященной результатам исследования.

Международная студенческая мобильность может быть объяснена через призму таких теорий международных отношений, как либерализм и неолиберализм (структурный либерализм). Классическая теория либерализма рубежа XVII и XVIII в. исходит из экономической идеи саморегулирующегося рынка, где люди имеют право на жизнь, свободу слова, право формировать ограниченные правительства, основной функцией которых является защита прав личности и частной собственности [16, с. 5]. В свою очередь неолиберализм или структурный либерализм, возникший в 1980-х гг., стал контекстуальным дополнением к уже существующим основам либерализма. Как утверждают Дэниел Деудни и Джон Икенберри, одной из характеристик структурного либерализма является гражданская идентичность — противоположность национальной идентичности реалистической школы, — обозначающая так называемый «западный дух», который включает в себя общие нормы, социальные нравы и политическую идентичность [6, с. 192]. На практике эти элементы «западного духа» являются идеологией, которая воплощается в политической демократии, рыночной экономике, этнической терпимости и личной свободе [Там же], а также в глобальных потоках товаров, услуг и рабочей силы [16, с. 12].

Как отмечают Манфред Штегер и Рави Рой, идеология является одним из проявлений неолиберализма, которую следует понимать как систему общих идей и утверждений, принимаемых большинством людей за истину [16, с. 11]. Эти идеи распространяются через СМИ так называемой глобальной властной элитой: политиками, бюрократами, руководителями транснациональных корпораций, журналистами, знаменитостями, специалистами по связям с общественностью и т. д. Властная элита выступает в качестве кодификатора и защитника неолиберальных идей, насыщая общественное сознание дискурсом идеализированного потребительского рынка [16, с. 12].

Возвращаясь к гражданской идентичности как одной из характеристик неолиберализма, основанной на общих нормах и принципах, связанных с политической демократией, конституционным правительством и правами личности, студенческая мобильность является одним из методов распространения, потребления и интернализации этих идей [6, с. 194]. Удешевление авиаперелетов и развитие информационно-коммуникационных технологий привели к росту мобильности, включая образовательные обмены между либеральными странами (например, США, Канадой и странами ЕС). Культурные, деловые и политические контакты привели к общему образованию, а также к разделению общих норм и ценностей, что в конечном итоге привело к формированию общей идентичности, культуры, а также к размытию национализма и этничности. С последним западное сообщество справляется двумя способами: через проявление лояльности (*loyalty*) и чувств (*sentiment*),

ни одно из которых не преобладает, а также через установление этики толерантности — принятия друг друга как общего «мы» [6, с. 194].

Однако если с государствами, имеющими общие интересы и исторические корни, все более или менее понятно, то каково значение студенческой мобильности между странами с разными идеологиями?

Основываясь на неолиберальной парадигме международных отношений, американский ученый Джозеф Най в 1990 г. разработал концепцию «мягкой силы», которую он раскрыл как «способность убедить одних хотеть того, чего хотят другие посредством привлекательности идей и умения манипулировать политической повесткой» [11, с. 31]. Он указывает, что «мягкая сила» государств «основывается на способности формировать предпочтения других» на основе своих нематериальных активов (ресурсов) [12, с. 7]: культуры, политических ценностей и внешней политики [12, с. 11]. Образование в данной концепции рассматривается как часть «культуры» [Там же], а студенческая мобильность в качестве инструмента публичной дипломатии [12, с. 109]. Под публичной дипломатией понимается косвенная форма влияния одного государства на правительства других государств через общение с гражданским обществом [13, с. 106]. И образовательные обмены являются одним из инструментов такого влияния наряду с конференциями, тренингами, семинарами и каналами СМИ [Там же]. Идея Дж. Найа исходит из того, что студенческие обмены с США являются каналом передачи идей и ценностей, которые, достигнув политических элит, помогают правительству США осуществлять невидимое влияние на государственные решения и политику других акторов [12, с. 13].

Помимо Найа, исследования высшего образования и студенческой мобильности как ресурса «мягкой силы» и инструмента публичной дипломатии проводились и другими учеными. Например, Анна Войчук, Мацей Михалец и Марта Штормовска пришли к выводу о том, что образование как источник «мягкой силы» является «ключевой ареной для будущего потенциала страны, поскольку оно ориентировано на будущее поколение и является средством для расширения возможностей отдельных людей и наций» [18, с. 301]. В свою очередь Цзянь Ли утверждает, что «взаимодействие глобализации и интернационализации высшего образования предлагает неизбежные силы для формирования «мягкой силы» в высшем образовании во всем мире» [8, с. 8]. А Айгерим Раимжанова теоретизирует, что образование как ресурс власти относится не только к мягкой, но и к жесткой силе (силе принуждения и насилия), поскольку оно также обладает характеристиками остроты в экономической перспективе [15, с. 160]. В этой связи она рассматривает высшее образование как ресурс «умной силы» (сочетание «жесткой силы» и «мягкой силы»). Однако она признает, что нет общедоступных литературных источников для эмпирического подтверждения этого тезиса [Там же].

Отдельной категорией дебатов является влияние студенческой мобильности на ценности студентов. Вопрос о том, являются ли студенты положительно предрасположенными к стране, в которой они собираются учиться, остается эмпирически неподтвержденным. Особенно это касается стран с разными культурными традициями, историческими и расовыми различиями. По мнению Лэйли Рустамовой, образование является одним из эффективных ресурсов «мягкой силы», поскольку оно воздействует непосредственно на целевую группу (студентов), которая изначально открыта для такого влияния [1, с. 57]. Так, она утверждает, что образовательные обмены могут влиять на формирование политических установок и ценностей студентов, поскольку психика целевой группы, состоящей из молодых людей в возрасте от 17 до 35 лет, находится в стадии становления и может меняться в процессе приобретения опыта [1, с. 58].

В свою очередь исследование Сильвии Ломер [9], посвященное студенческим обменам в Великобритании с 1999 по 2013 г., ставит под сомнение устоявшееся

утверждение о том, что опыт студенческой мобильности иностранных студентов меняет их отношение к принимающей стране. С. Ломер поясняет, что необходимо различать политическую предрасположенность (political dispositions) и идентификацию (identification): первое относится к политическим и идеологическим убеждениям, а второе — к чувству принадлежности к стране [9, с. 590]. В этой связи она приходит к выводу, что если студент идентифицирует себя со страной, то он автоматически принимает политические и идеологические взгляды принимающей страны [9, с. 590], которые, как указано в начале статьи, могут включать либеральные ценности, такие как права и свободы человека, толерантность, конституционная власть, политическая демократия, мультикультурализм и т. д.

Д. Най и Э. Кэрол не согласились бы с С. Ломер, поскольку их позиция относительно влияния студенческих обменов радикально отличается. Най неоднократно приводит в пример распад Советского Союза как следствие проникновения либеральных идей через образовательные обмены с США с 1958 г. [12, с. 46]. Аналогичным образом сравнительный анализ гражданских и военных образовательных обменов с 1980 по 2006 г, проведенный К. Эткинсон, показал, что образовательные программы США сыграли важную роль в продвижении либеральных ценностей (таких как права и свободы человека и развитие демократических институтов власти) в авторитарных государствах, в частности в СССР [4, с. 17].

Схожую с Д. Наем и К. Эткинсон позицию занимает Уилл Браун. В одном из своих аргументов о том, почему африканские страны, веками находившиеся под колониальным гнетом, отказались принять резолюцию (о выводе российских войск с Украины) против России, У. Браун указывает на тот факт, что часть африканской авторитарной элиты получила образование в СССР¹.

В данном исследовании на примере Рейн-Ваальского университета прикладных наук автором будет предпринята попытка проверить гипотезу Сильвии Ломер о том, что выбор образовательного направления зависит от ценностей студентов. Согласно исходной гипотезе автора, Россия как место получения образования будет восприниматься студентами вышеназванного университета негативно. Этого следует ожидать, поскольку Россия будет рассматриваться как страна, которая не поддерживает либеральные идеи. Поэтому ожидается, что студенты вряд ли будут идентифицировать себя с Россией и, как следствие, не будут разделять то, что С. Ломер называет «политическими установками».

Методология

Исследование основано на методе кейс-стади, в качестве кейса выступает Рейн-Ваальский университет прикладных наук (Клеве, Германия). Исследовательский вопрос — «Как воспринимают Россию в качестве образовательного направления студенты бакалавриата (В.А) и магистратуры (М.А) Рейн-Ваальского университета прикладных наук?» — сформулирован в соответствии с рефлексивным (reflective) и интерпретивистскими (interpretivist) подходами. В основу исследования положена смешенная методология (качественная и количественная), включающая исследование литературных и интернет-источников, и анкетирование в качестве методов сбора данных; а также контент-анализ в качестве стратегии анализа данных.

¹ Brown W. History, politics and mercenaries: why so many African nations are quietly standing by Putin // The Telegraph. 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.telegraph.co.uk/global-health/terror-and-security/history-politics-mercenaries-many-african-nations-quietly-standing/?WT.mc_id=e_DM1549300&WT.tsrc=email&etype=Edi_GHS_New_Daily&utm_source=email (дата обращения: 20.10.2022).

Анкетирование проводилось дистанционно с использованием электронного ресурса «Forms» от компании Microsoft 365. Эта функция дает возможность проводить опросы удаленно с помощью гиперссылки, обрабатывая данные автоматически и представляя ответы респондентов в систематизированном виде. Анкета была отправлена студентам Рейн-Ваальского университета прикладных наук через мессенджер WhatsApp. Данный метод обусловлен тем фактом, что у исследователя не было доступа к более формальному каналу коммуникации, например, корпоративной электронной почты студентов.

В основу отбора целевой группы исследования была положена невероятностная выборка по принципу удобства¹, поскольку она подходит для интерпретивистского исследовательского подхода. Данная выборка подразумевает, что отбор потенциальных участников был субъективным и потенциальные респонденты не имели равного шанса стать участниками исследования. Основная ценность невероятностной выборки состоит в том, чтобы представить опыт, мнения и взгляды людей по рассматриваемому вопросу [14, с. 100]. Невероятностная выборка по принципу удобства не требует никаких процедур, кроме как принципов удобства и доступности при отборе потенциальных участников [14, с. 102].

Для анализа данных использовался контент-анализ. Контент-анализ позволяет исследователю анализировать социальные артефакты, такие как убеждения и тенденции, чтобы сделать надежные, воспроизводимые и достоверные выводы из текстов [5, с. 184]. В данной работе контент-анализ используется для интерпретации контекста ответов участников и подсчета количества упоминаний, когда то или иное слово, или фраза были использованы респондентом. Цель этого — выявить тенденции, которые могут помочь автору прийти к ответу на исследовательский вопрос: например, что стоит за причинами участия или не участия индивида в образовательной мобильности в Россию.

Что касается ограничений исследования, то, прежде всего, они касаются репрезентативности результатов исследования. В опросе приняли участие 35 студентов, среди которых: а) 3 студента по обмену (краткосрочное обучение от 6 месяцев до 1 года); б) 17 студентов с немецким гражданством, получающих степень бакалавра или магистра; и в) 15 студентов с иностранным гражданством (не немецким), также получающих степень бакалавра или магистра. Относительно небольшая выборка объясняется тем, что исследование проводилось в конце семестра, в период экзаменов, что могло негативно повлиять на желание целевой группы участвовать в опросе. Также нежелание участвовать в опросе могло быть связано с негативным настроением студентов в связи с ситуацией в Украине. Хотя результаты опроса ни в коем случае нельзя брать за основу для обобщений, их все же можно использовать как отправную точку для более исчерпывающего будущего исследования. При традиционном взгляде на опросы и статистический анализ выборка может показаться слишком маленькой, однако в качественном исследовании ее вполне достаточно. На самом деле сама случайность респондентов (не выбранных намеренно) делает результаты более сильными и значимыми.

Также, поскольку вопрос исследования является интерпретивистским, результаты могут быть невоспроизводимыми и необъективными, так как выводы основаны на понимании автором социального контекста [7, с. 25].

Результаты исследования и обсуждение

В исследовании приняли участие 35 студентов из 13 стран, представляющих 7 различных программ бакалавриата и магистратуры. Подавляющее большинство студен-

¹ Non-probability sample of convenience.

тов были зачислены на программу бакалавриата по международным отношениям — 25 чел., остальные 10 студентов представляли другие программы (машиностроение, гендер и разнообразие, международный бизнес и менеджмент, и биоинженерия). Из этих 10 студентов 8 чел. были студентами бакалавриата и 2 — магистратуры. Граждане Германии составили около половины респондентов — 17 чел.; остальные 18 чел. были гражданами России, Испании, Франции, Албании, Камеруна, Бразилии, Молдовы, Чили, Индии, Вьетнама, Ирана, Турции и Казахстана. Возраст участников варьировал от 18 до 27 лет, со средним значением в 20 лет. С точки зрения гендерного распределения представители женского пола составили — 51%, а представители мужского пола — 49%. Ввиду того, что среди респондентов было два гражданина России, они не были включены в анализ данных, так как это могло бы исказить результаты. Таким образом, анализ результатов опроса основан на ответах 33 респондентов из числа студентов, не являющихся гражданами России.

В части, посвященной обучению в России, студентам были заданы вопросы о том, бывали ли они когда-либо в России, а также о гипотетической возможности приезда в Россию в будущем. Большинство студентов — 31 чел. (94%) никогда не были в России. В свою очередь, 26 (79%) респондентов хотели бы посетить страну в будущем; трое (9%) отказались от такой возможности, а четверо (12%) не ответили на вопрос. Среди тех, кто отказался от возможности посетить Россию и не ответил на вопрос, лишь несколько респондентов обосновали отрицательное решение, назвав следующие причины: а) текущая политическая ситуация (3 ответа); б) языковой барьер (1 ответ) и в) отсутствие информации об образовательных программах (1 ответ). Два (6%) респондента из Казахстана и Германии, которые уже посещали Россию, оценили свое пребывание как среднее, поставив 5 баллов (по шкале от 1 до 10, где 1 — очень разочарован и 10 — очень доволен). Однако они не указали и не обосновали никаких положительных или отрицательных впечатлений, связанных с их пребыванием.

Когда респондентов спросили, рассматривали ли они Россию в качестве образовательного направления на семестр или с целью получения диплома в прошлом (до февраля 2022 г.), только 6 студентов ответили положительно, в то время как 25 студентов ответили отрицательно, остальные 2 респондента не стали отвечать на вопрос. Те, кто заявили о своей заинтересованности в проведении семестра в России, в качестве основной мотивации указали российскую культуру (включая самих людей, язык и историю). Кроме того, участники выразили интерес к Центральной Азии, постсоветскому пространству и российской системе образования.

Напротив, студенты, отклонившие возможность обучения в России, упомянули следующие причины: заинтересованность в других образовательных направлениях (9 раз), языковой барьер (4 раза); отсутствие информации об образовательных программах на английском языке (2 раза); и по одному ответу за а) восприятие России как неподходящего места для обучения и б) как непривлекательное место для обучения. Кроме того, участники были обеспокоены тем, что учебный план будет основан на политической пропаганде и предполагаемом пренебрежении правами человека и меньшинств, или, как заявил один из респондентов, «несовместимостью моральных взглядов» в отношении ЛГБТ-сообщества.

Отвечая на вопрос о перспективах обучения в России, большинство, а именно 26 (79%) респондентов, отвергли возможность провести в России хотя бы один семестр или получить диплом. Шесть респондентов (18%) подтвердили свою заинтересованность, а один человек (3%) воздержался от ответа на этот вопрос. Те, кто подтвердили свой интерес к будущей перспективе поступления на программы российских вузов, четыре раза отметили российскую культуру как основную мотивацию для обучения в России. Среди 26 отрицательных ответов 11 раз упоминались предпочтения в других образовательных направлениях, 5 раз была названа текущая

политическая ситуация в Украине, 2 раза упоминался языковой барьер; один студент выразил мнение, что Россия не может предложить качественное образование по сравнению с Германией, и еще один студент затруднился высказать свое мнение по данному вопросу.

Таким образом, 79% респондентов хотели бы посетить Россию, но только 18% студентов могут рассмотреть Россию в качестве образовательного направления. Примечательно, что на вопрос «Что привлекает вас в выборе России в качестве места учебы?» наиболее часто упоминаемый ответ был связан с русской культурой (7 раз), что говорит об относительно высокой осведомленности и признании высокой российской культуры (это тем более актуально, учитывая средний возраст респондентов в 20 лет). Другие ответы включали беспокойство по поводу финансовой поддержки (1) и стоимости обучения (1); суровой погоды (1); недоброжелательного отношения к иностранцам (1); безопасности (т. е. личной защищенности) (2); проблем с правами человека (1) и политической ситуации (1).

Возникает вопрос: посредством чего формируется негативное представление о российской культуре и России в целом, в частности среди тех многих студентов, которые никогда не были на территории России? Можно предположить, что негативные представления о России формируются под влиянием средств массовой информации как местных, так и международных (например, посредством информационных агентств, газет, телевидения и социальных сетей), а также под влиянием авторитетного мнения в лице профессорско-преподавательского состава в стенах университетов. Стоит отметить, что в текущей политической обстановке и, в особенности, после февраля 2022 г., Россия сильно ограничена в продвижении и построении собственного образа за рубежом по причине того, что ее главные институты проецирования «мягкой силы» — Россотрудничество, Русский Мир, Russia Today и Sputnik ограничены в своей деятельности или вовсе запрещены на территории стран «Запада».

Поскольку культура является обобщенным понятием, включающим такие подкатегории, как, например, образование, музыка, театр или литература, участников опроса спросили, какие конкретно элементы российской культуры их больше всего интересуют (см. рис. 1).

На рис. 1 показано, что респонденты выразили интерес прежде всего к таким элементам российской культуры, как русский язык (17), туризм (14), литература (14) и национальная кухня (12). В то время как образование заняло лишь 7-е место. Результат того, что русский язык оказался более популярным, чем туризм и театр, оказался несколько неожиданным. Низкий рейтинг театра можно объяснить тем, что основной целевой группой опроса была молодежь, которая в силу своего социального опыта и возраста не знакома и не интересуется высокой культурой с театральными постановками и спектаклями. В то же время туризм и русская кухня были оценены этой группой гораздо выше, что, с точки зрения возраста, является ожидаемым и неудивительным.

Достаточно высокий интерес к русскому языку можно объяснить тем, что большинство студентов, принявших участие в опросе, специализировались в области международных отношений, где владение различными языками является одним из конкурентных преимуществ для карьеры продвинутого специалиста (очевидно, что язык является основным средством в дипломатическом общении и решении международных проблем). В то же время достаточно низкий рейтинг образования (7-е место) можно объяснить тем, что иностранные студенты не знают и не информированы о российских образовательных программах на английском языке, доступных для иностранных студентов. Кроме того, представляется вполне корректным предположить, что причина, по которой подавляющее большинство студентов отвергли возможность получить высшее образование или хотя бы провести

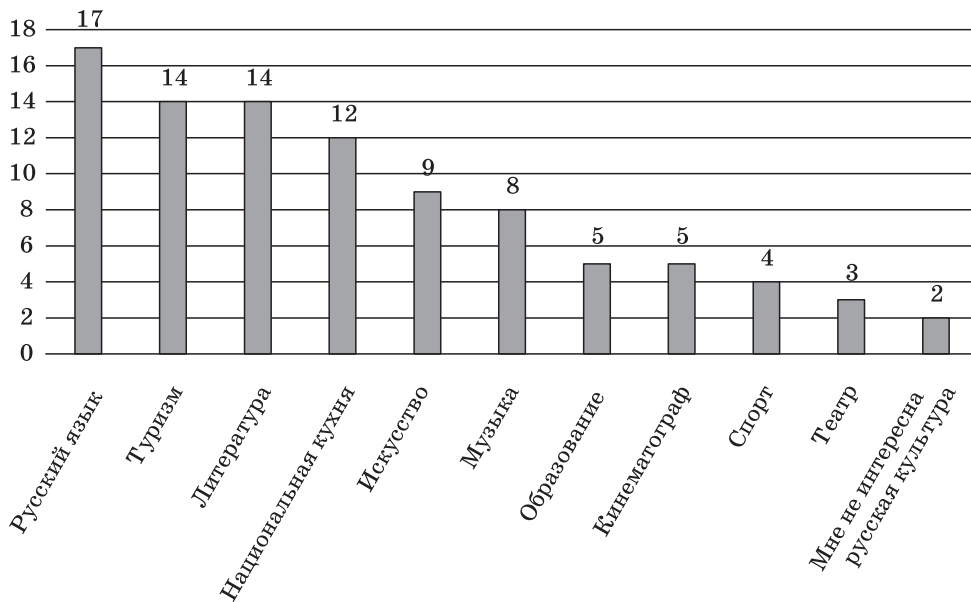

Рис. 1. Интересы иностранных студентов к русской культуре по категориям
 Fig. 1. Ranking elements of Russian culture according to their interest to foreign students

академический семестр в России, связана с их (неправильным) восприятием ожидаемого диссонанса между их личными ценностями и системой ценностей в России. Как уже говорилось ранее в теоретической части, западные страны (США или страны ЕС) в основном финансируют и реализуют программы студенческого обмена для продвижения на международном уровне либеральных идей и внешней повестки дня, особенно в странах, которые они считают нелиберальными, включая Россию. Тем не менее, как показало данное исследование, студенты, обучающиеся в Германии (как немецкие граждане, так и представители других государств), уже позитивно настроены по отношению к Германии и другим странам, продвигающим схожие или идентичные либеральные ценности. Таким образом, если исходить из этого, Россия с самого начала была бы просто непривлекательным местом учебы для этих либерально ориентированных студентов. Соответственно, их беспокойство по поводу того, «чему их будут учить в стране, отличной от нелиберальной?», ожидаемо сильно отталкивает.

Исследование вопросов относительно ценностей студентов было предпринято в четвертой, заключительной части исследования. В ней предполагается, что ценности, и, в особенности, политические ценности студентов, указывают на их желание и предрасположенность учиться в той или иной стране. В первом вопросе студентам предлагалось выбрать до трех ценностей из списка, указав, какие из них им наиболее важны (см. рис. 2). В результате шестью главными ценностями оказались: 1) безопасность (в значении личной защищенности) — 21 ответ; 2) свобода слова и прессы — 19 ответов; 3) верховенство закона — 15 ответов; 4) равенство — 15 ответов; 5) толерантность (включая права ЛГБТ и других меньшинств) — 14 ответов, и 6) межкультурное сообщество — 14 ответов. Традиционные ценности (включая религию, а также семью, определяемую как союз мужчины и женщины) оказались наименее значимыми для студентов и были упомянуты три раза. Авторитет государства на мировой арене был упомянут лишь дважды, а па-

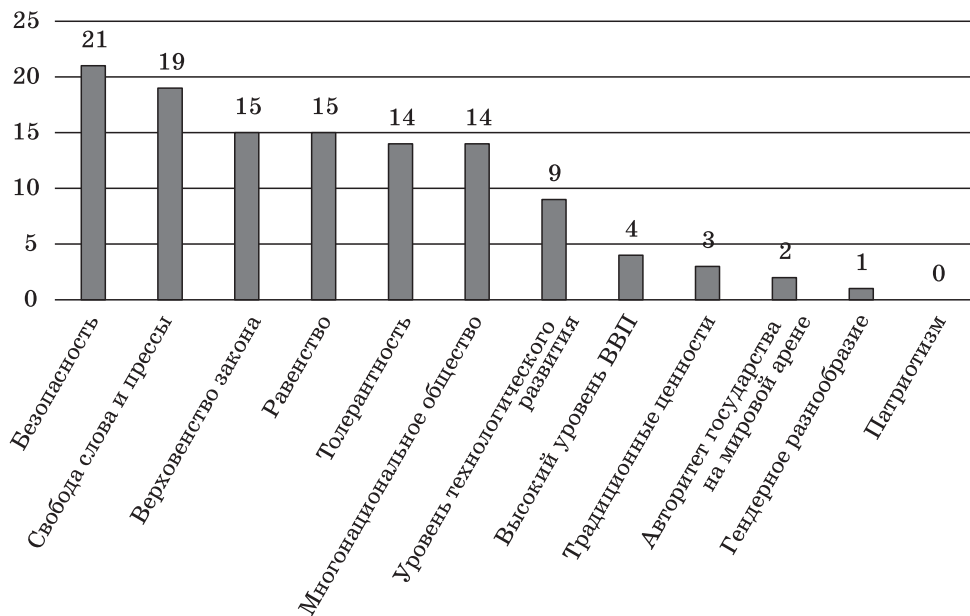

Рис. 2. Ценности, выбранные как наиболее актуальные и важные для студентов
 Fig. 2. Values that are most relevant and important to the students

триотизм, что показательно, вообще не упоминался.

Результаты показывают, что безопасность (в значении личной защищенности) является наиболее значимым элементом жизни людей, что не является чем-то удивительным, учитывая, что эта категория не имеет ничего общего с либеральными ценностями, а является одной из самых основных человеческих потребностей, как указывает всемирно известный психолог Абрахам Маслоу [10, с. 376]. Что неожиданно, наименьшей популярностью пользуются традиционные ценности, такие как моральные ожидания в отношении распространенного принятия отношений только с разнородным партнером, и отношение к религии. Это подтверждает ожидания, что участники опроса, скорее всего, будут сторонниками либеральных идей, чем нелиберальных. Таким образом, данный результат позволяет сделать вывод о том, что большинство поступающих студентов, а также тех, кто рассматривает возможность обучения за рубежом в будущем, будь то семестр по обмену или полноценная программа обучения, с большой вероятностью будут разделять те же ценности, в особенности политические. Другими словами, вполне обоснованно ожидать уже существующую высокую совместимость в ценностях и мировоззрении между поступающими студентами и принимающим обществом.

Во втором и третьем вопросах заключительной части опроса респондентов просили оценить по шкале Лайкерта важность ценностей для населения России и Германии соответственно. Вопрос, касающийся России, был сформулирован следующим образом: «Насколько, на ваш взгляд, важны эти ценности для населения России в целом?». Результаты показывают (см. таблицу), что, по мнению студентов, наиболее важной ценностью для населения России является патриотизм. В целом 31% студентов указали, что, по их мнению, россияне очень патриотичны, а 51% считают патриотизм значимым для населения России. В совокупности это дает

Восприятие важности ценностей для населения России студентами Рейн-Ваальского университета прикладных наук
 Table. Ranking of the importance of the values of Russian population by students of the Rhine-Waal University of Applied Sciences

Критерий	Количество оценок %				
	очень незначи- тельно	незначи- тельно	умеренно	значи- тель- но	очень значи- тель- но
Верховенство закона	3	27	39	27	3
Безопасность	3	12	42	36	6
Равенство	12	26	56	6	—
Толерантность	40	37	15	—	—
Традиционные ценности	—	—	18	46	34
Многонациональное общество	9	24	39	24	3
Гендерное разнообразие	31	26	27	15	—
Патриотизм	—	—	18	51	31
Свобода слова и прессы	23	31	36	9	3
Авторитет государства на мировой арене	3	3	15	39	39
Уровень технологического развития	—	15	24	58	3
Высокий уровень ВВП	—	6	58	30	6

82% респондентов, убежденных в жизненно важной роли патриотизма в жизни россиян. Что касается восприятия важности традиционных ценностей для россиян, респонденты обрисовали похожую картину: 34% студентов оценили их как очень важные, а еще 46% респондентов как важные. В целом 80% студентов считают, что традиционные ценности имеют значение для россиян. Авторитет государства на мировой арене был также оценен студентами как жизненно важная ценность для российского населения, занимая третье место в порядке значимости после патриотизма и традиционных ценностей.

В свою очередь наименее значимыми для российского населения, по мнению респондентов, являются именно либеральные ценности: а) толерантность (40% респондентов оценили ее как очень незначительную и 37% как незначительную); б) свобода слова и прессы (23% как очень незначительную и 31% как незначительную); а также в) гендерное разнообразие (31% как очень незначительную и 26% как незначительную). В целом более 50% респондентов отметили, что, по их мнению, толерантность (77%), свобода слова и прессы (54%), и гендерное разнообразие (57%) имеют наименьшее значение и ценность для российского общества.

На вопрос: «С какой страной выбранные вами ценности наиболее соотносятся?» — все студенты указали Германию. В развитие предыдущего обсуждения и ранее высказанных сомнений относительно источников представлений студентов Рейн-Ваальского университета прикладных наук, а также их возможных предрасположений относительно России, результаты опроса, похоже, указывают

в сторону высокого влияния популярной культуры. Учитывая молодой возраст респондентов, можно с полной уверенностью предположить, что результаты опроса следует приписать типичному (неправильному) изображению России в голливудских блокбастерах, которые с большой вероятностью потребляются этой группой людей.

Показательно, что никто из респондентов не знаком с Россотрудничеством — российской организацией, занимающейся гуманитарным сотрудничеством, финансированием российских образовательных программ и продвижением российской культуры за рубежом. Этот факт может свидетельствовать либо о недостаточном или неэффективном продвижении российской культуры этим учреждением, либо об общем нежелании западных стран позволять продвигать российскую культуру из-за предполагаемой угрозы либеральным нормам и ценностям в их странах. Другое возможное объяснение — отсутствие интереса иностранных студентов к русской культуре — кажется маловероятным и было опровергнуто в данном, хотя и ограниченном исследовании.

Наконец, что касается информированности об отдельных российских университетах, респонденты продемонстрировали довольно узкие знания, упомянув только РАНХиГС и Высшую школу экономики (по одному разу), Санкт-Петербургский государственный университет (дважды) и Московский государственный университет имени Ломоносова (четыре раза). К сожалению, большинство респондентов не смогли назвать ни одного российского университета. Эти результаты могут объясняться, как было установлено в ходе опроса, не только недостатком информации о российских образовательных программах и доступном финансировании, но также и острой необходимостью в более активной маркетинговой деятельности по продвижению российских образовательных услуг за рубежом и более активном внедрении и применении инструментов «мягкой силы».

Выводы

В ходе анализа данных, собранных с помощью онлайн-опроса, подтвердилась гипотеза о том, что Россия как образовательное направление будет восприниматься студентами Рейн-Ваальского университета прикладных наук (Клеве, Германия) негативно ввиду того, что Россия не относится к лагерю либеральных государств. Результаты опроса выявили заметный интерес иностранных студентов к русской культуре в целом. Однако образование (как одна из категорий культуры в более широком понятии) занимает лишь 7-е место в списке предпочтений студентов Рейн-Ваальского университета прикладных наук, уступая таким элементам культуры, как язык, туризм, литература и национальная кухня.

Результаты опроса показывают, что 79% респондентов хотели бы посетить Россию, когда нынешняя политическая ситуация, вызванная кризисом на Украине, стабилизируется. Однако только 18% респондентов рассматривают Россию в качестве образовательного направления. Преобладающими причинами этого являются: 1) интересы в других образовательных направлениях; 2) языковой барьер; 3) отсутствие информации о российских учебных программах на английском языке и 4) недостаточная финансовая поддержка для обучения в России.

Что касается представлений студентов о политических ценностях, участники определили шесть групп ценностей, которые являются для них наиболее важными (в порядке приоритетности): 1) безопасность; 2) свобода слова; 3) верховенство закона; 4) равенство; 5) толерантность (включая права ЛГБТ и других меньшинств); и 6) многонациональное общество. Но, в то же время, респонденты заявили, что из этих шести ценностей наименее приоритетными для российского населения (в порядке убывания) являются: 1) толерантность; 2) свобода сло-

ва; и 3) гендерное разнообразие. И наоборот, традиционные ценности и патриотизм были оценены респондентами как самые высокие ценности в России, что было ожидаемо. Однако похоже, что эти ценности не являются одинаково важными для респондентов — студентов Рейн-Ваальского университета прикладных наук, поэтому они получили низкие оценки, занимая наименьшее значение в их жизни. Эти результаты показывают, что студенты Рейн-Ваальского университета прикладных наук являются скорее сторонниками либеральных ценностей, чем нелиберальных, и, скорее всего, они уже позитивно настроены по отношению к Германии и другим странам, придерживающимся схожих или идентичных политических взглядов, отличающихся от нелиберального лагеря, к которому они относят Россию.

В результате 100% студентов на вопрос, с какой страной, Россией или Германией, их ценности резонируют больше всего, единогласно выбрали Германию. Негативное восприятие студентами России как образовательной дестинации следует рассматривать как результат сложной последовательности причин. Главной из них являются ценности, включая политико-идеологические установки студентов, которые они воспринимают как несовпадающие с ценностями российского общества. Однако представления иностранцев о стране не могут складываться за рубежом сами по себе, а являются результатом процессов влияния и потребления различного рода информации (в качестве примера можно привести ранее обсуждавшийся результат опроса, где 94% респондентов заявили, что никогда не были в России). Вполне вероятно, что фильмы, СМИ, социальные сети и другие формы популярной культуры, включая американские блокбастеры, могут быть одной из причин того, что Россия имеет негативный образ и представляется студентам непривлекательной. Вторая причина — недостаток информации о российских образовательных программах, стипендиях и перспективах российского высшего образования среди иностранных студентов, что может свидетельствовать о недостаточной или неэффективной деятельности учреждений, ответственных за продвижение российской культуры за рубежом, таких как Россотрудничество и Русский мир. Третья причина, которая также тесно связана со второй, связана с влиянием внешнеполитической повестки дня. Россия ограничена в продвижении собственного имиджа за рубежом в силу того, что он отличается от позиции либеральной точки зрения или, как ее иногда называют в российском политическом дискурсе, позиции «коллективного «Запада».

Подведем итог: проанализированные данные позволяют сделать вывод о том, что разделяемое мировоззрение и политико-идеологические установки с высокой долей вероятности играют важную роль в выборе студентами места обучения за рубежом. Этот и подобные вопросы, связанные с ролью мягкой силы высшего образования и международной студенческой мобильности в формировании национального имиджа, а также построении и укреплении межгосударственных отношений на примере кейсов России и Германии, требуют дальнейшего анализа и будут рассмотрены в магистерской диссертации автора.

Литература

1. *Рустамова Л. Р.* Мягкая сила и публичная дипломатия : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2021.
2. *Селезнева А. В.* Основные подходы к исследованию политических ценностей // Вестник Московского университета. 2007. № 3. С. 110–117.
3. *Селезнева А. В.* Политические ценности в современном массовом сознании: психологический анализ // Южно-российский журнал социальных наук. 2014. № 2. С. 6–18.
4. *Atkinson C.* Does Soft Power Matter? A Comparative Analysis of Student Exchange Programs

- 1980–2006 // Foreign Policy Analysis. 2010. N 6 (1). P. 1–22.
5. Berg B., Lune H. Qualitative Research Methods for the Social Sciences. 9th ed. New Jersey : Pearson Education, 2017.
 6. Deudney D., Ikenberry J. The nature and sources of liberal international order // Review of International Studies. 1999. N 25. P. 179–196.
 7. Lamont C., Boduszynski M. Research Methods in Politics and International Relations. Sage Publications, 2020.
 8. Li J. Conceptualizing Soft Power of Higher Education. Globalization and Universities in China and the World, 2018.
 9. Lomer S. Soft power as a policy rationale for international education in the UK: a critical analysis // Higher Education. 2017. N 74 (4). P. 581–598.
 10. Maslow A. A Theory of Human Motivation. Psychological Review. 1943. N 50 (4). P. 370–396.
 11. Nye J. Bound to lead: The Changing Nature of American Power. Basic Books, A Member of Perseus Books, L. L.C, 1990.
 12. Nye J. Soft Power the Means to Success in World Politics. New-York : Public Affairs, 2004.
 13. Nye J. The Future of Power. New-York : Public Affairs, 2011.
 14. Pattern M., Newhart M. Understanding Research Methods: An overview of the Essentials. Tenth edition. New-York : Routledge, 2018.
 15. Raimzhanova A. Hard, Soft, and Smart Power — Education as a Power Resource. Peter Lang, 2018.
 16. Steger M., Roy R. Neoliberalism: A very short introduction. Oxford University Press, 2010.
 17. Waters J., Brooks R. Student Migrants and Contemporary Educational Mobilities. Cham : Palgrave Macmillan, 2021.
 18. Wojciuk A., Michałek M., Stormowska M. Education as a source and tool of soft power in international relations // Eur Polit Sci. 2015. N 14. P. 298–317.

Об авторе:

Савельчев Леонид Александрович, студент магистратуры факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); Isavelchev-17@edu.ranepa.ru.

References

1. Rustamova L.R. Soft power and public diplomacy: textbook / L. R. Rustamova. Moscow: KNORUS, 2021 (in Rus).
2. Selezneva A.V. Basic approaches to understanding political values // Vestnik of Moscow University [Vestnik Moskovskogo universiteta]. 2007. N 3. P. 110–117 (in Rus).
3. Selezneva A.V. Political Values in Modern Mass Consciousness: A Psychological Analysis // South-Russian Journal of Social Sciences [Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk]. 2014. N 2. P. 6–18 (in Rus).
4. Atkinson C. Does Soft Power Matter? A Comparative Analysis of Student Exchange Programs 1980–2006 // Foreign Policy Analysis. 2010. N 6 (1). P. 1–22.
5. Berg B., Lune H. Qualitative Research Methods for the Social Sciences. 9th ed. New Jersey : Pearson Education, 2017.
6. Deudney D., Ikenberry J. The nature and sources of liberal international order // Review of International Studies. 1999. N 25. P. 179–196.
7. Lamont C., Boduszynski M. Research Methods in Politics and International Relations. Sage Publications, 2020.
8. Li J. Conceptualizing Soft Power of Higher Education. Globalization and Universities in China and the World, 2018.
9. Lomer S. Soft power as a policy rationale for international education in the UK: a critical analysis // Higher Education. 2017. N 74 (4). P. 581–598.
10. Maslow A. A Theory of Human Motivation. Psychological Review. 1943. N 50 (4). P. 370–396.
11. Nye J. Bound to lead: The Changing Nature of American Power. Basic Books, A Member of Perseus Books, L. L.C, 1990.
12. Nye J. Soft Power the Means to Success in World Politics. New-York : Public Affairs, 2004.
13. Nye J. The Future of Power. New-York : Public Affairs, 2011.
14. Pattern M., Newhart M. Understanding Research Methods: An overview of the Essentials. Tenth

- edition. New-York : Routledge, 2018.
15. Raimzhanova A. Hard, Soft, and Smart Power — Education as a Power Resource. Peter Lang, 2018.
 16. Steger M., Roy R. Neoliberalism: A very short introduction. Oxford University Press, 2010.
 17. Waters J., Brooks R. Student Migrants and Contemporary Educational Mobilities. Cham : Palgrave Macmillan, 2021.
 18. Wojciuk A., Michałek M., Stormowska M. Education as a source and tool of soft power in international relations // Eur Polit Sci. 2015. N 14. P. 298–317.

About the author:

Leonid A. Savelchev, Master's Student at Faculty of International Relations and Political Studies of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation); lsavelchev-17@edu.ranepa.ru

Международное право и политическая журналистика в борьбе с радикализацией информационного пространства

Рецензия на монографию «Глобальный индекс экстремизма»

Четвериков А. О.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина, Москва, Российская Федерация; aochetverikov@msal.ru

РЕФЕРАТ

Идея глобального индекса экстремизма отражает необходимость международного сотрудничества в борьбе с опасными проявлениями идеологии политического насилия и риторики ненависти. В условиях, когда нормы национального и международного права гарантируют средствам массовой информации доступ к мировой аудитории, принципиальное значение приобретает способность к реализации свободы слова в интересах культурного обмена и устойчивого развития. В монографии, подготовленной коллективом специалистов в области права и массовых коммуникаций, исследуются политико-правовые аспекты оценки общественной опасности различных проявлений насильственного экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, законность, преступность, СМИ

International Law and Political Journalism in the Fight Against the Information Space Radicalization. Review of the Monograph «Global Extremism Index»

Artem O. Chetverikov

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation; aochetverikov@msal.ru

ABSTRACT

The idea of the global extremism index reflects the need for international cooperation in combating dangerous manifestations of the ideology of political violence and hate speech. In conditions when the norms of national and international law guarantee the mass media access to a global audience, the ability to exercise freedom of speech in the interests of cultural exchange and sustainable development becomes of fundamental importance. The monograph, prepared by a team of specialists in the field of law and mass communications, examines the political and legal aspects of assessing the public danger of various manifestations of violent extremism.

Keywords: extremism, terrorism, legality, crime, media

Монография «Глобальный индекс экстремизма» отражает взгляды авторов на различные аспекты борьбы с насильственным экстремизмом. Особенностью междисциплинарного политико-правового подхода к пониманию проблем экстремизма стала оценка последствий радикализации социальных институтов методами из различных областей гуманитарной науки: юриспруденции, политологии, лингвистики и психологии. Можно констатировать, что коллективная монография «Глобальный индекс экстремизма» стала интересным развитием идей о способах борьбы с насильственным экстремизмом в условиях цифровой трансформации.

**Глобальный индекс экстремизма :
монография / авт. колл.; под общ.
ред. А. И. Бастрыкина,
В. П. Кириленко, А. Д. Хлуткова,
В. А. Шамахова. СПб. : ИПЦ СЗИУ
РАНХиГС, 2023. 416 с.
ISBN 978-5-89781-750-4**

В то время как на страницах монографии «Экстремизм в современном мире» (2018 г.) [8] коллектив авторов разрабатывал концепцию понимания международного экстремизма как опасной идеологии, приводящей к терроризму, новая интересная работа «Глобальный индекс экстремизма» (2023 г.) анализирует методы оценки общественной опасности различных проявлений радикальной идеологии и является существенным шагом вперед в разработке универсального междисциплинарного подхода к проблемам радикализации общественного правосознания и удержания массмедийного дискурса в рамках правового поля.

Исследование «Глобальный индекс экстремизма» стремится решить проблему ограничения легитимной борьбы за свободу и права человека от преступной пропаганды деструктивного насилия. Без понимания формальных отличий террористов и экстремистов от «партизан» [2] обосновать и легитимировать противодействие радикальной идеологии в современных геополитических условиях представляется вряд ли решаемой юридической задачей.

Вопросы противодействия экстремизму и обоснования методики оценки уровня опасности криминальных экстремистских сообществ, рассмотренные в монографии, представляют значительный интерес для тех органов государственной власти и институтов гражданского общества, которые участвуют в мероприятиях по противодействию экстремизму. Существенное научно-практическое значение предложений по оценке уровня общественной опасности проявлений экстремизма и факторов, способствующих радикализации, подтверждается в исследовании примерами из практики.

На фоне активизации экстремистских сообществ участились проявления насильственного экстремизма в отдельных регионах мира. В условиях криминализации мировой политики проблема оценки агрессивности экстремистов как в российской, так и в зарубежной правовой и социально-политической науке вызывает

значительный интерес. Международный экстремизм — критическая угроза для правового государства в цифровую эпоху, так как в современном мире экстремизм становится мотивом для различных криминальных практик: от вербовки сторонников террористов через социальные сети до оправдания массовых убийств в стиле ИГИЛ¹ и «Колумбайн»².

Структура исследования позволила организовать взаимодействие авторов при работе над критериями и показателями индекса восприятия экстремизма в разных регионах Евразийского пространства. Тематика глав и разделов исследования охватывает широкий круг вопросов из областей права, политики, психологии и коммуникологии.

Первая глава «Криминализация политики и глобальный индекс экстремизма» посвящена проблемам политической преступности и поиску объективных критериев криминализации политики. Приведение в исполнение смертных приговоров, убийства журналистов в связи с их профессиональной деятельностью и количество террористических атак выступают в качестве ярких маркеров активности экстремистов.

Вторая глава «Угрозы экстремизма в современном мире» посвящена региональной специфике экстремистской идеологии. Опыт противодействия экстремизму на постсоветском пространстве дополняется анализом борьбы с экстремизмом в Германии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Практические проблемы борьбы с экстремизмом демонстрируют, что популизм и ксенофобия повсеместно являются благодатной почвой для радикализации медиадискурса.

В третьей главе «Преступления экстремистской направленности и судебная экспертиза экстремистских материалов» читателям представлен доктринальный подход к уголовно-правовой квалификации преступлений экстремистской направленности и проанализированы криминалистические аспекты противодействия экстремизму. Правовые исследования демонстрируют последовательные усилия российского государства в деле ужесточения уголовного законодательства о борьбе с экстремизмом.

Четвертая глава «Медийные ресурсы экстремизма: выявление и нейтрализация» характеризует экстремистские практики, которые актуализируются в медиапространстве. Применение методик психолингвистического анализа для оценки мотивов экстремистов при распространении манипуляторной массовой информации позволяет лучше понять *modus operandi* экстремистов и создает научную базу для правильной квалификации правонарушений, связанных с пропагандой экстремизма.

Предметом анализа пятой главы «Психология терроризма и институциональная основа противодействия экстремизму» стали мотивы для участия в жизни экстремистских сообществ и различные психологические проявления экстремизма. Общественная опасность группового девиантного поведения не вызывает сомнений. Здесь небезынтересна позиция авторов о том, что «сущность экстремизма проявляется в насильственном захвате и удержании власти, насильственном изменении конституционного строя» [1, с. 314]. Ответная реакция общества на экстремальные политические практики существенно различается в области политики и в правовом поле. В то время как политики реагируют на экстремистов на эмоциональном и институциональном уровнях, юристы последовательно реагируют запретительным регулированием в отношении пропаганды политического насилия.

Шестая глава «Экстремальный политический процесс: содержание, формы, медиатизация» содержит видение проблемы экстремизма с позиции политической журналистики и правового регулирования электорального процесса. Идея в том,

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

² Признан террористическим движением и запрещен в России.

что не всякое правонарушение в ходе предвыборной борьбы априори является экстремизмом, напротив, «экстремизм выражается в действиях, направленных на достижение крайних, предельных состояний человеческого сознания, выражающихся в деструктивной активности и провокации конфликта» [1, с. 338].

Седьмая глава «Экстремистские речевые деликты и криминализация экстремизма» нацелена на соответствие практики борьбы с экстремизмом нормам международного права. Применительно к криминализации экстремизма сформулирован ряд принципов, основанных на социальной справедливости, «для которой *рациональность, публичность и гласность* являются фундаментом, а творчество (*креативность*) обеспечивает развитие» [1, с. 383]. По мнению авторов, именно принципиальные представления о справедливости вызывают у экстремистов агрессию, радикальные проявления которой на законодательном уровне и в правоприменительной практике квалифицируются как составы политических преступлений.

Работа над монографией большого числа членов авторского коллектива представляется вполне оправданной целями научного исследования региональных особенностей противодействия экстремистской идеологии. Вместе с тем за рамками исследования остались проявления экстремизма в Африке, Северной и Латинской Америке. Есть основания полагать, что разработка «глобального индекса экстремизма» потребует в дальнейшем от авторского коллектива усилий по изучению региональных особенностей противодействия насильственному экстремизму.

В работе рассмотрены положения Указа Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», где указано, что «экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и согласия, основных прав и свобод человека и гражданина, подрывает государственную и общественную безопасность, создает реальную угрозу суверенитету, единству и территориальной целостности Российской Федерации». Поскольку по делам об экстремизме широко используются различные экспертизы, в том числе лингвистические, постольку научные исследования в сфере политологии и лингвистики оказывают существенное влияние на квалификацию правонарушений экстремистской направленности.

Авторами в процессе исследования проанализирован широкий круг вопросов политики экстремизма и проявлений радикальной идеологии, задействован широкий спектр научных методов, в том числе широко используется дискурсивный анализ и проведено сравнительно-правовое исследование, применяется моделирование социально-политических процессов. Использование современной методологии позволило сформулировать ряд интересных предложений по совершенствованию Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года.

В основе юридической составляющей глобального индекса экстремизма лежит последовательное развитие идеи о том, что «при столкновении государства с экстремистами криминализация их политических практик является единственным средством недопущения их во власть и сохранения идеалов правового государства» [1, с. 392]. Правовая оценка глобального индекса экстремизма и криминализации проявлений экстремистской идеологии призвана способствовать всеобщему пониманию критических угроз национальной и международной безопасности, исходящих со стороны экстремистских сообществ.

Авторы монографии разделяют идею о том, что «в государственно-организованном обществе человек может заниматься какой-либо деятельностью только при условии, что она дозволена ему, т. е. разрешена или, по крайней мере, не запрещена государством в законах и других правовых актах» [7, с. 28]. Вместе с тем они предлагают строить запретительную политику в области массовой ин-

формации на национальном уровне в соответствии с положениями международного права.

Завоевание авторитета в международном информационном пространстве предполагает запрет на «неприемлемые в цивилизованном обществе, доходящие до прямой вражды и речевой агрессии» [5, с. 106] материалы средств массовой информации. Опыт борьбы с геноцидом в Руанде показал, что в борьбе с преступлениями против человечности руководители СМИ привлекаются к международной уголовной ответственности за призывы к массовому насилию.

Политический анализ агрессивного дискурса в средствах массовой информации показывает, что радикализация политического и правового сознания граждан и насильственный экстремизм являются актуальными проблемами. Глобальный индекс экстремизма — как показатель уровня насилия в обществе — может способствовать выявлению «генетических источников эксплицитного насилия» [1, с. 18], а также пониманию географии угроз радикализма и противодействия религиозному фанатизму за счет реализации стратегии международного сотрудничества.

Концептуальное понимание психологии экстремизма доказывает рациональность характеристики индекса экстремизма через оценку социальной активности приверженцев экстремистских взглядов на региональном уровне, что «восприятие экстремизма в отдельно взятом государстве отражает политические проблемы в системе обеспечения национальной безопасности, работе СМИ и институтов гражданского общества» [1, с. 57].

Жестокие политические режимы и несправедливость в обществе очевидно свойственны гибридным, неолиберальным демократиям, где «постепенная криминализация государства, которое готово идти на поводу у националистов и экстремистов» [1, с. 392], ставит под угрозу международные мир и безопасность, приводит к войнам, разрушает международное доверие, необходимое для устойчивого развития.

Материалы монографии последовательно изложены, безусловно, актуальны и интересны для читателя. Монография ориентирована на широкий круг специалистов по международным отношениям и праву, преподавателей, студентов и аспирантов гуманитарных направлений подготовки и представляет интерес для журналистского сообщества.

Учитывая, что государственные органы России играют важную роль в противодействии международному экстремизму, создание базового юридико-политического подхода к оценке активности и агрессивности экстремистов может благотворно сказаться на правопорядке в современной международной системе.

Литература

1. Глобальный индекс экстремизма: монография / авт. колл.; под общей ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, А. Д. Хлуткова, В. А. Шамахова. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2023. 416 с.
2. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Легитимность демократии в работах Макса Вебера и Карла Шмитта // Правоведение. 2018. Т. 62. № 3. С. 501–517. DOI: 10.21638/11701/spbu25.2018.305
3. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Проблемы гармонизации европейского и российского законодательства о диффамации // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 9 (154). С. 168–182. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.168-182.
4. Кириленко В. П., Шамахов В. А., Алексеев Г. В. Свобода слова и медиабезопасность : монография. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 440 с.
5. Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Лингвистические приемы антироссийской пропаганды — новый тренд массмедиа Германии // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 5. С. 99–109. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-99-109.
6. Хлебущкин А. Г. Уголовно-правовая охрана политических основ конституционного строя //

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 2 (66). С. 83–89.

7. Четвериков А. О. Свобода науки как основное право человека и гражданина в современном конституционном, международном и европейском праве: сравнительно-правовое исследование // Международный правовой курьер. 2020. № 1-2 (35-36). С. 28–37.
8. Экстремизм в современном мире : монография / под общ. ред. А. И. Бастрыкина, В. П. Кириленко, В. А. Шамахова. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2018. 444 с.

Об авторе:

Четвериков Артем Олегович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина» (Москва, Российская Федерация); aochetverikov@msal.ru

References

1. Global Extremism Index : a monograph / collective of authors; under the general editorship of A. I. Bastrykin, V. P. Kirilenko, A. D. Khlutkov, V. A. Shamakhov. St. Petersburg : Publishing Center of the NWIM RANEPА, 2023. 416 p. (in Rus).
2. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Legitimacy of democracy in the works by Max Weber and Carl Schmitt // Pravovedenie. 2018. 62 (3). P. 501–517. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu25.2018.305> (in Rus).
3. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Problems of Harmonization of European and Russian Legislation on Defamation // Lex Russica. 2019. N 1 (9). P. 168–182. DOI:10.17803/1729-5920.2019.154.9.168-182. (in Rus.)
4. Kirilenko V. P., Shamakhov V. A., Alexeyev G. V. Freedom of Speech and Media Security : monograph / V. P. Kirilenko, V. A. Shamakhov, G. V. Alexeyev. St. Petersburg, Russia : NWIM RANEPА, 2019. 440 p. (in Rus).
5. Melnik G. S., Misonzhnikov B. Ya. Linguistic Methods of Anti-Russian Propaganda — a New Trend in the German Mass Media // Humanitarian vector [Gumanitarnyi vektor]. 2020. Vol. 15. N 5. P. 99–109. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-5-99-109. (in Rus).
6. Khlebushkin A. G. Criminal-law protection of the political foundations of the constitutional system // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii]. 2015. N 2 (66). P. 83–89. (in Rus).
7. Chetverikov A. O. Freedom of science as the basic human and citizen right in the modern constitutional, international and European law: comparative legal study // International legal courier. 2020. N 1-2 (35-36). P. 28–37. EDN VCUKAD (in Rus).
8. Extremism in the modern world: monograph / under the general editorship of A. I. Bastrykin, V. P. Kirilenko, V. A. Shamakhov. St. Petersburg : Publishing Center of the NWIM RANEPА, 2018. 444 p. (in Rus).

About the author:

Artem O. Chetverikov, Doctor of Law, Professor, Professor of Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation); aochetverikov@msal.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем рукописей, принимаемых к рассмотрению, может составлять от 16 000 до 40 000 знаков;
- заполненное и подписанное «**Обязательство автора(-ов)**», образец которого размещен на сайте журнала.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; ORCID ID автора; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Введение (Introduction)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (Materials and Methods)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (Results)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (Discussion)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования.

Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения, которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются. Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем — 250–300 словами. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названии статьи.

Список литературы приводится в конце статьи **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Названия книг, статей и т. д. на **арабском, китайском, японском, корейском**, др. языках (т. е. не имеющих латиницы) приводятся **в переводе на английский язык** (автор, название, место издания, издательство), далее — в скобках — указывается (In Chin.), (In Arab.) и т. д.

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

С полными правилами, а также с образцом оформления статей можно ознакомиться на сайте журнала в разделе «Правила для авторов»:

<https://www.acjournal.ru/jour/about/submissions/authorGuidelines>

2023. № 5(173)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 11.05.2023.
Подписано к печати 29.05.2023.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,42. Тираж 50 экз.
Заказ № 5/23.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97